

Анатолий Шигапов

ЖЕЛЕЗНЫЙ КУЛАК

18+

Анатолий Шигапов

ЖЕЛЕЗНЫЙ КУЛАК

«Автор»

2026

Шигапов А.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КУЛАК / А. Шигапов — «Автор», 2026

Победа - это не конец. Это начало нового цикла насилия. И единственный выбор, который у тебя есть, - кем ты станешь в этом цикле: жертвой, палачом или тем, кто однажды придёт, чтобы разрушить всё заново.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

ЖЕЛЕЗНЫЙ КУЛАК

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я написал эту третью книгу трижды.

Первый раз - в гневе. Я злился на своих героев, на тупик, в который они меня завели. На то, как легко и незаметно они предали самих себя. Я переписывал сцены, заставляя Айрис колебаться дольше, а Элиаса - говорить громче. Я хотел, чтобы они одумались. Чтобы придумали третий путь. Чтобы нашли выход, которого я сам для них не видел.

Второй раз - в отчаянии. Я понял, что они не одумаются. Потому что они - живые. Они не персонажи, которых я могу заставить сделать что-то против их природы. Айрис не может отступить, потому что она знает цену хаосу. Элиас не может её остановить, потому что он знает цену предательству. Я сидел над пустым экраном и не мог дописать сцену, где Айрис подписывает Декрет о призыве. Мне казалось, что, написав её, я сам совершу то же самое предательство. Я хотел, чтобы мои герои были героями. Но они упрямо становились тем, с кем боролись.

Третий раз я написал эту книгу, когда смирился. Со смирением приходит ясность. Я понял, что эта история не о победе. И не о поражении. Она о том, что у победы и поражения одно лицо. Что, разбив одну маску, ты с ужасом обнаруживаешь под ней такую же - только свою собственную. Все великие революции заканчиваются одинаково - не свободой, а сменой тюремщика. Это не цинизм. Это опыт. Это знание, которое мы, люди, носим в себе уже тысячи лет, но каждый раз делаем вид, что на этот раз всё будет по-другому.

Я сидел за столом, глядя на экран, и чувствовал, как мои пальцы отказываются нажимать на клавиши. Я знал, что если я позволю ей подписать этот указ, она навсегда перестанет быть той Айрис, которую я создал. Она станет кем-то другим. Кем-то, кто носит маску врага. И я не хотел этого. Я хотел сохранить её чистой. Я хотел, чтобы она осталась героиней. Но она смотрела на меня с экрана, и в её взгляде было столько боли, что я понял: она уже не героиня. Она - человек. И человек не может быть чистым. Человек не может оставаться героем, если он принимает решения, которые убивают детей.

Я переписывал эту сцену снова и снова. Я менял слова. Я менял обстоятельства. Я пытался найти способ, чтобы она подписала указ, но при этом осталась собой. Это было невозможно. Как невозможно сохранить воду сухой. Как невозможно сохранить огонь холодным. Решения, которые она принимала, меняли её. И я должен был показать это. Я должен был показать, как герой становится палачом. Не потому что он злой. А потому что у него нет выбора.

СТРАХ ПЕРЕД ФИНАЛОМ: ПОЧЕМУ Я ОТКЛАДЫВАЛ ЭТУ КНИГУ

После того как я закончил «Цена Победы», я не прикасался к клавиатуре почти три месяца. Не потому что у меня не было идей. Идей было слишком много. Слишком много. Они роились в голове, как потревоженный улей, и я не знал, как их укротить. Я боялся. Боялся, что не смогу написать третью книгу так, как она должна быть написана. Боялся, что испорчу историю, которую так долго выстраивал. Боялся, что мои герои, которые стали для меня почти живыми людьми, перестанут быть теми, кем я их знал.

Я помню тот день, когда сел писать первую сцену третьей книги. Солнце только начало садиться, и в комнате стало темно, но я не включил свет. Я сидел в полумраке, глядя на пустой экран, и чувствовал, как внутри меня разрастается тяжесть. Это была та особенная тяжесть, которая появляется, когда ты знаешь, что делаешь что-то важное, но не уверен, что сможешь довести это до конца. Мои пальцы дрожали над клавиатурой. Я хотел написать что-то лёгкое. Что-то, что вернёт читателей к надежде. Что-то, что скажет: «Да, всё было тяжело, но теперь будет хорошо».

Но я не мог. Потому что это была ложь.

Я помню, как перечитывал сцену где Айрис и Элиас смотрят на закат. Тогда я думал, что даю им момент покоя. Момент, который они заслужили. Но теперь я понимал, что этот момент был иллюзией. Они были на крыше, но под ними рушился мир. Они смотрели на закат, но не знали, что тьма уже поднимается с другой стороны горизонта. Они чувствовали покой, но покой этот был обманчивым. Таким же обманчивым, как тишина перед бурей.

Я откладывал эту книгу снова и снова. Я придумывал отговорки: «Мне нужно больше времени», «Я должен изучить ещё несколько материалов», «Я не готов». На самом деле я просто боялся. Боялся увидеть, что мои герои не такие, какими я их себе представлял. Боялся, что они разочаруют меня. Боялся, что я разочарую их. Но однажды я понял: если я не напишу эту книгу, они останутся застывшими в том моменте покоя, который был ложью. Они не смогут жить дальше. Они не смогут стать теми, кем должны стать. И тогда я сел за стол и начал писать.

АЙРИС И ЭЛИАС: ДРУЗЬЯ, КОТОРЫЕ СТАЛИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ Я ПЛАНИРОВАЛ

Когда я создавал Айрис и Элиаса, я не думал, что они станут для меня чем-то большим, чем просто персонажами. Они должны были быть инструментами. Средствами для рассказа истории. Я планировал их судьбы, их характеры, их диалоги. Я знал, что они будут делать в каждой сцене. Я контролировал их.

А потом они перестали меня слушаться.

Сначала это было едва заметно. Айрис говорила что-то, чего я не планировал. Элиас реагировал на ситуацию не так, как я задумывал. Я думал, что это просто ошибки. Что я неправильно сформулировал их характеры. Я переписывал. Исправлял. Подгонял под план. Но они упрямо возвращались к своим словам, к своим реакциям, к своим поступкам. И в какой-то момент я понял: они не ошибаются. Это я ошибался. Они не были инструментами. Они были людьми. Они жили своей жизнью, и я не мог заставить их жить по-другому.

С Айрис это было особенно трудно. Она была моей героиней. Моей надеждой. Моим воплощением всего, что я хотел видеть в мире. Я хотел, чтобы она осталась чистой. Чтобы она нашла выход. Чтобы она не пала. Но она не могла не пасть. Потому что её путь был путём человека, а не бога. И человек, который несёт на себе тяжесть мира, неизбежно сгибается. Не ломается. Не исчезает. Сгибается. Становится другим. Становится тем, кого он ненавидел. Не потому что он слаб. А потому что он силен настолько, чтобы принять эту ношу.

Элиас был другим. Он не пытался быть героем. Он всегда знал, что мир не идеален. Что победы не бывают чистыми. Что выборы не бывают правильными. Он был циничным, уставшим, но верным. Он был тем, кто держал Айрис, когда она падала. И я хотел, чтобы он держал её до конца. Но я знал, что даже он не сможет держать её вечно. Что однажды она упадёт так сильно, что он не сможет её поднять. Что он будет стоять рядом и смотреть, как она становится тем, кого он не узнаёт. И он не отвернётся от неё. Он останется. Но он не сможет спасти её. Потому что её нельзя спасти. Её можно только сопровождать в падении.

ГОЛОС АРБИТРА: ПОЧЕМУ Я НЕ МОГ ЗАТКНУТЬ ЕГО

Арбитр был мёртв. Я убил его в конце второй книги. Я был уверен, что это конец. Что он больше не будет преследовать моих героев. Что они наконец-то свободны.

Но Арбитр не ушёл. Он остался в их головах. В моей голове. В каждой сцене, которую я писал, я слышал его голос. Тихий, спокойный, уверенный. Он говорил: «Я предупреждал вас. Я говорил, что люди не могут быть свободными. Я говорил, что они выберут цепи. Я говорил, что вы станете мной. И вы стали. Вы - это я, Айрис. Ты носишь мою маску. Ты сидишь в моём кресле. Ты подписываешь мои указы. Ты - моя преемница».

Я не мог заткнуть этот голос. Я пытался. Я писал сцены, где Айрис сомневалась. Где она пыталась найти другой путь. Где она доказывала, что Арбитр ошибался. Но каждый раз, когда я заканчивал такую сцену, я чувствовал, что это фальшивка. Что я пытаюсь обмануть себя. Что

я боюсь признать правду. Правда была проста: Арбитр не ошибался. Он был прав. И Айрис знала это. И я знал это. И единственный способ двигаться дальше - принять это.

Я помню, как писал сцену, где Айрис смотрит на маску Арбитра. Она стоит в его кабинете, и маска висит на стене. Она смотрит на неё, и её пальцы дрожат. Она хочет разбить её. Она хочет уничтожить всё, что напоминает о нём. Но она не может. Потому что маска больше не на стене. Она на её лице. И она не может её снять. Потому что если она снимет её, мир рухнет. И она знает это. Она знает, что должна носить эту маску до конца своих дней. И она принимает это. Не с радостью. Не с гордостью. Со смирением.

Это был самый трудный момент в написании книги. Я хотел, чтобы она разбила маску. Я хотел, чтобы она сказала: «Нет. Я не ты. Я никогда не стану тобой». Но я знал, что это было бы ложью. И я не мог позволить себе эту ложь. Потому что если бы я позволил, вся книга потеряла бы смысл.

СЦЕНЫ, КОТОРЫЕ Я НЕ МОГ НАПИСАТЬ: ЧЕТЫРЕ ПОПЫТКИ ФИНАЛА

У третьей книги было три разных финала. Три попытки закончить историю. Три раза я садился за стол, зная, что должен написать последнюю сцену, и четыре раза я стирал её, потому что она была неправильной.

Первый финал был светлым. Айрис находила способ сохранить порядок без жестокости. Она создавала систему, которая работала без насилия. Она уходила в закат с Элиасом, оставляя мир лучшим, чем он был. Это была та концовка, которую я хотел написать. Та, которую, как мне казалось, заслужили мои герои. Но она была фальшивой. Она была слишком идеальной. Слишком лёгкой. Слишком сказочной. И я понял, что если я оставлю этот финал, я предаю своих героев. Я сделаю их картонными. Я сделаю их ложными.

Второй финал был открытым. Айрис принимала власть, но оставалась собой. Она не была ни героиней, ни злодейкой. Она была человеком, который делал то, что должен. Элиас оставался с ней, но не оправдывал её решений. Мир не был идеальным, но он был живым. Это был тот финал, который казался правильным. Он был честным. Он был реалистичным. Но он был неполным. В нём не было завершения. Не было точки. Не было катарсиса.

Третий финал стал последним. Я сидел за столом и смотрел на экран, и в голове у меня было пусто. Я не знал, как закончить. Я не знал, что будет после того, как Айрис подпишет последний указ. Но потом я вспомнил Кая и Герду. Детей, которых я придумал несколько месяцев назад, но так и не знал, как их использовать. Я понял, что они - финал. Не потому что они закрывают историю. А потому что они открывают новую. Они - обещание того, что история продолжается. Что даже после падения героев есть те, кто поднимается. Что даже после конца есть начало.

Я написал последнюю сцену за одну ночь. Я не правил её. Я не перечитывал. Я просто записал то, что видел перед собой: двух детей на коленях в грязи, над телами родителей, и их глаза, в которых горела ненависть. И когда я закончил, я почувствовал, что это правильно. Не потому что это был хороший финал. А потому что это был честный финал.

СТРАХ ПЕРЕД ЧИТАТЕЛЯМИ: ПОЧЕМУ Я БОЯЛСЯ ПОКАЗАТЬ ЭТУ КНИГУ

Когда я закончил финальную версию, я не мог смотреть на неё несколько недель. Она лежала в папке на моём столе, и я боялся открыть её. Я боялся, что прочитаю и увижу ошибки. Я боялся, что прочитаю и увижу, что история не работает. Я боялся, что мои герои, которых я так долго выстраивал, оказались не теми, кем я их представлял.

Но больше всего я боялся читателей. Не критиков. Не обзоров. Не оценок. Я боялся тех, кто прошёл со мной весь путь. Тех, кто полюбил Айрис и Элиаса так же, как я. Тех, кто верил в них. Тех, кто надеялся, что в конце всё будет хорошо. Я знал, что они будут разочарованы. Я знал, что они будут злы. Я знал, что они скажут: «Зачем ты это сделал? Зачем ты разрушил их?»

И я не знал, что им ответить. Я не мог сказать: «Я не хотел этого». Потому что я хотел. Не хотел разрушать, но хотел быть честным. Я не мог сказать: «Я сделал это, чтобы вы страдали».

Потому что я не хотел, чтобы они страдали. Я хотел, чтобы они поняли. Чтобы они увидели то, что увидел я. Чтобы они перестали верить в сказки и начали верить в реальность.

Однажды я показал рукопись своему другу. Он прочитал её за два дня и сказал: «Это самая депрессивная вещь, которую я когда-либо читал. Почему ты не дал им счастливый конец?» Я посмотрел на него и сказал: «Потому что счастливый конец был бы ложью». Он не понял. Он сказал: «Но это же книга. Это вымысел. Ты можешь сделать любой конец». Я покачал головой. «Нет. Не могу. Потому что если я сделаю счастливый конец, я скажу, что герои могут победить без потерь. Что свобода не требует жертв. Что мир может быть идеальным. А это не так. И я не хочу лгать».

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ К ГЕРОЯМ: ПОЧЕМУ Я НЕ МОГ ОТПУСТИТЬ ИХ

Когда я писал последнюю главу, я не мог перестать печалиться. Не потому что она была грустной. Не потому что я жалел своих героев. Я был в печали, потому что знал, что это конец. Что я больше не буду писать про них. Что они останутся здесь, на этих страницах, навсегда застывшие в своих решениях. И я не смогу изменить их. Не смогу помочь им. Не смогу сказать им, что они были правы.

Я любил своих героев. Я любил Айрис за её силу, её упрямство, её веру. Я любил Элиаса за его преданность, его цинизм, его тёплую иронию. Я любил их так, как можно любить только тех, кого создал сам. Но я также ненавидел их. Я ненавидел Айрис за то, что она не нашла другого пути. Я ненавидел Элиаса за то, что он не остановил её. Я ненавидел их за то, что они заставили меня увидеть правду. За то, что они сломали мои иллюзии. За то, что они сделали меня честным, когда я хотел быть наивным.

И когда я поставил последнюю точку, я почувствовал пустоту. Ту самую пустоту, которую чувствуют родители, когда их дети уходят из дома. Ту самую пустоту, которую чувствуют учителя, когда их ученики заканчивают школу. Ту самую пустоту, которую чувствуют все, кто отпускает то, что любил. Я знал, что это правильно. Я знал, что это неизбежно. Но это не делало боль менее острой.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ: ПРОЩАНИЕ С ГЕРОЯМИ

Я пишу эти строки в последнюю ночь перед тем, как разместить рукопись в сети. За окном - дождь. Тот самый дождь, который идёт в начале книги, когда Айрис сидит в своём кабинете и ждёт беженца с юга. Тот самый дождь, который льёт в финале, когда Кай и Герда уходят из горящего сектора. Дождь - символ очищения, но также и символ печали. Он смывает прошлое, но он же приносит новую жизнь. Он умирает, чтобы родиться снова.

Я чувствую себя так же. Я устал. Я отдал этой истории всё, что у меня было. Я вложил в неё свои страхи, свои сомнения, свою боль. Я вложил в неё свою надежду, которую она разрушила. Я вложил в неё свою веру, которую она предала. Но я не жалею об этом. Потому что эта история - не просто текст. Это опыт. Это зеркало. Это возможность увидеть себя и задать себе вопрос: «А что бы сделал я?»

Я не знаю, что бы сделал я. Я хочу верить, что я нашёл бы третий путь. Я хочу верить, что я был бы лучше. Но я не знаю. И в этом - самая страшная и самая честная истина. Я не знаю, каким бы я стал, если бы на меня легла тяжесть мира. И именно поэтому я не могу судить Айрис. Потому что я могу только наблюдать. Могу только записывать. Могу только показывать вам то, что я увидел.

Я смотрю на экран, на последнюю страницу рукописи, и чувствую, как внутри меня поднимается волна. Не сожаление. Не облегчение. Что-то среднее. Смесь грусти и гордости. Грусти от того, что всё закончилось. Гордости от того, что я довёл это до конца. Что я не сдался. Что я не солгал. Что я дал своим героям ту историю, которую они заслужили.

Я закрываю ноутбук и смотрю в окно. Дождь всё идёт. Он стучит по стеклу, как сотни маленьких пальцев. Где-то в этом городе, в этом мире, есть люди, которые завтра откроют эту книгу. Они будут читать о Айрис и Элиасе. Они будут переживать их падение. Они будут

ненавидеть меня за то, что я сделал. И они будут правы. Потому что это действительно трудно - принять правду. Но я надеюсь, что они также увидят то, что увидел я. Что эта история не о поражении. Она о мужестве. Мужестве принимать сложные решения. Мужестве нести ответственность за них. Мужестве жить с последствиями.

Я прощаюсь с моими героями. Я больше не буду писать о них. Они останутся здесь, на этих страницах, навсегда застывшие в своих решениях. Я не смогу изменить их. Не смогу помочь им. Не смогу сказать им, что они были правы. Но я могу сказать вам: они были правы. Даже если это трудно принять. Даже если это больно. Они были правы. Потому что они сделали то, что должны были. Они заплатили цену, которую никто не хотел платить. Они стали тем, кого ненавидели. Но они сделали это, чтобы защитить тех, кого любили.

Вперёд. В новый рассвет.

Анатолий Шигапов

ГЛАВА 1: «ЮЖНЫЙ ВЕТЕР»

Айрис сидела в своём кабинете на верхнем этаже административного здания столицы - единственном месте во всем комплексе, где окна выходили не на внутренний двор, а на западные окраины. За окном было серое, ватное небо, и мелкий нудный дождь, который уже вторую неделю не прекращался, монотонно барабанил по свинцовой раме. Она чувствовала, как сырость проникает сквозь толщу каменных стен, как холод, словно живая тварь, оседает на коже, забираясь под ворот форменного кителя. Это был один из тех дней, когда даже воздух казался тяжёлым - напитанным водой, гнилью и предчувствием беды.

Она просматривала отчёты с северных шахт - сухие, выверенные цифры, столбцы дневной добычи, почасовые списки рабочих смен, графики поставок руды в кузницы. Всё было привычно, предсказуемо, почти скучно до зевоты. Айрис машинально пересчитывала итоговые суммы, хотя знала их наизусть, - это занятие успокаивало её, создавало иллюзию порядка в мире, который всё чаще казался ей карточным домиком. Она уже собиралась отложить плотные листы пергамента и вызвать курьера, когда в дверь, обитую потемневшей медью, постучали.

Стук был резким, нетерпеливым - не таким, как обычно стучались адъютанты или писцы. Айрис нахмурилась, пальцы на мгновение замерли над стопкой бумаг. Она выпрямилась, поправила воротник и, стараясь, чтобы голос звучал ровно, произнесла:

- Войдите.

Дверь распахнулась с протяжным скрипом, и в кабинет, слегка придерживаемый за локоть дежурным стражником, ввалился мужчина. Айрис подняла глаза - и на секунду перестала дышать. Мужчина едва стоял на ногах: его одежда, когда-то, видимо, добротная дорожная куртка, была порвана в клочья и местами обгорела, на ткани темнели маслянистые пятна, пахнущие гарью и палёной шерстью. Лицо его покрывала густая копоть, смешанная с засохшей грязью, под глазами залегли глубокие, почти синюшные круги - следы бессонницы и истощения. Он шатался, и стражник, хмурый мужчина с нашивкой десятника, поддерживал его под локоть, явно опасаясь, что тот рухнет прямо на порог.

- Командир, - сказал стражник, кивнув в сторону вошедшего. - Его нашли у южных ворот, на посту. Сказал, что идёт пешком уже пять дней. Бредил, но когда пришёл в себя, назвался беженцем. Говорит, что есть важные новости - лично для вас.

- Для меня? - переспросила Айрис, прищурившись. - Почему для меня?

Но мужчина не дал стражнику ответить. Он вырвал свой локоть из рук стражника - жест был почти агрессивным, но в нём чувствовалась лишь отчаянная, животная потребность говорить - и рухнул на колени прямо на холодный каменный пол. Его тело дрожало, по спине пробежала крупная дрожь, и он начал бормотать, почти неразборчиво, глотая окончания и задыхаясь от собственного дыхания:

- Они идут... Они идут через Фронтир... Мы не ждали их с той стороны, никто не ждал... Города пали... Все мертвы... Я видел дым, я видел, как горело небо...

Айрис вгляделась в его лицо, в глаза, которые метались по комнате, не находя точки опоры. В них был страх - настоящий, первобытный, тот самый, который невозможно сыграть, который выжигает душу изнутри. Она видела такой страх однажды, пять лет назад, на подавлении бунта в приграничной крепости. Но сейчас она заметила и что-то ещё. Что-то неуловимое, что заставило её внутренний голос насторожиться. В глубине его зрачков, в том, как он на мгновение задержал взгляд на её столе, на разложенных картах, тлело нечто иное - не паника, а внимательность. Оценка. И это было странно для человека, который только что сообщал о гибели всего юга.

- Воды, - резко сказала она стражнику, не сводя глаз с беженца. - Живо.

Стражник кивнул и отошёл к боковому столику, где стоял глиняный кувшин с водой, накрытый холщовой тряпицей. Айрис жестом велела подать его ей. Она взяла кувшин в руки - он был тяжёлым, прохладным - и протянула мужчине. Тот схватил его дрожащими, неуклюжими пальцами и припал к горлышку с такой жадностью, словно не видел воды не то что неделю - месяц. Он пил шумно, захлёбываясь, расплёскивая воду на пол, на свои порванные штаны, на колени. Капли разлетались во все стороны, и на каменных плитах быстро расплывались тёмные влажные пятна. Он пил долго, не отрываясь, пока Айрис молча, не шевелясь, наблюдала за ним, подперев подбородок сцепленными пальцами.

И пока он пил, она рассматривала его. Теперь, когда он перестал говорить и частично успокоился, её взгляд скользнул по его фигуре. И остановился на руках. На его руках, которые сжимали кувшин с такой силой, что побелели костяшки.

Руки были чистыми - без мозолей, без привычной для беженца огрубевшей кожи, без ссадин и порезов. Аккуратные, ухоженные ногти, на одном из которых даже сохранился слабый блеск полировки. На запястье, чуть выше края порванного рукава, она заметила тонкий, едва заметный след от браслета - ровная полоска более светлой кожи. Этот человек не работал в поле, не строил укрепления, не добывал руду, не таскал мешки с зерном. Его руки были руками того, кто никогда не занимался физическим трудом - или, по крайней мере, не занимался им последние несколько лет.

Она медленно откинулась на спинку своего резного дубового стула, который жалобно скрипнул под её весом, и сложила руки на столе, поверх карт и отчётов. Мужчина наконец допил воду и опустил кувшин, тяжело дыша и вытирая рот тыльной стороной ладони. Он поднял на неё глаза - в них была мольба, отчаяние и тлеющая надежда на то, что ей поверят, что она не задаст лишних вопросов.

Но Айрис уже знала - его история не была всей правдой. Она чувствовала это нутром, тем чутьём, которое не раз спасало ей жизнь в переговорах и за столом совета.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только размеренным стуком дождя за окном. Где-то внизу, в коридорах административного здания, слышались приглушённые шаги, лязг доспехов сменяющегося караула, далёкий голос диспетчера, выкрикивающего приказы. Но здесь, в этом кабинете, мир сузился до трёх человек и нарастающего между ними напряжения.

Айрис отодвинулась от стола ещё на пару дюймов и тихо, но так, чтобы голос звучал как сталь, сказала стражнику:

- Приведи Элиаса. Сейчас же.

Стражник вздрогнул от неожиданности - он явно ждал других распоряжений, например, отправить беженца в лазарет или в караулку, - но кивнул и бесшумно вышел, притворив за собой дверь. Его шаги быстро затихли в каменном коридоре.

Айрис осталась сидеть напротив мужчины. Она не говорила ни слова. Она просто ждала, пока его дыхание выровняется, пока дрожь в плечах утихнет. Она давала ему время, но в этом

молчании было больше допроса, чем в любых словах. Мужчина опустил кувшин на пол, убрал мокрые волосы с лица и посмотрел на неё с благодарностью, которая казалась почти искренней.

- Спасибо, - прошептал он, и голос его сорвался на хрип. - Спасибо, командир. Вы не знаете, что это значит - просто увидеть живое лицо и услышать спокойный голос.

Она молчала, продолжая гипнотизировать его взглядом. Он смотрел на неё с мольбой, но она уже знала - этот человек пришёл не случайно. Он не просто беженец. Он посланец, разведчик, или, возможно, пешка в чужой игре. Он был частью чего-то большего. И она должна была понять, чего именно. Должна была вытянуть из него правду до того, как в кабинет войдёт Элиас с его цепкими вопросами и улыбкой, которая никогда не касалась глаз.

Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как прохладный воздух кабинета обжигает горло, и наконец задала первый вопрос, который должна была задать ещё в самом начале:

- Как тебя зовут? Настоящее имя.

Мужчина на мгновение замешкался. Его глаза моргнули раз, другой, и в них промелькнула тень - то ли страха, то ли раздумья. Он опустил голову, потом снова поднял и сказал, уже твёрже:

- Кайл. Меня зовут Кайл. Я был писарем в портовом городе Серый Утёс. Пока он не сгорел.

Айрис кивнула, запоминая название - Серый Утёс действительно существовал, это был торговый порт на южном побережье. Она знала, что это имя может быть правдой, а может быть ложью. Но сейчас это не имело значения. Ей нужно было дождаться Элиаса. Он умел задавать правильные вопросы и видеть там, где она - только догадываться.

Дождь продолжал стучать по стеклу, усиливаясь, переходя в ливень. По ту сторону окна мир исчез за серой стеной воды. Кайл сидел на полу, поджав под себя ноги, обхватив колени руками, и дрожал - то ли от холода, то ли от воспоминаний. Айрис смотрела на него и чувствовала, как напряжение, плотное и вязкое, заполняет комнату, вытесняя воздух. Что-то начиналось. И она не знала, что это будет - катастрофа или возможность.

Где-то внизу хлопнула тяжёлая дверь. Шаги. Двое. Быстрые. Это шёл Элиас.

Айрис перевела взгляд на дверь, затем снова на Кайла. И прошептала почти беззвучно, себе под нос:

- Посмотрим, что ты принёс нам на самом деле.

Элиас вошёл в кабинет Айрис ровно через пять минут после того, как стражник передал ему приказ. Он не спешил - он никогда не спешил, - но его шаги были тяжёлыми и размеренными, каждый удар сапог о каменный пол отдавался эхом в коридоре. Он был высоким, широкоплечим, с мощной грудью, которая ещё помнила годы строевой службы, и с сединой на висках, появившейся задолго до того, как ему исполнилось сорок. Его лицо, изрезанное мелкими морщинами, напоминало старую карту местности, где каждая линия была следом от прожитого сражения. Его глаза - тёмные, глубокие, с припухшими веками - видели слишком много войн, слишком много смертей, слишком много лжи, чтобы теперь удивляться чему-либо. Они не выражали ничего, когда он перевёл взгляд с Айрис на беженца, который всё ещё сидел на полу, сжавшись в комок, словно пытался стать меньше, чем был на самом деле.

Элиас не сказал ни слова. Он вообще не любил лишних разговоров. Вместо этого он сделал два шага вперёд, наклонился, схватил мужчину за плечо - жёстко, но без жестокости - и рывком поднял его на ноги. Кайл охнул, его колени подогнулись, но Элиас уже придерживал его, разворачивая к выходу. Айрис осталась сидеть за столом, её пальцы лежали на стопке отчётов, и она смотрела им вслед - на широкую спину Элиаса, на сгорбленную фигуру беженца, на то, как дверь медленно закрылась за ними, оставив её наедине с шумом дождя и гулом собственных мыслей. Она знала, что Элиас сделает всё, что нужно. Она доверяла ему больше, чем кому-либо на этом континенте, больше, чем самой себе в некоторые дни.

Элиас провёл Кайла по длинному коридору, мимо трёх дверей и одного поворота, туда, где административная часть здания переходила в старые, редко используемые помещения. Он открыл дверь, обитую металлом, и жестом велел беженцу войти. Это была отдельная комната - бывшая камера для временного задержания, которую теперь использовали для «тихих бесед». Пустое помещение с голыми бетонными стенами, которые на ощупь были холодными и шершавыми, с одним-единственным стулом в центре - металлическим, ржавым, с продавленным сиденьем - и лампой без абажура, свисающей с потолка на тонком, покрытом паутиной проводе. Лампа горела тусклым жёлтым светом, который дрожал и мерцал от сквозняков, создавая на стенах длинные, танцующие тени, похожие на пальцы, тянущиеся к полу. В комнате не было окон, не было ничего, кроме этого стула, голых стен и запаха сырости, который смешивался с запахом старой металлической пыли.

Элиас усадил мужчину на стул - тот сел с явной неохотой, его плечи напряглись, а пальцы вцепились в края сиденья - и сел напротив него, поставив на пол между ними деревянный ящик, служивший импровизированным столом. Он не торопился. Он достал из внутреннего кармана старого, потёртого кожаного старого армейский нож - широкий, с зазубринами на обухе и потускневшим лезвием, которое видело кровь не раз. Элиас положил нож на ящик, не угрожающе, не демонстративно, а скорее как напоминание - тихое, невысказанное - о том, кто здесь задаёт вопросы, а кто на них отвечает. Затем он достал из другого кармана грязную тряпку, развернул её и начал медленно, методично протирать лезвие, проводя тканью от рукоятки к острию и обратно. Он не смотрел на Кайла. Он сосредоточился на ноже, на том, как свет лампы скользит по стали, на каждом движении своих пальцев.

В комнате повисла тишина. Тяжёлая, густая, как ртуть. Кайл слышал, как скрипит под ним стул, как где-то за стеной капает вода, как его собственное дыхание становится всё более частым и прерывистым. Он сглотнул - сухо, с трудом - и его кадык дёрнулся. Он ждал, что Элиас заговорит первым. Но Элиас молчал, и это молчание давило сильнее любых слов.

Наконец, когда прошло почти две минуты, а для Кайла они растянулись в вечность, Элиас поднял глаза. Его взгляд был спокойным, почти скучающим, но в глубине зрачков тлело что-то, от чего у Кайла похолодело под ложечкой.

- Как тебя зовут? - спросил Элиас ровным, лишённым интонаций голосом. Он продолжал протирать нож, не останавливаясь.

Кайл дёрнулся, словно его ударили. Он открыл рот, закрыл, снова сглотнул и ответил, стараясь, чтобы голос не дрожал, но дрожь всё равно просочилась в каждое слово:

- Кайл. Меня зовут Кайл.

- Откуда ты, Кайл? - Элиас провёл тряпкой по лезвию ещё раз. Медленно. С чувством.

- С юга. Из города Вернон. - Кайл говорил быстро, словно боялся, что его перебьют. - Я был разносчиком - разносил письма, посылки, иногда работал на рынке. Ничего особенного, обычная работа.

Элиас кивнул, не поднимая глаз. Его внимание было приковано к ножу, к тому, как тусклый свет лампы отражался от металла, как ткань собирала невидимую грязь. Но на самом деле он слушал. Он слушал каждое слово, каждый вздох, каждую паузу, каждый микроскопический провал в голосе Кайла. Он слышал, как тот запинаясь на слове «Вернон» - слишком быстро произносит, слишком старательно, словно заучил название наизусть. Он слышал, как пальцы Кайла скребут по металлу сиденья.

- Расскажи мне, что случилось в Верноне, - сказал Элиас, не меняя тона.

Кайл сглотнул снова - в горле пересохло, и он провёл языком по губам. Его руки дрожали, и он сжал их в кулаки, чтобы скрыть это, но Элиас заметил - он замечал всё. Кайл выдохнул, собираясь с мыслями, и начал:

- Они пришли утром. Солнце только поднималось, и мы не ожидали. Никто не ожидал. Они просто появились на улицах - солдаты в чёрной форме, с оружием. Они начали стрелять.

Они не говорили ни слова, не требовали сдаться. Они просто убивали. Сначала я услышал крики - с рыночной площади. А потом уже стрельбу. Я выглянул в окно и увидел их.

- Кто «они»? - перебил Элиас. Он отложил тряпку и взял нож в руку, поворачивая его под светом.

- Фронтир, - ответил Кайл, и его голос сорвался на хрип. - Это был Фронтир. Я узнал их по эмблеме на плечах.

Элиас поднял глаза. Впервые за весь разговор он посмотрел Кайлу прямо в лицо, и его взгляд стал чуть острее, чуть пронзительнее.

- Ты видел эмблему? - переспросил он. Его голос остался ровным, но в нём появилась нотка - едва заметное напряжение.

- Да, - ответил Кайл, и в его голосе мелькнула тень гордости - мол, я внимательный, я запомнил важное. - Я стоял у окна на втором этаже. Я видел их, когда они проходили по улице. У них была эмблема - три линии, пересекающиеся в центре, как звезда, только неправильная. Я не знаю, что это значит. Но я запомнил её.

Элиас медленно кивнул, опуская нож обратно на ящик. Он не показал виду, но внутри у него всё сжалось. Три пересекающиеся линии - это был не Фронтир. Это была эмблема Внутреннего Круга, тайной службы, которую расформировали ещё десять лет назад. Никто из простых людей не мог знать о ней. Элиас знал, потому что сам служил в Круге, пока его не закрыли. Этот «разносчик» только что назвал эмблему, которую не могли знать ни беженцы, ни простые солдаты.

Но Элиас не выдал своих мыслей. Его лицо осталось невозмутимым, как каменная маска. Он лишь чуть наклонил голову вперёд и сказал:

- Расскажи мне подробнее. Как они вошли в город? Какие улицы они использовали?

Кайл оживился. Он начал говорить быстро, почти без запинки, словно его прорвало. Он называл улицы - Северную, Рыночную, Набережную, - их расположение, описывал, как солдаты выстраивались в клинья, как они блокировали выходы с площади, как они убивали людей у фонтана и у здания старой управы. Он даже назвал цвета униформы - чёрные мундиры с серебряной окантовкой, высокие сапоги, шлемы без забрал. Он рассказывал, как солдаты двигались по городу слаженно, как профессионалы, как они перекрывали переулки, как они зачищали дома один за другим. Он называл имена офицеров - некие «майор Восс» и «капитан Хейл», - которых, по его словам, он слышал от других беженцев, прятавшихся в подвале.

Элиас слушал и машинально кивал, поддерживая видимость внимания. Но его мозг работал как отлаженный механизм. Всё это было слишком подробно. Слишком точно. Слишком идеально выверено. Обычный разносчик, даже если бы он чудом выжил, не запомнил бы столько деталей - он бы не стоял у окна и не наблюдал за передвижениями врага с тактической точностью. Он бы бежал, прятался, искал укрытие. Он бы запомнил страх, запах крови, звуки стрельбы - но не систему улиц и не тактику вражеских отрядов. В этом рассказе было слишком много «правильных» деталей, слишком много военной лексики, слишком много знания, которого у простого человека быть не могло.

Кайл говорил ещё несколько минут, размахивая руками, описывая, как горели дома, как дым затянул небо, как крики постепенно стихали, сменяясь мёртвой тишиной. Элиас дал ему выговориться. Он знал, что иногда лучший способ допросить - это позволить лжецу закопаться глубже в собственную ложь.

- Как тебе удалось сбежать? - спросил он, когда Кайл наконец замолчал, переведя дух.

Кайл замолчал. Впервые за весь его рассказ наступила пауза, и она была красноречивее любых слов. Его глаза забегали - сначала влево, потом вправо, - и он сглотнул. Его пальцы снова впились в край сиденья, побелели на костяшках.

- Я спрятался, - сказал он, и голос его дрогнул. - Когда они начали стрелять, я побежал к задней части дома. Я спрятался в колодце.

Элиас замер. Внутри него всё оборвалось. Он знал - он знал наверняка, потому что изучал карты южных городов десять лет назад, когда планировал маршруты снабжения. В городах юга не было колодцев. Там была только система водопровода, построенная ещё во времена Архитектора, - подземные трубы, акведуки, насосные станции, которые подавали воду прямо в дома. Колодцы были только на севере, в горных районах, и в приграничных поселениях. В Верноне, крупном торговом городе, колодцев не было уже много десятилетий.

Кайл только что провалился. И он сам этого не понял.

Элиас не выдал своего открытия. Он даже не моргнул. Он спокойно кивнул, словно услышал самую обычную вещь, и убрал нож со стола, убрав его в ножны на поясе. Кайл смотрел на него с надеждой - в глазах его плескалось отчаяние, смешанное с мольбой о том, чтобы ему поверили, чтобы его отпустили, чтобы этот страшный человек с ледяным взглядом перестал давить на него.

- Спасибо, - сказал Элиас, и его голос прозвучал почти мягко. - Ты нам очень помог. Твой рассказ очень важен для нас.

Он поднялся, и его тень на мгновение накрыла Кайла, заставив того вздрогнуть. Элиас развернулся, не добавив ни слова, и вышел из комнаты. Тяжёлая дверь закрылась за ним с глухим металлическим лязгом, и он слышал, как внутри Кайл судорожно выдохнул - то ли от облегчения, то ли от страха.

В коридоре его уже ждала Айрис. Она стояла у стены, скрестив руки на груди, её лицо было бледным в тусклом свете масляных ламп. Она не задала вопросов - она просто ждала, глядя на него своими пронзительными глазами. Элиас подошёл к ней, наклонился почти к самому её уху, так, чтобы даже стенам не было слышно, и прошептал:

- Он либо шпион, либо его заставили говорить. Это точно. Он назвал эмблему Внутреннего Круга, которую никто не знает уже десять лет. И он сказал, что прятался в колодце. В Верноне нет колодцев. Он врёт - и врёт профессионально, но не там, где нужно.

Айрис медленно кивнула. Её челюсть сжалась, и в глазах мелькнула тень тревоги, которую она редко позволяла себе показывать. Она знала, что Элиас не ошибался. Он никогда не ошибался в таких вещах. И она знала, что это только начало. Если Фронтир здесь ни при чём, а за этим беженцем стоит кто-то более опасный, значит, они стоят на пороге чего-то гораздо более крупного, чем просто нападение на южные города.

- Что будем делать? - спросила она тихо, почти беззвучно.

Элиас выпрямился, поправил воротник и посмотрел в сторону двери, за которой сидел Кайл.

- Я задам ему ещё несколько вопросов, - сказал он. - Но по-другому. И тогда мы узнаем, кто его послал и почему он так хочет, чтобы мы поверили в нападение Фронтира.

Айрис вернулась в свой кабинет быстрым, решительным шагом, оставив Элиаса позади - он шёл следом, но не торопясь, давая ей пространство, которое она так ценила в моменты напряжения. Она подошла к своему рабочему столу - массивному, дубовому, с потёртой столешницей, на которой были выцарапаны десятки пометок от прежних владельцев, - и взялась за край свитка, лежащего на самом дне ящика. Это была большая карта Союза и южных территорий, та самая, которую она берегла для особых случаев. Она развернула её на столе медленно, почти ритуально, тщательно расправляя края плотной, пожелтевшей бумаги, которые начали загибаться от времени и влажности. Каждый угол она придавила тяжёлыми медными пресс-папье - фигурками грифонов, которые когда-то принадлежали её отцу. Карта была старой, потёртой, на ней виднелись следы от чернильных пятен и складки, которые уже не разгладить, но на ней были отчётливо видны все города, все дороги, все горные хребты и речные артерии, которые она знала наизусть с детства. Она вглядывалась в эти линии, как в морщины на лице старого друга, и чувствовала, как под пальцами пульсирует история этого мира.

Элиас стоял у двери, скрестив руки на широкой груди, прислонившись плечом к косяку. Его тёмные глаза следили за каждым её движением, но лицо оставалось непроницаемым, как маска. Он не мешал, не задавал вопросов, просто ждал - как умел только он, с терпением старого солдата, который знает, что правда всегда требует времени. Кайл сидел в углу комнаты на полу, там, где его оставил Элиас. Он сжался в комок, обхватив колени руками, и его плечи мелко дрожали, хотя в кабинете было тепло - в камине горели дрова, и их потрескивание смешивалось с монотонным стуком дождя за окном. Кайл не смотрел на карту. Он смотрел на свои руки, на грязные ногти, на тонкие линии на ладонях, и его глаза бегали по комнате, как у загнанного зверя, который ищет путь к отступлению, но не находит его.

Айрис взяла из верхнего ящика стола коробку с красными флажками - маленькие треугольники из жести, покрашенные в цвет запёкшейся крови, с острыми концами, которые она всегда использовала для тактических отметок. Она начала втыкать их в карту один за другим, ровно и аккуратно, называя города вслух, словно произносила имена павших товарищей.

- Вернон, - сказала она, втыкая первый флажок в точку на южном побережье.

- Эштон, - второй, чуть севернее.

- Мидвей, - третий, прямо в центре плодородной равнины.

- Кросс-роудс, - четвёртый, у пересечения двух торговых трактов.

- Лейквуд, - пятый, у самого подножия предгорий.

Пять городов. Пять точек на карте, которые теперь, по словам Кайла, были просто выжженными пустошами, пеплом и тишиной. Она втыкала флажки с усилием, и каждый раз жестяной кончик с тихим хрустом пробивал плотную бумагу. Она чувствовала это сопротивление пальцами - как будто карта не хотела принимать эти метки, сопротивлялась тому, чтобы её целостность была нарушена. Айрис отодвинулась от стола на шаг, затем ещё на шаг, сложила руки на груди и уставилась на карту, на этот частокол красных флажков, торчащих из южных земель, как кровавые иглы из тела.

Что-то было не так. Она чувствовала это всем нутром, тем особым чутьём, которое не раз спасало её в дни, когда всё шло к катастрофе. Но она не могла сразу понять, что именно - только смутное, тревожное ощущение, будто она смотрит на хорошо знакомое лицо и не узнаёт его из-за одной-единственной неправильной черты. Она нахмурилась, провела пальцем по карте, следуя за линиями дорог, и соединила точки, которые только что отметила. Вернон, Эштон, Мидвей, Кросс-роудс, Лейквуд. Её палец скользнул по выцветшей бумаге, оставляя за собой чуть заметный влажный след от пота, и она соединила их в одну линию, потом замерла. Ладонь её застыла над картой, а дыхание на секунду перехватило.

- Элиас, - сказала она, и голос её прозвучал ниже, чем обычно, почти шёпотом. - Посмотри на это. Скажи мне, что ты видишь.

Элиас отлепился от косяка и бесшумно подошёл к столу. Он остановился рядом с Айрис, нависая над картой своей массивной фигурой, и уставился на пунктирную линию, которую она провела пальцем. Его брови сдвинулись, и в углах его глаз появились глубокие морщины - он тоже увидел это, увидел с той же ясностью, с какой Айрис увидела мгновение назад.

- Они не на пути к столице, - сказал он, и в голосе его прозвучала стальная нота, которую она слышала только в моменты настоящей опасности. - Они не двигаются к нам. Они идут к горам.

Айрис медленно кивнула, чувствуя, как холодок пробегает по позвоночнику. Она провела линию дальше, за последний флажок - за Лейквуд, - и её палец упёрся в тёмное, нерасчерченное пятно на восточной окраине карты, где заканчивались все дороги и начиналась пустота. Там были нанесены лишь редкие штрихи, обозначающие скалистые пики, и ни одного названия. Восточные горы - хребет, который на старых картах называли Пределом, потому что за ним не было ничего, кроме скал, вечных снегов и безмолвия.

- Кто-то специально уничтожил эти города, - сказала она, и голос её стал твёрже, в нём прорезалась та самая командирская интонация, перед которой трепетали даже кадровые военные. - Они не пытаются захватить столицу. Они не преследуют политических целей. Они прокладывают дорогу - просеку через живое - к чему-то, что находится в этих горах. К чему-то, что они считают важнее, чем захват власти, чем победа, чем сама война.

Она резко повернулась и посмотрела на Кайла. Он сидел в углу, сжавшись в комок, и дрожал, но его глаза - Айрис заметила это - следили за ней. Он не смотрел на карту, но он смотрел на неё, на Айрис, с выражением, в котором смешались ужас и странное, почти любопытное удивление. Словно он не ожидал, что она так быстро увидит то, что он пытался скрыть. Айрис бросила взгляд на Элиаса, тот едва заметно кивнул, и она быстрыми шагами пересекла комнату, опустилась перед Кайлом на корточки, оказавшись с ним на одном уровне. Она смотрела ему прямо в глаза - в эти бегающие, напуганные глаза, - и держала его взгляд так, что он не мог отвести его, даже если бы захотел.

- Что они ищут на востоке? - спросила она тихо, почти ласково, но в этой тишине была сталь, которую невозможно не услышать. - Ты знаешь. Ты знаешь больше, чем сказал нам. Что. Они. Ищут. В горах?

Кайл открыл рот, его губы дрожали, и он попытался что-то сказать, но звук застрял у него в горле. Он закрыл рот, сглотнул, и его кадык дёрнулся вверх и вниз. Его глаза метались по её лицу, по стенам, по потолку, и он облизнул пересохшие губы.

- Я не знаю, - прошептал он, и голос его был похож на скрип ржавого механизма. - Я не знаю, что они ищут. Я знаю только, что они оставляют за собой пустоту. Никаких следов. Никаких тел. Только пепел. Везде, куда они приходят, остаётся только серый пепел, и пахнет горелым мясом. Я не знаю, что в горах. Я знаю только, что они хотят туда попасть. И они не остановятся. Никто их не остановит.

Айрис смотрела на него несколько долгих секунд, вглядываясь в его зрачки, в то, как они расширяются при каждом слове, в то, как его дыхание становится всё более поверхностным и частым. Она видела, что он говорит правду - или, по крайней мере, ту её часть, которую он знал и которую мог высказать вслух. Страх в его глазах был настоящим, неподдельным, тем животным ужасом, который невозможно сыграть. Но она также видела что-то ещё - тень, промелькнувшую в глубине его взгляда, когда она спросила про горы. Что-то, что он не мог сказать. Что-то, что было заперто так глубоко, что даже он сам, возможно, не знал об этом до конца.

Она медленно выпрямилась, разгибая колени, и вернулась к карте. Элиас стоял рядом, его рука лежала на столе, пальцы сжимали край бумаги, и он ждал. Айрис устала на красные флажки, на линию, которую она провела, на тёмное пятно гор. Она смотрела так долго, что в глазах начало рябить, и краски на карте начали смешиваться в одно размытое пятно.

- Это не война за территории, - сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к Элиасу или Кайлу. Голос её звучал глухо, почти задумчиво, как у человека, который решает головоломку, стоящую жизни. - Это не война за ресурсы, не за власть, не за границы. Это война за секрет. За что-то, что спрятано там, - она ткнула пальцем в восточные пики, - и что они не хотят, чтобы кто-то ещё узнал о нём. Они уничтожают города не для того, чтобы ослабить нас. Они уничтожают их, потому что эти города стояли на пути. Потому что через них нужно было пройти, чтобы добраться до гор.

Элиас подошёл к ней вплотную, и его голос стал тише, почти шёпотом:

- Что они могут искать в горах, Айрис? Там нет ни шахт, ни крепостей, ни убежищ. Там только камни и снег. Я ходил туда двадцать лет назад, - он помедлил, - и не нашёл ничего, кроме ветра.

Айрис покачала головой, не отрывая взгляда от карты. Она чувствовала, что ответ близко, что он лежит прямо перед ней, спрятанный в этих выпцветших линиях, в этом старом пергаменте, в этих красных флажках, которые вонзились в южные земли, как когти.

- Я не знаю, - ответила она. - Но я знаю, что они знают. И я знаю, что они не остановятся. Мы должны выяснить это - должны узнать, что там, на востоке, и почему оно стоит пяти сожжённых городов. И мы должны сделать это до того, как они доберутся туда. Если они доберутся первыми - если они найдут то, что ищут, - мы никогда не узнаем, зачем всё это было. И следующей на карте может оказаться столица.

Она снова посмотрела на карту, на тёмные пики восточных гор, которые на старых картах обозначались просто как «Терра Инкогнита». Горы на востоке казались тёмными и зловещими, словно они скрывали в своих складках что-то, что не должно было быть найдено, что было похоронено там задолго до того, как появились первые города. Айрис чувствовала, как под кожей пульсирует предчувствие, как волосы на руках встают дыбом. Она знала, что ответы на все вопросы лежат там, за этими пиками, в той пустоте, куда не вели ни дороги, ни карты. И она знала, что должна идти туда, даже если это будет стоить ей жизни.

Она выпрямилась во весь рост, провела рукой по волосам, собирая их в тугий узел на затылке, и повернулась к Элиасу. В её глазах горел холодный, решительный огонь, тот самый, который её подчинённые боялись больше всего.

- Мы отправляемся на юг, - сказала она, и голос её прозвучал как приказ, не терпящий возражений. - Сегодня. Через час. Собери отряд - только лучших. И приведи мне этого человека, - она кивнула в сторону Кайла, - он едет с нами. Он будет нашим проводником, хочет он того или нет.

Элиас молча кивнул - без вопросов, без сомнений. Он знал этот тон. Он знал, что когда Айрис говорит «сегодня», она имеет в виду «немедленно». Он развернулся и вышел из кабинета, его шаги застучали по коридору, разносясь эхом по всему зданию.

Айрис осталась одна с Кайлом и картой. Она смотрела на восточные горы, на эту тёмную, неисследованную область, и в её груди росло странное, холодное чувство. Она знала, что там, за этими пиками, её ждёт нечто, что перевернёт всё, что она знала о мире. И она знала, что назад дороги не будет.

За окном дождь перешёл в ливень, и струи воды хлестали по стеклу, как тысячи мелких кнутов. Кайл поднял на неё глаза и прошептал:

- Вы не понимаете. Если мы пойдём туда, мы не вернёмся. Никто не возвращается из-за Предела.

Айрис не ответила. Она просто продолжала смотреть на карту, и её пальцы слегка дрожали, касаясь края бумаги, за которым начиналась пустота.

Большой зал Совета был заполнен до отказа. Десять лидеров Союза, представляющих разные территории - от северных приграничных крепостей до западных сельскохозяйственных равнин и восточных горнодобывающих анклавов, - сидели за длинным дубовым столом, который, по легенде, помнил ещё времена Архитектора. Массивная столешница, тёмная от времени, была испещрена царапинами и пятнами от чернил, а по её краям тянулись резные узоры, изображающие единство земель, которые теперь трещали по швам. Свет от масляных ламп, подвешенных на тяжёлых цепях к высокому сводчатому потолку, падал на лица собравшихся, создавая резкие, колючие тени, которые плясали на стенах, обшитых тёмным деревом. Воздух в комнате был густым и тяжёлым - пропитанным запахом старого воска, нагретого металла и людского пота, смешанного с тревогой. Каждый из присутствующих знал, что происходит на юге. Каждый слышал слухи, которые распространялись быстрее, чем эпидемия, - о сожжённых городах, о беженцах, бредущих по разбитым дорогам, о чёрных знамёнах Фронтيرا, которые поднимались над пеплом. Но никто не знал правды. Никто не знал, насколько всё плохо на самом деле.

Айрис сидела в центре стола, как всегда, на своём месте - не потому, что оно было ей положено по рангу, а потому, что все остальные признавали её право быть здесь. Её спина была прямой, плечи расправлены, и она смотрела на лидеров спокойным, изучающим взглядом. Она чувствовала, как их страх и неуверенность, словно тяжёлый дым, заполняют комнату, оседают на коже, проникают в лёгкие. Они были сильными людьми, каждый из них прошёл через войну, каждый терял близких и выживал в самые тёмные времена. Но сейчас они выглядели растерянными, словно дети, потерявшиеся в густом лесу. Она понимала их - новая угроза была хуже, чем старая. Они не знали, как с ней бороться, потому что не видели врага, не понимали его целей, не могли предсказать его следующие шаги. Они были солдатами, привыкшими сражаться с осязаемым противником, а здесь им противостояла тень.

На другом конце стола восседал Дорн - толстый, грузный мужчина с красным, обветренным лицом и густыми, кустистыми бровями, под которыми прятались маленькие, заплывшие жиром глаза. Он был лидером северных территорий, человеком, который привык командовать и требовать подчинения, и его пальцы, унизанные тяжёлыми кольцами, нетерпеливо барабанили по столешнице. Рядом с ним сидела Стелла - сухая, поджарая женщина с седыми прядями в тёмных волосах, с лицом, которое, казалось, было вырезано из камня. Её тонкие губы были плотно сжаты, а руки лежали на столе неподвижно, как у статуи. Она представляла западные рубежи и славилась своей выдержкой и холодным расчётом. Остальные лидеры - семеро мужчин и женщин разного возраста, с разными лицами и разными интересами - сидели вдоль стола, и каждый из них ждал, кто заговорит первым.

Дорн не выдержал. Он первым нарушил тишину, ударив кулаком по столу с такой силой, что масляные лампы на цепях качнулись, а чернильница на краю стола подпрыгнула и опрокинулась, залив разложенную карту чёрной лужицей. Никто не обратил на это внимания.

- Мы должны немедленно готовиться к осаде! - прорычал он, его голос гремел под сводами зала, разносился эхом и ударялся в стены. - Фронтир уничтожил пять городов за неделю! Пять! Это не просто налёты, это систематическое уничтожение. Они идут на север, к столице. Мы не можем сидеть сложа руки и ждать, пока они подойдут к нашим воротам! Я требую мобилизации всех северных гарнизонов и приведения крепостей в боевую готовность!

- Ты предлагаешь запереться в столице и ждать, пока они придут к нам, как крысы в клетке? - голос Стеллы был холодным и ровным, как лезвие хорошо заточенного ножа, и он перерезал громогласный рёв Дорна с хирургической точностью. Она даже не повернула головы в его сторону, продолжая смотреть на карту, на которой расплывалось чернильное пятно. - Это не стратегия, Дорн. Это самоубийство. Если мы замкнёмся в столице, мы отдадим им всю территорию. Они будут брать город за городом, перекрывать поставки продовольствия, брать нас измором. Мы должны сначала отправить разведку. Мы должны понять, с чем имеем дело, какие силы у них есть, каковы их настоящие цели. А не прятать голову в песок за крепостными стенами.

- Разведка! - фыркнул Дорн, и его лицо побагровело ещё больше, наливаясь кровью, которая пульсировала у него в висках. - Пока мы шлём разведчиков, они сжигают наши города. Каждый день промедления стоит нам сотен жизней. Мы должны действовать сейчас! Собрать армию, ударить всем, что у нас есть, отбросить их обратно к южным пустошам!

- Действовать, не зная врага, - это действовать вслепую, - отрезала Стелла, и в её голосе впервые скользнула ледяная нотка раздражения. - Ты хочешь послать наших людей на верную смерть, Дорн? Ты готов объяснить их вдовам и сиротам, что ты бросил их в бой против неизвестного противника, потому что боялся подождать три дня?

- Ты называешь меня трусом? - вскочил Дорн, и его стул с грохотом отлетел назад. - Да как ты смеешь, Стелла?! Я воевал, когда ты ещё...

- Довольно! - рявкнул один из лидеров, мужчина с прокуренным голосом, сидевший слева. - Вы оба ведёте себя как дети на площади. Мы собрались не для того, чтобы выяснять, кто из нас храбрее. Мы здесь, чтобы решить, как спасти Союз.

Спор перерос в хаос. Лидеры начали вмешиваться, перебивая друг друга, поддерживая то одну, то другую сторону. Голоса сливались в единый гулкий шум, который заполнял зал, отскакивал от сводчатого потолка и возвращался обратно многоголосым эхом. Кто-то обвинял Дорна в трусости и недальновидности, кто-то упрекал Стеллу в излишней осторожности и бюрократической медлительности. Размахивали руками, стучали кулаками по столу, чернильницы падали одна за другой, и карта превращалась в грязное месиво. Лица покраснели, глаза загорелись, а воздух в зале сгустился до предела.

Айрис молчала. Она сидела неподвижно, сложив руки на столе, переплетя пальцы в замок, и слушала их. Она смотрела на лица лидеров, на их искажённые гневом и страхом черты, и видела, как их страх превращается в гнев, а гнев - в хаос. Она чувствовала, как этот хаос проникает в неё, пытается завладеть её мыслями, но она не позволяла ему этого. Она держала себя в руках, как натянутую струну, и ждала. Она знала, что они должны выговориться, должны выплеснуть свой страх и своё бессилие, прежде чем они смогут услышать разумный голос.

Она перевела взгляд на Кайла, который стоял у двери, привалившись плечом к косяку, и наблюдал за происходящим. Его глаза скользили по лицам лидеров, по их жестике, по тому, как они кричали друг на друга. И Айрис заметила, как уголки его губ слегка приподнялись в едва заметной, почти неуловимой улыбке, когда голоса стали громче, а спор перешёл в откровенную перепалку. Он наслаждался этим. Он наслаждался хаосом, который сам же создал своей ложью, своими недомолвками, своей историей, которую он принёс с юга. Айрис почувствовала, как внутри неё поднимается холодная, жгучая волна решимости.

Она резко встала. Стул отодвинулся с громким, протяжным скрипом, который пронзил гул голосов и заставил всех замолчать. Лампы качнулись, тени на стенах дёрнулись, и в зале наступила оглушительная тишина - такая плотная, что было слышно, как в камине потрескивают дрова. Все головы повернулись к ней. Десять пар глаз - от испуганных до злых, от молящих до недоумённых - устремились на неё. Айрис выпрямилась во весь рост, расправила плечи и положила ладони на стол, чуть подавшись вперёд.

- Я отправляюсь на юг, - сказала она, и голос её прозвучал тихо, но в этой тишине он был слышен каждому, как удар колокола. - Сегодня. Через час.

В зале повисла гробовая тишина. Лидеры смотрели на неё с удивлением, с неверием, с надеждой, которая смешивалась со страхом. Дорн первым нарушил молчание, его голос осип после крика, и он произнёс слова с трудом, будто подавился ими.

- Это слишком опасно, - сказал он, и в его голосе впервые прозвучала не агрессия, а искренняя тревога. - Мы не можем рисковать тобой, Айрис. Ты - командир. Если с тобой что-то случится, мы останемся без лидера, без того, кто нас объединяет. Это безумие - идти в самое пекло. Пошли туда разведчиков, найми проводников, но не иди сама.

- Я не спрашиваю разрешения, - ответила Айрис, и её голос был твёрже гранита. - Я не спрашиваю, опасно ли это. Я говорю вам, что я иду. Потому что если я не пойду, никто не узнает правды. А без правды мы не сможем победить. Мы будем сидеть в этом зале и спорить, пока наши города горят, а враг прокладывает себе путь к нашим домам.

Стелла медленно кивнула, и в её глазах мелькнула искра - неодобрения или уважения, Айрис не могла понять. - Она права, - сказала Стелла, и её голос прозвучал тихо, почти задумчиво. - Мы не можем защитить себя, не зная врага. Мы не можем победить то, чего не видим. Если Айрис готова идти, мы не имеем права останавливать её. Но мы должны обеспечить ей поддержку.

Айрис посмотрела на лидеров по очереди - на их лица, на их глаза, в которых плескались страх, сомнения, надежды и отчаяние. Она знала, что они зависят от неё. Она знала, что в этом

зале не было никого, кто был бы готов взять на себя ответственность, которую она несла. И она не могла их подвести.

- Если мы не узнаем, что там, на юге, - сказала она, - мы не сможем защитить себя. Мы будем сидеть здесь, в этой комнате, и ждать смерти, которая придёт из тени. Я не хочу умереть в страхе. Я хочу умереть, зная, что сделала всё, чтобы спасти этих людей. Поэтому я иду.

Она замолчала и обвела взглядом стол. Наступила тишина - не гнетущая, а торжественная. Затем началось голосование. Оно проходило молча - лидеры поднимали руки, выражая свою поддержку. Одна за другой руки поднимались над столом, как белые флаги капитуляции перед неизбежным. Почти все подняли руки за.

Но Айрис заметила, что Стелла голосовала против. Её рука осталась лежать на столе неподвижно, пальцы слегка сжаты, и она смотрела на Айрис с холодным, непроницаемым взглядом, в котором не было ни страха, ни злобы - только расчёт. Только оценка. Это насторожило Айрис сильнее, чем крики Дорна.

Она не знала, почему Стелла голосовала против. Может быть, она действительно боялась потерять командира. Может быть, она считала это решение поспешным. Но в глубине души Айрис чувствовала - что-то было не так. Что-то в этом взгляде было неправильным, неестественным, как фальшивая нота в идеальной мелодии. И она должна была выяснить, что именно.

Она кивнула в знак благодарности - лидерам, всем сразу, и каждому по отдельности - и медленно вышла из-за стола. Её сапоги глухо стучали по каменным плитам, и эхо разносилось по залу. Она направилась к выходу, и когда она проходила мимо Кайла, стоящего у двери, он проводил её взглядом. Она прошла мимо него, не взглянув на него - но краем глаза заметила, как его губы снова дрогнули в той же странной, почти неуловимой улыбке. Она чувствовала, как его взгляд следует за ней, скользит по её спине, и это вызывало у неё холодную дрожь, которая пробегала от затылка до кончиков пальцев.

Она должна была уйти. И она должна была уйти сегодня, как и сказала. Но прежде чем уйти, она должна была поговорить с Элиасом. И - отдельно - выяснить, что скрывает Стелла.

За дверью зала Совета её ждал холодный коридор, и эхо её шагов разносилось под высокими сводами, как отсчёт времени, которое утекало сквозь пальцы.

Ночь опустилась на столицу медленно, как тяжёлый бархатный занавес, который кто-то невидимый опускал над сценой, завершая очередной акт бесконечной пьесы. Дождь, который шёл вторую неделю без перерыва - нудный, холодный, пропитывающий всё вокруг влагой и тоской, - наконец-то перестал. Это случилось так внезапно, что Айрис показалось, будто мир затаил дыхание. Тучи разошлись, словно их разорвали чьи-то гигантские руки, открывая бесконечную чёрную бездну, усыпанную звёздами. Они были холодными и далёкими, как будто смотрели на город с равнодушием, которое могло принадлежать только вечности - той самой, перед которой все человеческие войны, страхи и надежды казались песчинками в пустыне. Луна, тонкий серебряный серп, висела низко над горизонтом, отбрасывая бледный, призрачный свет на мокрые крыши и мостовые, которые блестели, как чёрное стекло.

Айрис вышла на балкон своего кабинета - она сделала это неосознанно, словно ноги сами принесли её сюда, подчиняясь древнему инстинкту, который требовал воздуха, простора, открытого неба, когда внутри становилось слишком тесно. Тяжёлая стеклянная дверь со скрипом закрылась за ней, отсекая тепло кабинета, запах бумаги и воска, оставляя её наедине с ночью. Она стояла у каменных перил, шершавых и холодных под её пальцами, и смотрела на столицу, которая раскинулась внизу, у подножия административного холма. Тысячи огней - жёлтые тёплые окна домов, оранжевые пятна уличных фонарей, факелы на крепостных стенах, мерцающие, как живые глаза. Тысячи жизней, которые она должна была защитить. Тысячи судеб, которые зависели от её решений, от её выбора, от того, сможет ли она сохранить ясность ума, когда всё вокруг рушится.

Ветер дул в лицо - холодный, резкий, пахнувший мокрой землёй и дальними лесами. Он обжигал кожу, заставлял её щуриться, и Айрис чувствовала, как он проникает под воротник её форменного кителя, под тонкую рубашку, заставляя её вздрагивать от каждого порыва. Но она не уходила. Она стояла неподвижно, вцепившись в перила, и смотрела на город, который стал её домом, её ответственностью, её бременем - тем грузом, который она несла на своих плечах так долго, что уже и не помнила, каково это - быть без него.

Она боялась. Но не войны, не смерти, не боли. Она знала, что такое война - она видела её в лицо, дышала её гарью, слышала её стоны, держала в руках тела тех, кого не смогла спасти. Она знала, что такое терять, и знала, что такое выживать вопреки всему. Но сейчас она боялась другого. Боялась того, что за всем этим хаосом, за этими сожжёнными городами, за этой ложью, которую принёс Кайл, стоит кто-то из своих. Кто-то, кто знал её слабости, кто знал, где спрятаны её самые тёмные тайны. Кто-то, кто знал, как сделать ей больно так, что никакая броня не спасёт.

Она сжала каменные перила так сильно, что костяшки её пальцев побелели, а сухожилия натянулись, как струны. Холод камня проник в кожу, в мышцы, в кости, но она не чувствовала этого - только глухую, пульсирующую боль внутри, которая росла с каждой секундой. Она смотрела на огни столицы, на эти тёплые точки в ночи, и думала о матери. О женщине, которую она не видела пятнадцать лет. О женщине, которая оставила её, когда она была ещё ребёнком, когда её мир был простым и понятным, когда единственным врагом были ночные кошмары, а не люди в масках. О женщине, чьё лицо она помнила лишь смутно - размытые черты, тёплые руки, голос, который пел ей колыбельные, - но чьё имя она носила в сердце, как незаживающую рану. Элис. Её мать звали Элис.

Она закрыла глаза, и перед её внутренним взором всплыло письмо. То самое письмо, которое она нашла в ящике несколько месяцев назад, когда разбирала старые вещи отца после его смерти. Оно было спрятано в тайнике под двойным дном, сложенное вчетверо и перевязанное выцветшей лентой. Она перечитала его сотни раз, и каждое слово врезалось в её память, обжигало, как клеймо: «Не доверяй тем, кто слишком хорошо знает правду. Правда - это оружие, дочь. И те, кто владеет им, никогда не скажут тебе всего». Она не знала, что это значит. Она не знала, кому это адресовано - может быть, ей, может быть, кому-то другому, кого мать пыталась предупредить. Но она чувствовала, чувствовала всем нутром, что это предупреждение. Предупреждение о том, что кто-то из её окружения не тот, кем кажется. Кто-то носит маску так долго, что сам забыл своё истинное лицо.

Она открыла глаза и уставилась в чёрное небо, в эти холодные, равнодушные звёзды. Они не давали ответов. Они просто смотрели, как всегда, как смотрели на миллиарды других людей, которые стояли на балконах своих миров и задавали те же вопросы без ответов. Ветер стих на мгновение, и в этой тишине Айрис услышала, как где-то внизу, в городе, залаяла собака, как скрипнула калитка, как далёкий колокол пробил полночь. Три удара. Три медленных, тягучих удара, которые разнеслись над крышами, как предупреждение.

Она подумала о том, что, возможно, её мать стоит за «Фронтиром». Что она создала эту армию из тени, из пепла, из тех, кто потерял всё, чтобы уничтожить то, что построил Союз. Что она ведёт свою дочь в ловушку, шаг за шагом, город за городом, оставляя за собой пепел и молчание. Эта мысль была невыносимой - хуже любой пули, хуже любого ножа. Мысль о том, что женщина, которая когда-то держала её на руках и шептала слова любви, теперь держит в руках клинок, направленный на неё.

Айрис перевела взгляд на восток, туда, где за горизонтом, за тёмной полосой предгорий, лежали те самые горы, о которых говорил Кайл. Она не видела их, но чувствовала - они были там, чёрные и зловещие, хранящие тайну, которую кто-то так отчаянно пытался найти. Или спрятать.

Она не знала, где сейчас её мать. Не знала, жива ли она, или уже превратилась в прах, как те пять сожжённых городов. Она не знала, что побудило её уйти пятнадцать лет назад - страх, любовь, одержимость, или что-то ещё, что Айрис никогда не поймёт. Но она знала одно - если её мать стоит за этим, то она должна остановить её. Даже если это будет стоить ей жизни. Даже если последнее, что она увидит, будет лицо матери, искажённое ненавистью или - что ещё хуже - равнодушием.

Она прошептала в пустоту ночи, и голос её сорвался, превратившись в хриплый шёпот, который ветер тут же унёс в темноту:

- Пожалуйста... пусть это будет не ты.

Она не знала, кому адресованы эти слова - богам, которых она не признавала, судьбе, в которую не верила, или просто самой себе, пытающейся удержаться за край пропасти. Она не знала, есть ли кто-то там, наверху, кто слушает её. Но она надеялась. Впервые за много лет она позволила себе надежду - хрупкую, тонкую, как паутина, - что её мать в этом не замешана. Что её мать не стала тем монстром, которого она так боялась увидеть в зеркале. Что за этой войной стоит нечто иное - не личная месть, не семейная трагедия, а что-то большее и одновременно более простое.

Она стояла на балконе, вцепившись в перила, и смотрела на город, на его тысячи огней, на эти маленькие жёлтые точки, каждая из которых была чьей-то жизнью, чьей-то надеждой, чьим-то домом. Огни мерцали, как звёзды, упавшие на землю, и отбрасывали дрожащие отражения на мокрые мостовые. Где-то внизу играла музыка - тихая, печальная мелодия, доносившаяся из трактира на углу. Кто-то смеялся. Кто-то плакал. Жизнь продолжалась, несмотря на всё, и это было одновременно утешительным и пугающим.

Она думала о том, что завтра она уйдёт. Завтра она покинет эту комнату, этот балкон, этот город, и отправится на юг, в неизвестность, туда, где её ждёт либо ответ, либо смерть. Она не взяла с собой ничего, кроме веры в то, что правда стоит того, чтобы за ней идти.

Она не знала, что ждёт её впереди. Она не знала, увидит ли она этот город снова, почувствует ли этот холодный ветер на своей коже, услышит ли эту тихую музыку. Но она знала, что должна идти. Должна найти правду, даже если эта правда разрушит её, даже если она узнает, что за всем этим стоит её собственная кровь, её собственное прошлое, которое она так долго пыталась забыть.

Она глубоко вдохнула холодный ночной воздух, чувствуя, как он обжигает лёгкие, и медленно выдохнула. Её пальцы разжались, отпуская перила. Она сделала шаг назад, к стеклянной двери, но перед тем, как войти, она ещё раз посмотрела на звёзды. На ту самую звезду, которая, как говорила ей мать в детстве, всегда указывает путь домой.

- Прощай, - прошептала она. - Я найду тебя. Где бы ты ни была.

Она повернулась и вошла в кабинет, оставив ночь снаружи, с её звёздами, её ветром и её безмолвными вопросами. Дверь закрылась за ней с глухим стуком, и она осталась одна, в тепле, в свете масляной лампы, с картой на столе и с тяжёлым грузом на сердце, который она несла уже слишком долго.

Айрис вошла в комнату Элиаса без стука. Она не стала ждать разрешения или вежливо постучать в дверь - сейчас это казалось ей пустой формальностью, данью приличиям, которые потеряли всякий смысл в мире, где города горели, а правда таяла, как утренний туман. Она просто толкнула дверь и вошла, и он поднял на неё глаза, не выказывая ни удивления, ни недовольства. Он сидел за своим рабочим столом, и его старый револьвер был разобран на части - ствол, барабан, курок, пружины аккуратно разложены на куске замши, как детали сложного механизма, которому он доверял свою жизнь. Запах оружейного масла и металла смешивался с запахом старого дерева и табака, которым была пропитана его одежда, его волосы, его кожа.

Он чистил оружие с той же тщательностью, с какой делал всё в своей жизни - методично, спокойно, сосредоточенно, с таким вниманием к деталям, которое граничило с одержимостью.

Он не удивился, когда она вошла, не вздрогнул, не отвлёкся. Он только поднял свои тёмные, глубокие глаза, в которых отражался тусклый свет масляной лампы, и посмотрел на неё. Его взгляд был спокойным, как поверхность застывшего озера, но она знала - под этой гладью скрываются течения, которые могли утащить на дно любого, кто решил бы пересечь его.

Она остановилась на пороге, положив ладонь на дверной косяк. Древесина была тёплой от близости камина, и она чувствовала, как это тепло передаётся ей через пальцы, наполняя её на мгновение чем-то уютным, почти забытым. Она смотрела на Элиаса, на его сильные плечи, на седину на висках, которая появилась ещё до того, как они встретились, и которая только прибавляла ему той суровой красоты, которую она привыкла видеть каждый день.

- Я решила, - сказала она, и голос её прозвучал ровно, но в нём слышалась та же сталь, что и в клинке, который она носила на поясе. - Я иду на юг.

Элиас отложил оружие. Он сделал это медленно - сперва положил ствол на замшу, затем подвинул в сторону барабан, затем аккуратно отодвинул коробочку с пружинами. Он встал, и его кресло с мягким скрипом отодвинулось назад. Его движения были размеренными, но уверенными, без лишней суеты - как у человека, который знает цену каждому мгновению и не позволяет себе тратить время на бесполезные жесты. Он не выглядел удивлённым. Он выглядел так, будто ждал этого момента, ждал этих слов, ждал, когда она наконец произнесёт их вслух, чтобы сбросить с себя груз нерешительности.

- Я знал, что ты так скажешь, - произнёс он. В его голосе не было упрёка, не было удивления. Только спокойное принятие, которое она так ценила в нём. Только глубокая, почти отцовская уверенность в том, что она всегда будет поступать правильно, даже когда сама сомневается.

Айрис сделала несколько шагов вперёд, и дверь за ней медленно закрылась, с тихим щелчком захлопнув защёлку. Она подошла ближе к столу, к этому хаосу из металла и масла, и остановилась напротив него. Она чувствовала, как усталость давит на её плечи, как она проникает в каждую клетку её тела, как её мышцы гудят от напряжения, которое она носила в себе последние дни. Она не спала прошлой ночью - она стояла на балконе и смотрела на звёзды, думая о матери, о Кайле, о том, что ждёт её впереди. Она прокручивала в голове сотни вариантов, сотни сценариев, сотни способов избежать этого пути, но ни один из них не казался ей правильным. И сейчас, когда она стояла перед Элиасом, она чувствовала, как решимость пересиливает усталость, как огонь в груди разгорается ярче, чем угасающая свеча её сил.

- Я не прошу тебя идти со мной, - сказала она, и голос её чуть дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. - Я знаю, что ты нужен здесь. Город нуждается в тебе. В твоём опыте, в твоей твёрдости. Если я не вернусь, кто-то должен будет держать оборону. Кто-то должен будет защищать тех, кто останется.

Она говорила это, и в её словах была правда - холодная, горькая правда, которую она вынуждена была признать. Она знала, что риск, на который она шла, был огромен. Она знала, что может не вернуться. И если это случится, кто-то должен был быть здесь, чтобы продолжить борьбу, чтобы не дать хаосу поглотить всё.

Элиас усмехнулся. Это была короткая, сухая усмешка, которую она знала так хорошо - тихий, горький звук, который он издавал только в те моменты, когда слышал что-то настолько абсурдное, что не мог сдержать реакции. Он подошёл к ней, сократив расстояние между ними до одного шага, и взял её за плечи. Его руки были тёплыми и сильными, и она чувствовала, как их тепло проникает сквозь холод, который она носила в себе последние годы. Его пальцы чуть сжались на её плечах, и это прикосновение было одновременно твёрдым и нежным.

- Если ты думаешь, что я позволю тебе уйти одной, - сказал он, и его голос потерял всякую насмешку, став низким и серьёзным, - ты плохо меня знаешь. Очень плохо. Я был с тобой через всё - через войну, через потери, через ночи, когда ты не могла спать, и дни, когда ты не могла

есть. Я был с тобой, когда ты принимала самые трудные решения, и я буду с тобой через это. Ты не одна. Ты никогда не была одна, и никогда не будешь.

Она смотрела в его глаза. В них не было сомнений, не было страха, не было колебаний. Только та же решимость, которую она чувствовала в себе, только глубокая, негибкая верность, которую она не заслужила, но которую он дарил ей без вопросов. Ей хотелось сказать ему что-то важное. Сказать, что он значит для неё. Сказать, что без него она бы не выжила, не выдержала бы этого груза, который лежал на её плечах. Сказать, что в этом мире, полном лжи и предательства, он был единственным человеком, которому она доверяла безоговорочно. Но слова застряли в горле, превратившись в тугий ком, который она не могла проглотить. Вместо этого она просто кивнула - коротко, резко, как солдат, принимающий приказ, хотя на самом деле она принимала его поддержку, его присутствие, его непоколебимую веру в неё.

Элиас отпустил её плечи, но его рука на мгновение задержалась на её предплечье, сжав его чуть крепче, чем необходимо, как будто он хотел убедиться, что она всё ещё здесь, всё ещё реальна. Затем он повернулся к столу и начал собирать вещи с той же методичностью, с которой чистил оружие - он взял ствол, вставил в него барабан, защёлкнул курок, затянул винты. Он достал из ящика коробку с патронами, каждый из которых был отполирован до блеска, и сыпал их в кожаный подсумок на поясе. Он свернул карту, которую держал на столе, и убрал её во внутренний карман куртки. Он делал всё быстро и уверенно, без лишних движений, как будто ждал этого момента всю свою жизнь.

- Когда выходим? - спросил он, не оборачиваясь. Его голос был деловым, ровным, но в нём слышалась лёгкая нотка нетерпения, которую она уловила только потому, что знала его слишком долго.

Айрис посмотрела на него, на его широкую спину, на то, как его руки уверенно обращаются с оружием, на его седые виски, на его спокойную силу. Она чувствовала, как внутри неё разрастается тепло, тёплое, живое чувство, которое она пыталась подавить много лет, но которое всегда возвращалось, когда он был рядом. Он был с ней. Он всегда был с ней. И это давало ей силы идти вперёд, даже когда путь казался тёмным и бесконечным.

Она подошла к нему ближе и положила руку на его плечо. Он слегка замер, но не обернулся. Она чувствовала под пальцами упругость его мышц, тепло его тела, даже сквозь плотную ткань куртки. Она помедлила мгновение, собираясь с мыслями, и затем произнесла:

- На рассвете. Мы выходим на рассвете, Элиас. Я хочу, чтобы мы успели дойти до Мидвея до того, как солнце поднимется слишком высоко. Там мы сможем взять свежих лошадей и двигаться дальше.

Она замолчала, затем добавила тише, почти шёпотом:

- И... спасибо. За то, что ты идёшь со мной. За то, что ты всегда идёшь со мной.

Элиас наконец обернулся. Он посмотрел на неё сверху вниз - он был выше её на полголовы - и в его глазах мелькнула та тёплая, редкая улыбка, которую он показывал только ей, только в самые тихие моменты.

- Ну что ты, - сказал он, и голос его стал мягче. - Ты же знаешь, я никуда от тебя не денусь.

Он взял её руку со своего плеча, сжал её на мгновение в своей ладони, и затем отпустил, поворачиваясь к столу, чтобы закончить сборы. Айрис почувствовала, как его тепло осталось на её коже - маленькое, тихое напоминание о том, что она не одна в этом мире.

За окном начинал светлеть горизонт. Первая бледная полоса рассвета прорезала чёрное небо, возвещая о начале нового дня. Айрис стояла в своей комнате, которая всегда больше походила на армейский склад или штабной кабинет, чем на жилое помещение. Стены здесь были увешаны старыми картами - пожелтевшими, потёртыми, с пятнами от влаги и чернильными пометками, сделанными разными руками в разное время. Полки, встроенные в ниши, ломились от коробок с документами, папками, старыми отчётами и журналами боевых действий. В углу громоздились ящики с оружием и снаряжением - винтовки, пистолеты, ножи,

патронные коробки, гранаты, всё аккуратно рассортированное и подписанное её собственным почерком. Здесь пахло порохом, старой бумагой, металлом и сухим деревом - запахами, которые она знала с детства, которые успокаивали её больше, чем любые духи или цветы. Она никогда не любила уют, мягкие кресла и дорогие ковры. Ей было достаточно того, что было необходимо для выживания, для работы, для войны. Здесь, среди этих вещей, она чувствовала себя увереннее, чем в любых покоях с бархатными шторами и золочёными рамами.

Она стояла перед своей кроватью - железной, военной, покрытой тонким шерстяным одеялом серого цвета, - на которой были аккуратно разложены вещи для похода. Она проверяла их одно за другим, как делала это сотни раз раньше, перед каждым выходом, перед каждым рейдом, перед каждым заданием, которое могло стать последним. Её пальцы скользили по тканям, по металлу, по коже, и каждое прикосновение было знакомым, как дыхание.

Старый армейский рюкзак из плотной брезентовой ткани, потёртый до белесых пятен на плечевых ремнях, но всё ещё надёжный, - она носила его через всю войну, через все переходы и отступления, и он стал частью её, как собственная кожа. Набор карт, сложенных в кожаную папку с медной застёжкой, - она знала каждую линию на них, каждый изгиб реки, каждый поворот дороги, каждую высоту, но всё равно брала их с собой, потому что карта была продолжением её памяти, её глаз, её интуиции. Аптечка с бинтами, антисептиками, обезболивающими и шовным материалом - она знала, что раны могут быть разными: от царапин до глубоких порезов, и была готова ко всему, потому что в поле нельзя было полагаться на врачей. Несколько патронов к пистолету - немного, всего две обоймы, но достаточно, чтобы защитить себя в крайнем случае, чтобы дать себе время для бегства или для последнего выстрела.

Она взяла в руки старую фотографию, которая лежала отдельно, в деревянной шкатулке, спрятанной под стопкой карт. Это был единственный предмет в комнате, который не имел отношения к войне. Фотография была потёртой по краям, с загнутыми уголками, с выцветшими цветами - когда-то она была яркой, но время сделало её мягкой, акварельной, почти призрачной. На ней были три фигуры: мать, сестра и она, ещё совсем маленькая, стояли на фоне цветущего сада. Мать улыбалась - той мягкой, тёплой улыбкой, которую Айрис помнила так смутно, словно это был сон, который она видела в детстве и который постепенно стирался из памяти. Сестра, которая была старше её на пять лет, держала её за руку, и они обе смотрели в камеру с серьёзными, почти взрослыми лицами. На Айрис было белое платье, которое мать сшила ей на лето, и она помнила, как оно кололось у ворота, и как она всё время пыталась поправить его. Это была единственная фотография, которая у неё осталась. Единственное свидетельство того, что когда-то у неё была семья.

Она провела пальцем по лицам - по матери, которую она не видела пятнадцать лет и чей голос она уже с трудом могла вспомнить; по сестре, которую она потеряла в тот самый год, когда мать ушла; по себе - той маленькой девочке с серьёзными глазами, которая не знала, что её ждёт впереди, которая верила, что мир - это сад и солнце, а не пепел и дождь. Она чувствовала, как к горлу подступает тугой комок, как глаза начинают щипать, но она сдержалась - глубоко вдохнула, выдохнула, сжала зубы. Она не могла позволить себе слабость. Не сейчас. Не перед тем, как сделать самый важный шаг в своей жизни.

Она медленно убрала фотографию во внутренний нагрудный карман куртки, рядом с сердцем. Она чувствовала, как её край касается ткани, как она ложится на грудь, как будто пытается согреть её изнутри. Рядом с фотографией она положила письмо матери - тот самый листок бумаги, сложенный вчетверо и перевязанный выцветшей шелковой лентой, которую она нашла в тайнике отца несколько месяцев назад. Она перечитала его сотни раз, и каждое слово врезалось в её память, как клеймо, как шрам. «Не доверяй тем, кто слишком хорошо знает правду. Правда - это оружие, дочь. И те, кто владеет им, никогда не скажут тебе всего». Она не знала, зачем она берёт его с собой. Может быть, это было напоминание - о том, что мир сложнее, чем кажется, и что даже самые близкие люди могут оказаться чужими. Может быть,

это было предупреждение - о том, что где-то на юге её ждёт нечто, что заставит её усомниться во всём, во что она верила. Или, возможно, это была последняя связь с матерью, последняя нить, которая соединяла её с тем, кого она когда-то любила и до сих пор не могла забыть.

В дверь постучали. Три коротких, чётких удара - не вопросительных, а деловых, как у человека, который не привык терять время. Айрис подняла голову и, не оборачиваясь, произнесла:

- Войдите.

Дверь открылась, и в комнату вошла Нова. Она была молодой девушкой с короткими тёмными волосами, которые были вечно взлохмачены, и шрамом через левую бровь - тонкой белой линией, которая пересекала кожу, напоминая о том, что она видела врага вблизи и выжила. Её глаза были тёмными и настороженными, как у зверя, который всегда готов к броску. Она всегда выглядела так, будто только что вернулась с задания - сосредоточенная, серьёзная, готовая к действию, с ноткой усталости, которую она старательно скрывала. Она была одной из лучших разведчиц Союза, и Айрис доверяла ей почти так же, как Элиасу - что для неё было высшей похвалой.

- Айрис, - сказала Нова, подходя к столу и кладя на него сложенный лист карты. - Элиас просил передать это. Он сказал, что это важно. - Она помедлила, её пальцы задержались на карте на мгновение дольше, чем нужно. - И он просил передать, что хочет, чтобы ты взглянула на это до того, как вы выйдете. Я не знаю, что там, но у него был такой взгляд... - она покачала головой. - В общем, я просто передаю.

Айрис подошла к столу и взяла карту в руки. Это была та же карта южных территорий, которую она рассматривала в кабинете, но теперь на ней появились новые отметки - аккуратные красные линии, прочерченные тонким карандашом, точки, обведённые кружками, и мелкие пометки на полях, сделанные почерком Элиаса - резким, угловатым, почти нечитаемым. Она перевела взгляд в центр карты, туда, где заканчивались дороги и начиналась пустота, и увидела круг, обведённый красным карандашом, жирно, с нажимом, как будто он вонзился в бумагу. Внутри круга была надпись, сделанная тем же почерком: «Неизвестный объект. Вход запрещён. Данные разведки: зона полного затишья. Никаких сигналов. Никаких следов. Земля перевёрнута».

- Он говорит, что нашёл что-то странное в отчётах разведчиков за последние три недели, - продолжила Нова, не сводя глаз с Айрис. - На юге есть зона, которую они не могут объяснить. Они несколько раз пролетали над ней, проходили по земле, но там ничего нет. Никаких построек, никаких лагерей, никаких следов жизни. Просто пустота. Но они говорят, что земля выглядит так, будто её кто-то перевернул плугом - свежие борозды, перекопанная почва, но без следов колёс или ног. Как будто кто-то пришёл туда, перерыл всё и ушёл, не оставив следов. И самое странное - в радиусе пяти миль от этого места нет ни одного животного. Ни птиц, ни зверей. Просто тишина.

Айрис смотрела на карту, и её пальцы слегка дрожали. Она чувствовала, как внутри неё просыпается то самое чувство, которое она знала так хорошо - ощущение, что она стоит на пороге открытия, что ответы на все вопросы лежат прямо перед ней, в этом красном круге, в этой пустоте, которая так манила и одновременно пугала. Это была та самая точка, куда вели все линии, все дороги, все сожжённые города. Это было то, что они искали. И теперь она знала, куда идти.

Она медленно свернула карту, пряча её в рюкзак, в отдельный карман, где хранились самые важные вещи. Её движения были спокойными, но внутри неё всё кипело. Она повернулась к Нове и положила руку ей на плечо - короткое, тёплое прикосновение, которое должно было передать больше, чем слова.

- Спасибо, Нова, - сказала она, и голос её был твёрдым, но в нём слышалась мягкость, которую она редко показывала. - Ты отлично справилась. Иди отдыхай. Завтра долгая дорога, и я хочу, чтобы ты была в форме, когда мы выйдем. Ты понадобишься мне.

Нова кивнула, и в её глазах мелькнула благодарность. Она уже повернулась, чтобы уйти, но на мгновение задержалась у двери и обернулась.

- Айрис... - начала она, потом помедлила, словно подбирая слова. - Будь осторожна. Там, на юге, что-то не так. Я чувствую это. И я не хочу, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

Айрис едва заметно улыбнулась - той редкой, тёплой улыбкой, которая появлялась на её лице только в моменты настоящей близости.

- Я буду осторожна, - сказала она. - Обещаю.

Нова кивнула и вышла, прикрыв за собой дверь. Её шаги быстро затихли в коридоре. Айрис осталась одна в своей комнате, среди карт, ящиков и оружия. Она посмотрела на вещи, разложенные на кровати, на рюкзак, на письмо матери, лежащее рядом с сердцем. Она чувствовала, как готовность наполняет её - холодная, спокойная, как сталь, которую она так хорошо знала. Она была готова. Она была готова идти на юг. Она была готова найти правду, какой бы она ни оказалась.

Она подошла к кровати, взяла рюкзак, затянула все ремни, проверила пряжки, застегнула боковые карманы. Она надела куртку, поправила оружие на поясе, сунула в карман запасной нож. Она стояла перед зеркалом - старым, потрескавшимся, в потускневшей раме - и смотрела на своё отражение. Там была женщина с усталыми глазами, с твёрдыми скулами, с тонкой линией губ, которая умела улыбаться, но делала это всё реже. Женщина, которая несла на плечах мир и которая собиралась спасти его - или умереть, пытаясь.

Она закрыла глаза на мгновение, сделала глубокий вдох, чувствуя запах старой бумаги, металла и пороха, и прошептала в пустоту:

- Завтра на рассвете. Завтра всё изменится.

Она открыла глаза, и в них уже не было сомнений. Только сталь. Только решимость. Только путь вперёд, через ночь, через дождь, через пустоту, которую она должна была заполнить правдой.

Ворота столицы были открыты настежь - две массивные створки из кованого железа и дуба, каждая высотой в три человеческих роста, были отведены в стороны и закреплены тяжёлыми цепями. Рассвет только начинался, и небо окрашивалось в серо-розовые тона - первые лучи солнца робко пробивались сквозь плотную пелену туч, которые ещё не разошлись после ночного дождя. Влажный воздух был наполнен запахом мокрой земли, прелой листвы и холодного металла. Где-то вдалеке кричала птица, и её голос разносился над пустынной площадью, отражаясь от каменных стен и затихая в лабиринте утренних теней. Воздух был влажным и холодным, и Айрис чувствовала, как он проникает под её плотный плащ, как он касается её шеи, заставляя её вздрагивать от каждого порыва ветра. Но она не обращала на это внимания. Она стояла во главе отряда, выпрямившись во весь рост, и смотрела на юг - туда, где за горизонтом лежали разрушенные города, тёмные горы и неизвестность.

Десять человек стояли за её спиной. Десять закалённых бойцов, которых она лично отобрала для этого похода - мужчины и женщины, прошедшие через войну, через потери, через ночи, когда смерть дышала им в затылок. Они не задавали вопросов, не требовали объяснений - они просто стояли, сжимая в руках оружие, и ждали её приказа. Айрис медленно обвела взглядом их лица: суровое, в шрамах лицо Кейна, который был с ней ещё в первую кампанию; сосредоточенные глаза Лиры, лучшего стрелка в гарнизоне; широкоплечую фигуру Джека, который никогда не улыбался, но всегда был первым в атаке; молодое, почти мальчишеское лицо Рена, который смотрел на неё с обожанием и верой, которых она не заслужила. Она видела их всех - спокойных, сосредоточенных, готовых к бою, к смерти, к чему угодно, лишь бы выполнить

приказ. Она знала, что они пойдут за ней до конца, без колебаний, без сомнений, и это давало ей силы, которые она черпала из их преданности, как из глубокого колодца.

Среди них был Элиас. Он стоял прямо за её спиной, уже в походной форме - тёмная куртка, плотные штаны, высокие сапоги, старый револьвер на поясе, который он не снимал даже во сне. Его лицо было спокойным, почти безмятежным, но она знала его слишком хорошо, чтобы не заметить ту тень напряжения, которая залегла в уголках его глаз. Он был готов. Он всегда был готов - к войне, к смерти, к тому, чтобы защищать её, даже если это означало пожертвовать собой. Айрис обернулась и посмотрела на него. Он встретил её взгляд, и его губы дрогнули в лёгкой, едва заметной улыбке - той самой улыбке, которую она видела только в самые трудные моменты, когда слова были бессильны, а взгляд говорил всё. Она хотела сказать ему что-то важное - что он значит для неё, что без него она бы давно сломалась, что он был её якорем в этом бушующем море. Но слова застряли в горле, превратившись в тугой ком, который она не могла проглотить. Вместо этого она просто кивнула - коротко, резко, как на поле боя, - и он ответил тем же. Между ними не нужны были слова. Они понимали друг друга без них.

Она повернулась к отряду. Ветер дёрнул край её плаща, и она ощутила, как холодный утренний воздух касается её лица. Она подняла руку, и все десять бойцов замерли, глядя на неё с неподвижным вниманием, которое бывает только у людей, привыкших ждать приказа в любой момент.

- Мы идём за правдой, - сказала она, и голос её прозвучал громко и отчётливо, разносясь над площадью, отражаясь от стен и уходя в серое небо. - Мы не знаем, что нас ждёт. Мы не знаем, сколько врагов нас поджидает, и вернёмся ли мы все домой. Но мы знаем одно - мы те, кто может это остановить. Мы те, кто должен это остановить. Мы идём на юг, чтобы узнать, что скрывается в горах. Мы идём, чтобы защитить наш дом. Мы идём, чтобы вернуть нашим детям будущее, в котором они не будут бояться темноты. И мы вернёмся. Все, или почти все, - она сделала паузу, и её голос стал тише, но твёрже, - но мы вернёмся с правдой.

Она развернулась, и её сапоги громко стукнули по мокрой брусчатке. Она сделала первый шаг к воротам, к южной дороге, к тому, что ждало её за горизонтом. Она не оглядывалась, хотя хотела этого сильнее всего. Она чувствовала взгляд Элиаса на своей спине, чувствовала его присутствие, его уверенность, его тепло, и знала - он идёт за ней. Как всегда. Как все эти годы. Как каждый раз, когда мир рушился, и она нуждалась в том, чтобы кто-то стоял рядом, чтобы она не упала.

Она шла вперёд, и ворота столицы медленно, с тяжёлым скрипом, начали закрываться за её спиной. Металл заскрежетал о камень, цепи натянулись, и створки сошлись с глухим ударом, отрезая её от города, от дома, от всего, что она знала и любила. Она не оглянулась. Она не могла позволить себе этой слабости. Вместо этого она смотрела вперёд - на дорогу, которая уходила за горизонт, на серое небо, на влажные поля, на далёкие силуэты деревьев, которые качались на ветру.

Элиас поравнялся с ней, и они шли плечом к плечу, не произнося ни слова. Она слышала его дыхание, слышала, как его сапоги ступают в такт с её шагами, чувствовала его присутствие, как тёплую стену рядом с собой. Ветер стих, и на мгновение воцарилась та особенная тишина, которая бывает только на рассвете, когда мир ещё не проснулся, и всё кажется возможным.

Она не знала, что ждёт её впереди. Она не знала, найдёт ли она там ответы или только новые вопросы. Она не знала, увидит ли она эти ворота снова, услышит ли этот скрип, почувствует ли этот холодный утренний воздух на своей коже. Но она знала, что должна идти. Должна найти правду, какой бы она ни была. Должна защитить свой мир, своих людей, своё прошлое и своё будущее.

И она знала, что Элиас идёт рядом с ней. Как всегда. Как будет всегда, пока смерть не разлучит их - или пока они не найдут то, что ищут.

Она перевела взгляд на дорогу, которая уходила вперёд, в серую дымку утра, и сделала следующий шаг. И ещё один. И ещё.

Отряд уходил всё дальше от столицы, и каждый шаг отдалял Айрис от города, который стал её домом, её крепостью, её якорем в этом бушующем море хаоса. Она шла впереди, её сапоги мерно ступали по мокрой, размокшей после дождя земле, оставляя за собой глубокие следы, которые тут же начинали заполняться водой. Она чувствовала, как дорога уходит из-под ног, как холодный ветер дует в лицо, принося с собой запахи далёких лесов и влажной травы, как утренний свет - робкий, серебристый - начинает разгонять ночную тьму, окрашивая горизонт в бледно-золотые тона. Она не оглядывалась. Она знала, что если она обернётся, если позволит себе увидеть город в последний раз, ей будет труднее уйти. Труднее сделать этот шаг, который отделял её от безопасности, от привычного, от всего, что она знала.

Но когда они поднялись на небольшой холм - последний холм перед тем, как дорога ныряла в низину и терялась среди серых полей, - она не выдержала. Что-то внутри неё дрогнуло, и она остановилась, подняв руку, чтобы отряд замер позади неё. Она медленно повернулась, и её взгляд упал на город, который лежал внизу, в долине, окутанный утренней дымкой.

Город был прекрасен в этом свете - его высокие каменные стены, которые пережили столько осад и штурмов, были освещены первыми лучами солнца, и тёплый свет скользил по их поверхности, заставляя старый камень светиться мягким золотом. Башни, острые и стройные, поднимались к небу, и их шпили терялись в остатках тумана, который ещё не рассеялся. Огни в окнах начали гаснуть один за другим, уступая место утреннему свету, и город казался спокойным, мирным, почти беззащитным - как спящий великан, который не знает, что его скоро разбудят. Дым из труб поднимался вертикально вверх, смешиваясь с серым небом, и Айрис смотрела на этот дым, на эти стены, на эти башни, и чувствовала, как её сердце сжимается в тугой комок.

Это был её дом. Это был мир, который она поклялась защищать, за который она готова была умереть, за который она уже пролила кровь - свою и чужую. И сейчас она уходила от него, оставляя его позади, доверяя его судьбу тем, кто остался за стенами, и своей собственной решимости найти правду.

Она подняла глаза на главную крепостную стену - ту самую, где она стояла сотни раз, глядя на закат и думая о будущем, - и увидела одинокую фигуру. Это был Элиас. Он стоял на стене, не двигаясь, в своём тёмном плаще, который развевался на ветру. Он был слишком далеко, чтобы она могла разглядеть его лицо, его глаза, его выражение, но она знала - он смотрит на неё. Она чувствовала его взгляд, как чувствовала его присутствие всегда, даже когда он был за тысячу миль. Она знала, что он будет ждать. Как всегда. Как ждал её всю свою жизнь, с того самого дня, когда они встретились на поле боя, когда она была ещё молода и зла, а он уже был седым и мудрым.

Айрис подняла руку в прощальном жесте - медленно, почти торжественно, и её ладонь застыла в воздухе на мгновение. Она знала, что он не увидит её - расстояние было слишком большим, утренний туман слишком плотным. Но ей нужно было попрощаться. Ей нужно было дать ему знать, что она вернётся, что она не сломается, что она сделает всё, чтобы снова увидеть его лицо, услышать его голос, почувствовать его руку на своём плече.

Она прошептала, едва слышно, одними губами, и ветер унёс её слова в пустоту:

- Я вернусь. Я обещаю.

Она опустила руку и замерла на мгновение, вглядываясь в далёкую фигуру на стене. Элиас не двинулся. Он стоял как каменное изваяние, как страж, который не покинет свой пост, даже если мир рухнет вокруг него. И в этом безмолвном прощании было больше смысла, чем в любых словах, в любых клятвах, в любых обещаниях.

Ветер развеивал её волосы, и она почувствовала, как холодный воздух касается её лица, осушая едва заметные следы влаги на её щеках. Она глубоко вздохнула - полной грудью, чув-

ствуя, как утренний воздух наполняет её лёгкие, как он смешивается с её кровью, с её решимостью. Она повернулась к пустоши. Перед ней простиралась бескрайняя серая земля, усеянная камнями, поросшая жесткой, колючей травой, которая шелестела под порывами ветра. Небо над ней казалось бесконечным - серое, холодное, без единого облака, и оно нависало над землёй, как крыло огромной птицы. Пустошь ждала её. Незнание ждало её. Она сделала шаг вперёд. Затем ещё один. Её ноги сами несли её вперёд, по этой мокрой, холодной земле, по этому пути, который мог привести её куда угодно - к истине, к смерти, или к чему-то, что было страшнее смерти.

Она чувствовала тяжесть на плечах. Это был не рюкзак, не оружие, не снаряжение, которые она несла с собой. Это была ответственность - та самая тяжесть, которая лежала на ней каждый день, каждый час, каждую минуту. Тысячи жизней, тысячи судеб, тысячи надежд и страхов - всё это зависело от неё, от её решений, от её способности сохранять ясность ума, когда всё вокруг рушилось. Она знала, что не имеет права ошибаться. Она знала, что не имеет права сдаваться, не имеет права колебаться, не имеет права позволить страху управлять ею. Она несла на себе груз целого мира, и этот груз был тяжелее любого оружия, любой брони, любой ноши, которую она когда-либо поднимала.

Она продолжала идти. Её шаги были ровными, уверенными, и она чувствовала, как земля уходит из-под ног, как каждый шаг уносит её всё дальше от прошлого, от того, что было, от того, что она знала. Отряд двигался за ней, молчаливый и сосредоточенный, их сапоги стучали в такт, и этот ритм успокаивал её, напоминая, что она не одна, что за ней идут те, кто верит в неё.

И когда город окончательно скрылся за горизонтом - когда последняя башня исчезла в серой дымке, когда последний луч солнца погас на её стенах, - Айрис остановилась на мгновение. Она закрыла глаза и прислушалась к тишине, которая окружила её. Ветер стих, и мир замер. Она слышала только своё дыхание, только своё сердце, которое билось ровно и спокойно.

И в этой тишине она почувствовала, как внутри неё просыпается что-то новое - не страх, не сомнение, не тоска по дому. А решимость. Холодная, твёрдая, как сталь, которую она носила на поясе. Решимость, которая была сильнее страха, сильнее усталости, сильнее всего, что она чувствовала до этого момента. Она была готова. Она была готова идти вперёд, к неизвестности, к правде, к тому, что ждало её в конце этого пути. Она открыла глаза, и в них уже не было сомнений - только ясность и свет.

Они шли уже четыре часа. Солнце поднималось выше, и пустошь, которая ещё утром была влажной и холодной, постепенно нагревалась, превращаясь в раскалённую печь под безжалостным светом, пробивающимся сквозь редкие облака. Воздух становился сухим и тяжёлым, как перед грозой, и каждый вдох давался с трудом - казалось, что лёгкие наполняются не воздухом, а раскалённым песком. Айрис чувствовала, как пот стекает по её спине, пропитывая рубашку и оставляя влажные пятна под курткой, как мелкий песок скрипит под её сапогами, проникая сквозь швы и натирая кожу, как ветер несёт сухие колючие частицы, которые больно бьют по лицу, оставляя на коже едва заметные царапины. Она смахнула с лица прядь влажных волос и прищурилась, глядя на горизонт, где серая земля сливалась с таким же серым небом, создавая иллюзию бесконечности.

Она вела отряд по старым дорогам, которые почти стёрлись временем - когда-то здесь проходили караваны, гружённые товарами, и торговцы, направляющиеся к южным портам, но теперь остались только едва заметные колеи, которые то появлялись, то исчезали в бескрайней серой земле, как намёки на прошлое, которое никто не помнит. Она шла уверенно, стараясь не показывать усталости, хотя чувствовала, как мышцы её ног начинают дрожать от напряжения, как каждый шаг отдаётся тупой болью в коленях, как тяжесть рюкзака впивается в плечи,

оставляя красные полосы на коже. Она не имела права показывать слабость - не перед отрядом, не перед Кайлом, не перед собой.

Она смотрела на бойцов, которые шли за ней. Они двигались молча, экономя силы, их дыхание было ровным и размеренным, как у людей, привыкших к долгим переходам. Их лица были сосредоточенными, глаза смотрели вперёд, на спину идущего впереди, и ни один из них не жаловался, не замедлял шаг, не просил остановиться. Она знала, что они устали так же, как и она, что их ноги тоже горят, а горло пересохло, но никто не произносил ни слова. Это были закалённые воины, прошедшие не одну кампанию, и они знали, что жалобы не помогут, что единственный способ дойти до цели - это идти, не останавливаясь, не сомневаясь, не оглядываясь назад.

Кайл шёл впереди, на несколько шагов впереди отряда, и его фигура выделялась на фоне серой пустоши - худая, сутулая, но удивительно подвижная. Он двигался быстро и уверенно, как будто знал дорогу лучше, чем она, как будто эта пустошь была его домом, его стихией. Айрис заметила, что он часто оглядывается на неё - короткие, быстрые взгляды через плечо, которые он старался сделать незаметными, но которые она улавливала краем глаза. Его губы были плотно сжаты, и она видела, как его челюсть напрягается каждый раз, когда он поворачивал голову. Она не показывала, что замечает это, но она чувствовала - он что-то скрывает. Она чувствовала это так же ясно, как чувствовала жар солнца на своей коже.

Она остановилась на мгновение и достала из нагрудного кармана карту - ту самую, потёртую, пожелтевшую, с пометками Элиаса. Она развернула её, и ветер тут же начал трепать края, пытаясь вырвать её из рук. Она прижала её к груди и сверилась с ней, водя пальцем по линиям дорог, по отмеченным точкам, по красному кругу, который горел в центре восточных гор. Они должны были двигаться прямо на юг, к горам, по старому тракту, который был отмечен на карте сплошной линией. Но она заметила - они постепенно смещаются в сторону. Кайл каждый раз выбирал путь, который уводил их от отмеченных точек: он объезжал старые дороги, сворачивал в сторону, выбирал маршруты, которых не было на карте, петлял между камнями и сухими руслами рек, создавая впечатление, что он ведёт их по кругу.

Она ускорила шаг, обогнала нескольких бойцов и догнала Кайла, поравнявшись с ним. Он вздрогнул, когда услышал её шаги рядом, и его плечи напряглись - едва заметное движение, которое она не пропустила бы даже в темноте.

- Почему мы идём на восток? - спросила она, и голос её был ровным, но в нём слышалась та самая стальная нота, перед которой никто не мог устоять.

Кайл замер на секунду. Его шаги сбились, и он остановился, повернувшись к ней. Его лицо было спокойным, но Айрис видела, как его глаза метнулись в сторону, как он сглотнул, прежде чем заговорить. Он улыбнулся - той вежливой, искусственной улыбкой, которая не касалась его глаз.

- Южные дороги разрушены, - сказал он, и голос его звучал ровно, слишком ровно, как у человека, который заранее подготовил ответ. - Я слышал об этом от других беженцев, когда шёл сюда. Там опасно идти - земля проваливается, осыпи, камнепады. Я не хочу рисковать отрядом. Другого пути нет, если мы хотим добраться до гор целыми.

Айрис смотрела на него в упор. Она знала, что это ложь - она видела карту, она видела пометки разведчиков, которые подтверждали, что южные дороги были проходимы, хотя и требовали осторожности. Она не показывала своих мыслей. Её лицо осталось непроницаемым, как каменная маска, и только её глаза - холодные, внимательные - продолжали вглядываться в него, сканируя каждое его движение, каждый мускул на его лице.

- Хорошо, - сказала она, и в её голосе не было ни согласия, ни сомнения. - Веди. Но смотри, чтобы мы не заблудились.

Кайл кивнул, слишком быстро, и отвернулся. Он продолжал идти, и Айрис заметила, как его шаги стали чуть быстрее, как он сжал кулаки, как его плечи напряглись ещё сильнее.

Он чувствовал, что она что-то знает. Он чувствовал, что игра, в которую он играет, вот-вот раскроется. Она ничего не сказала. Она решила наблюдать и ждать, когда он сделает ошибку - когда его ложь станет слишком очевидной, чтобы её можно было игнорировать.

Она приотсталала и вернулась к отряду. Бойцы смотрели на неё с немим вопросом, но никто не произнёс ни слова. Она подошла к Элиасу, который шёл в середине колонны, и он, не оборачиваясь, спросил тихо, так, чтобы никто из остальных не услышал:

- Что-то не так? Я видел, как ты разговаривала с ним. Ты что-то нашла.

- Он ведёт нас не туда, - ответила она, и голос её был тихим, но твёрдым. - Мы идём на восток, хотя должны идти на юг. Он говорит, что дороги разрушены, но это ложь. Карта говорит другое. Я не знаю, куда он нас ведёт, но это не горы.

Элиас посмотрел на Кайла, который шёл впереди, и его глаза сузились. Он прищурился, и в его взгляде мелькнула та же сталь, что и у Айрис.

- Что будем делать? - спросил он, и его голос был таким же тихим, как у неё. - Остановим его? Прижмём к стенке? Заставим говорить правду?

- Нет, - ответила она, качая головой. - Ничего. Пока. Я хочу понять, куда он нас ведёт. И кто стоит за этим. Если мы начнём давить на него сейчас, он может закрыться, и мы никогда не узнаем правды. Пусть ведёт. Пусть думает, что мы ничего не замечаем. Но мы будем наблюдать. Мы будем ждать. И когда он приведёт нас туда, куда хочет, - она сделала паузу, и в её голосе появилась ледяная решимость, - мы будем готовы.

Элиас молча кивнул. Он не задал больше вопросов. Он знал, что она права.

Они продолжали идти. Пустошь тянулась бесконечно, и горизонт казался недостижимым, как мечта, которая тает на рассвете. Айрис чувствовала, как напряжение растёт с каждым шагом, как воздух становится плотнее, как тишина давит на уши. Она знала, что Кайл ведёт их туда, куда хочет кто-то другой - кто-то, кто стоит за кулисами этой войны, кто-то, кто знает больше, чем говорит. И она должна была выяснить, кто этот «другой». Должна была понять, какую игру ведёт Кайл, и кто на самом деле стоит за сожжёнными городами и чёрными знамёнами на горизонте.

Элиас шёл впереди отряда, оторвавшись от основной группы на добрых двадцать шагов, и внимательно изучал землю под ногами. Он двигался медленно, сосредоточенно, почти неведомо - его массивная фигура, вопреки кажущейся тяжеловесности, ступала по пустоши с удивительной лёгкостью, как у хищника, который крадётся за добычей. Его глаза, тёмные и внимательные, сканировали поверхность пустоши в поисках любых признаков, любых аномалий, любых следов, которые могли бы указать на присутствие врага - или на то, что враг прошёл здесь совсем недавно. Он был опытным следопытом, и за годы войны, за годы бесчисленных переходов и рейдов, он научился читать землю как книгу - понимать её язык, её намёки, её тихие признания, которые она выдавала только тем, кто умел слушать.

Отряд двигался за ним на почтительном расстоянии, и Айрис наблюдала, как он наклоняется, касается пальцами песка, поднимает мелкие камни, проводит ладонью по сухой траве. Она знала этот его ритуал - она видела его сотни раз, но каждый раз он вызывал в ней одно и то же чувство: смесь уважения и благоговения перед его умением видеть то, что оставалось невидимым для других. Ветер свистел в ушах, неся песок и мелкие камни, и тишина пустоши нарушалась только мерным топотом сапог и редкими криками птиц, кружащих высоко в небе.

Внезапно Элиас остановился. Он сделал это так резко, что его тело на мгновение застыло в неестественной позе, как у статуи, а затем он медленно поднял руку - открытую ладонь, направленную назад, - и отряд замер на месте, словно наткнувшись на невидимую стену. Никто не произнёс ни звука. Даже дыхание затаилось. Только ветер продолжал свистеть, и песок шуршал под ногами, напоминая о том, что мир не остановился, даже если люди замерли.

Элиас опустил на корточки, и его колени хрустнули, когда он согнул ноги. Он провёл пальцами по песку - медленно, почти нежно, как слепой, который пытается прочесть лицо

любимого человека. Его брови нахмурились, и в уголках его глаз появились глубокие морщины. Он подозревал Айрис, и она быстро подошла к нему, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее в предчувствии чего-то важного.

- Смотри, - сказал он, указывая на землю. - Следы тяжёлой техники. Гусеницы. Широкие, глубокие, с чёткими краями. Им не больше трёх дней.

Айрис опустилась рядом с ним на корточки, не обращая внимания на то, как песок проникает сквозь ткань её штанов, и посмотрела вниз. Она увидела глубокие борозды, оставленные гусеницами - они были широкими, почти метровой ширины, с ровными параллельными линиями, которые говорили о тяжёлой, хорошо сконструированной машине. Края борозд были острыми, не осыпавшимися, и это указывало на то, что техника прошла здесь совсем недавно - не больше трёх, может быть, четырёх дней назад. Она проследила их взглядом и увидела, что они уходят вдаль, к востоку, туда, где пустошь переходила в каменистые холмы, а на карте не было ни городов, ни дорог, ни каких-либо обозначений.

Элиас поднялся на ноги, отряхивая руки от песка, и его лицо было серьёзным - более серьёзным, чем она видела его за последние дни.

- Но самое странное не в том, что они здесь, - сказал он, и его голос звучал тихо, но напряжённо. - Смотри. Они идут не с юга, не с запада, не с севера. Они идут из пустоши. Они появились из ниоткуда. Здесь нет следов подхода, нет колёсных дорог, нет разбитых лагерей. Эти гусеницы начинаются прямо здесь, - он указал на точку, где следы становились чёткими, как будто техника была телепортирована на пустошь, - и уходят на восток. Как будто они просто возникли из воздуха.

Айрис нахмурилась. Она поднялась, отряхивая колени, и её взгляд упал на Кайла, который стоял неподвижно в нескольких шагах от них. Его лицо было бледным, почти серым, и она видела, как его руки мелко дрожат, как он сжимает пальцы в кулаки, пытаясь унять эту дрожь. Он смотрел на следы с выражением, в котором смешались страх, узнавание и что-то ещё - что-то, что она не могла определить. Она подошла к нему, и её шаги были быстрыми и решительными. Она взяла его за плечо - жёстко, но не грубо, - и сжала так, чтобы он почувствовал силу её хватки, чтобы он понял, что у него нет выбора.

- Ты знаешь, откуда они идут, - сказала она, и голос её был тихим, но в нём звучала сталь, которая не терпит возражений. - Ты знаешь больше, чем сказал нам. И сейчас, когда мы видим эти следы, ты не можешь отмалчиваться.

Кайл молчал. Его глаза бегали по сторонам, как у загнанного зверя, который ищет путь к бегству, но не находит его. Он пытался что-то сказать, но его губы дрожали, и слова не шли - они застревали в горле, превращаясь в хриплое, невнятное мычание. Его тело напряглось под её рукой, и она чувствовала, как он пытается отстраниться, но не решается.

- Если ты не скажешь правду, - сказала она, и её голос стал ещё тише, но ещё твёрже, как лезвие ножа, - я оставлю тебя здесь, на этой дороге, без воды, без оружия, без защиты. И ты умрёшь от жажды, глядя на эти следы и зная, что мог всё рассказать, но не захотел.

Она говорила спокойно, почти буднично, как о чём-то само собой разумеющемся. Но в её спокойствии было больше угрозы, чем в любых криках. Кайл поднял на неё глаза, и в них был страх - настоящий, животный, тот самый страх, который невозможно сыграть, который выжигает душу изнутри. Он сглотнул, и его кадык дёрнулся, и он прошептал, едва слышно, так, что она едва могла разобрать слова:

- Они идут из-под земли. Там есть подземные пути. Бункеры. Целая сеть, построенная ещё до Союза. Я не знаю, кто её построил - Архитектор, или те, кто был до него. Но «Фронтир» её использует. Они выходят из земли там, где их не ждут, наносят удар и исчезают обратно. Это единственный способ передвигаться так быстро и незаметно.

Айрис смотрела на него несколько секунд, вглядываясь в его глаза, в его дрожащие губы, в его бледное лицо. Она не знала, правду ли он говорит, но она чувствовала, что на этот раз

он не лжёт - или, по крайней мере, говорит ту правду, которую знает. Она медленно отпустила его плечо, и он облегчённо выдохнул, но его плечи остались напряжёнными.

Она повернулась к Элиасу, который стоял рядом, скрестив руки на груди, и ждал.

- Подземные пути, - сказала она, и голос её звучал глухо, как эхо в пустом колоде. - Он говорит, что «Фронтир» использует подземные пути. Целую сеть. Он говорит, что они могут выходить где угодно.

Элиас посмотрел на борозды, которые уходили к востоку, и его лицо стало ещё серьезнее. Он провёл рукой по подбородку, размышляя, и его глаза стали ещё темнее.

- Если это правда, - сказал он, и его голос был низким, как гром вдалеке, - то они могут появляться где угодно. В любой точке Союза. Они не ограничены дорогами, не ограничены картами. Они могут напасть на столицу из-под самой столицы. Мы не сможем предсказать их движение, если не найдём карту этих путей.

Айрис кивнула, и в этом кивке была вся тяжесть осознания того, что они столкнулись с чем-то новым, чем-то, что они не могли контролировать, чем-то, что было больше и страшнее, чем они думали. Она чувствовала, как холод пробегает по её спине, как мурашки покрывают её руки, как внутри неё просыпается тот самый холодный, ледяной страх, который она знала так хорошо - страх перед неизвестным, перед тем, что невозможно понять.

- Мы идём дальше, - сказала она, и голос её стал твёрже, хотя внутри неё всё дрожало. - Но теперь мы будем осторожнее. Мы будем смотреть под ноги, искать люки, входы, любые признаки того, что земля может открыться под нами. И мы будем готовы ко всему.

Она повернулась к Кайлу и добавила, глядя ему прямо в глаза:

- Ты будешь идти рядом со мной. Если мы попадём в ловушку, ты попадёшь в неё первым.

Кайл побледнел ещё больше, но не возразил. Он понимал, что это не было угрозой - это было обещанием.

Отряд остановился на ночлег в небольшой впадине, защищённой от ветра. Это было естественное углубление в земле, окружённое низкими скалами, которые создавали барьер от холодного ночного воздуха. Здесь было тихо, почти безмятежно, и только редкие звуки пустоши нарушали тишину.

Они разожгли костёр из сухих кустов, которые нашли неподалёку. Пламя взметнулось вверх, освещая уставшие лица бойцов. Огонь трещал и бросал длинные тени на камни, создавая иллюзию уюта в этом пустынном месте.

Айрис сидела у огня, поджав ноги, и смотрела на Кайла. Он сидел в стороне, в нескольких метрах от костра, обхватив колени руками. Его лицо было бледным, глаза смотрели в одну точку, и она видела, как он дрожит, хотя ночь была тёплой. Он выглядел испуганным, но она знала, что это может быть частью его игры.

Элиас подошёл и сел рядом с ней. Он протянул руки к огню, чтобы согреть их, и посмотрел на неё.

- Ты думаешь, он говорит правду? - спросил он тихо.

Айрис не сразу ответила. Она продолжала смотреть на Кайла, изучая его, пытаясь понять, что скрывается за его страхом.

- Он говорит достаточно, чтобы мы продолжили идти, - сказала она наконец.

Элиас кивнул. Он не стал задавать больше вопросов. Он знал, что она права. Кайл был инструментом, который вёл их к цели. И пока он был полезен, они должны были использовать его.

Айрис подняла глаза к небу. Звёзды начали появляться одна за другой, проступая сквозь тёмный бархат ночи. Они были холодными и далёкими, и она чувствовала, как их свет проникает в её душу, наполняя её странным спокойствием.

Она знала, что они идут в ловушку. Она чувствовала это каждой клеткой своего тела. Но она также знала, что это единственный способ найти ответы. Единственный способ узнать правду о том, что происходит на юге. Единственный способ остановить «Фронтир».

Она повернулась к Элиасу. Его лицо было освещено пламенем, и она видела в нём ту же решимость, что и утром, когда они покидали столицу.

- Я боюсь, - сказала она тихо. - Я боюсь, что мы идём туда, откуда не сможем вернуться.

Он посмотрел на неё. В его глазах не было страха - только уверенность и тёплая решимость.

- Тогда мы сделаем так, чтобы вернуться, - сказал он. - Мы всегда возвращаемся.

Она смотрела на него и чувствовала, как его слова проникают в её сердце. Он был прав. Они всегда возвращались. И они вернутся снова.

Отряд проснулся до рассвета. Это был не постепенный, ленивый переход от сна к яви, а резкое, мгновенное пробуждение - как у людей, привыкших к тому, что каждая минута покоя может стать последней. Небо только начинало светлеть на востоке, где тонкая полоса света разрезала чёрную ткань ночи, и первые лучи солнца, ещё робкие и холодные, окрашивали край горизонта в бледно-оранжевый цвет, разгоняя звёзды одну за другой. Воздух был холодным и чистым, без привычной духоты и пыли пустоши, и ветер почти не дул - только лёгкое, едва заметное движение воздуха касалось лиц, принося с собой запах сухой травы и далёкой влажной земли. Тишина стояла такая глубокая и абсолютная, что каждый звук казался неестественно громким - шорох песка под сапогами, скрип кожаных ремней, сдерживаемое дыхание бойцов, которые просыпались и поднимались с земли, как тени, выходящие из тьмы.

Айрис поднялась первой. Она не спала - она просто лежала с закрытыми глазами, слушая ночь, прислушиваясь к каждому шороху, каждому шелесту, каждому подозрительному звуку, который мог выдать присутствие врага. Но ночь была спокойной, и когда небо начало светлеть, она позволила себе открыть глаза и сесть. Она стояла на краю небольшой впадины, где они провели ночь - естественного углубления в земле, которое защищало их от ветра и любопытных глаз, - и смотрела на юг, туда, где их ждала неизвестность. Она чувствовала, как холодный утренний воздух наполняет её лёгкие, как бодрость постепенно возвращается к ней после короткого, беспокойного сна. Она не спала хорошо - мысли о Кайле, о подземных путях, о следах тяжёлой техники, о том, что ждёт их впереди, кружились в её голове, не давая ей покоя, превращая ночь в бесконечную череду вопросов без ответов. Но сейчас, когда наступал новый день, когда солнце поднималось над горизонтом, она чувствовала, как решимость возвращается к ней, как холодная ясность заменяет ночную тревогу.

Она обернулась и посмотрела на отряд. Бойцы уже просыпались - они двигались тихо, почти бесшумно, сворачивая одеяла и плащи, гася остатки костра, который тлел всю ночь, проверяя оружие с той привычной тщательностью, которая была выработана годами войны. Все двигались без лишних слов, без вопросов, как будто чувствовали, что этот день будет важным, что он принесёт либо ответы, либо конец. Лица их были сосредоточенными, и только в глазах мелькала та особая настороженность, которая появляется у людей, которые знают, что впереди может быть бой. Элиас уже стоял на ногах, застёгивая ремни рюкзака и поправляя револьвер на поясе. Его седые волосы были взлохмачены, но он уже был собран, уже готов, уже ждал её приказа. Их взгляды встретились на мгновение, и он кивнул ей - коротко, по-военному, без лишних эмоций. Она кивнула в ответ, и в этом безмолвном обмене было больше понимания, чем в любых словах.

- Собираемся, - сказала она негромко, но так, чтобы каждый услышал. - Выходим через пять минут. Проверьте воду, проверьте патроны. Мы не знаем, когда в следующий раз сможем пополнить запасы.

Бойцы задвигались быстрее. Послышался звон металла, шуршание ткани, тихие проклятия, когда кто-то уронил флягу. Кто-то кашлянул, прочищая горло. Кайл, который сидел в

стороне, отдельно от всех, поднялся на ноги, и его лицо было бледным, осунувшимся после бессонной ночи. Он не спал - Айрис знала это, потому что несколько раз за ночь она слышала, как он ворочается, как его дыхание становится прерывистым, как он сглатывает. Он боялся. Она не знала, чего именно - того, что ждёт их впереди, или того, что он сам приведёт их туда, куда не хотел идти.

Отряд быстро собрался. Они затушили последние угли костра песком, убедившись, что не осталось ни одной искры, которая могла бы выдать их присутствие, проверили снаряжение - фляги, патронные подсумки, карты, аптечки, - и двинулись в путь. Айрис шла впереди, сверяясь с картой, которую держала в руках, и чувствуя, как земля под ногами постепенно становится ровнее, как пустошь, с её бесконечной серой монотонностью, уступает место чему-то более цивилизованному. Появились признаки старой дороги - ровные ряды камней, уложенных когда-то в аккуратный порядок, которые теперь были покрыты слоем песка и пыли, но всё ещё напоминали о том, что когда-то здесь проходил путь, соединяющий города, связывающий людей, несущий жизнь и торговлю.

Она смотрела на карту, на линии, которые становились всё более чёткими по мере того, как они приближались к первому населённому пункту на их пути. Она чувствовала, как внутри неё нарастает то самое напряжение, которое она знала так хорошо - напряжение перед встречей с неизвестным, перед тем, что могло оказаться либо ключом к правде, либо ловушкой. Что-то ждало их впереди. Она не знала, что это было, но она чувствовала это каждой клеткой своего тела, каждой нервной окончание, каждым биением своего сердца, которое начинало биться чаще по мере того, как они приближались.

Через два часа, когда солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы начать припекать, они достигли первого города.

Он стоял на холме, окружённый высокими каменными стенами, которые когда-то были неприступными - сложенными из тёмного, почти чёрного камня, который отражал свет солнца, создавая иллюзию, что город сделан из обсидиана. Стены были целыми, без единой трещины, без следов осадных орудий, без подкопов. Но сейчас за ними не было жизни. Ворота были открыты настежь - две массивные створки, каждая из которых весила, должно быть, не одну тонну, были распахнуты, как будто их открыли и забыли закрыть. Через них виднелись пустые улицы, вымощенные булыжником, с аккуратными рядами домов по обе стороны. Никаких признаков движения, никаких дымов, поднимающихся над трубами, никаких звуков - даже ветер, казалось, затих, когда они подошли ближе, как будто сам воздух боялся нарушить эту абсолютную, гнетущую тишину.

Айрис подняла руку, и отряд остановился. Она смотрела на город, и чувствовала, как холод разливается в её груди, как мороз пробегает по спине, как её пальцы сжимаются на рукоятке пистолета. Здесь не было дыма, не было запаха гари, не было звуков, которые обычно сопровождают пустому городу. Только тишина - такая глубокая, такая всепоглощающая, что она давила на уши, заполняя всё вокруг своей пустотой, как вакуум, который засасывает всё живое.

- Город мёртв, - сказал Элиас, подходя к ней и становясь рядом. Его голос был тихим, но в нём слышалась та же настороженность, которая была у неё.

- Да, - ответила она, не отрывая взгляда от ворот. - Но здесь нет следов боя. Нет пожаров, нет разрушений, нет разбитых стен, нет обгоревших зданий. Он просто... пуст. Как будто все ушли. Как будто они просто встали и ушли, оставив всё как есть.

Она стояла перед открытыми воротами и смотрела на пустые улицы, на дома с закрытыми ставнями, на безжизненные окна, которые смотрели на неё пустыми, тёмными глазами. Она чувствовала, как внутри неё борются любопытство и страх, как её инстинкты кричат ей об опасности, но разум требует идти вперёд, искать ответы. Она не знала, что они найдут внутри. Но она знала, что должна войти.

Она сделала глубокий вдох - холодный, сухой воздух наполнил её лёгкие - и сжала рукоятку пистолета так сильно, что костяшки её пальцев побелели.

- Мы входим, - сказала она, и голос её был твёрже, чем она чувствовала себя. - Осторожно. Держите оружие наготове. Проверяйте углы, смотрите под ноги, не отставайте друг от друга.

Она шагнула вперёд, к воротам, и пересекла границу города. Её сапоги ступили на каменную мостовую, и звук шагов разнёсся эхом по пустым улицам, как предупреждение о том, что они пришли. За её спиной отряд двигался следом - бесшумно, но с оружием наготове, готовый к бою. И тишина города поглотила их, как чёрная вода поглощает упавший камень, не оставляя следов.

Они вошли в город, и тишина встретила их, как плотная, осязаемая стена - она давила на уши, заполняла каждый угол, каждую щель, каждую трещину в камнях, создавая ощущение, что они оказались внутри огромной, пустой раковины, из которой ушла вся жизнь. Айрис шла по центральной улице, её сапоги гулко стучали по старой каменной мостовой, и каждый шаг отдавался эхом, которое разбивалось о пустые стены домов, возвращаясь к ней искажённым, призрачным отражением звука. Город выглядел так, будто его покинули в спешке, в панике, в отчаянии - двери домов были распахнуты настежь, многие сорваны с петель и валялись на мостовой, вещи были разбросаны по улицам, как будто люди бежали, не оглядываясь, бросая всё, что не могли унести с собой. Одежда - рубашки, платья, детские куртки - валялась на камнях, припорошенная песком. Кто-то бросил корзину с продуктами, и сухие, сморщенные овощи рассыпались по мостовой, раскатываясь во все стороны, как беспомощные свидетели внезапного бегства.

Но не было следов боевых действий. Ни обугленных стен, ни воронок от взрывов, ни следов пожаров, ни чёрных копоти на камнях. Город не был разрушен - он был просто пуст. Пуст, как забытая комната, как дом, в котором больше никто не живёт. Это было даже страшнее, чем руины. Руины хотя бы говорили о борьбе, о сопротивлении, о том, что люди сражались за свои дома. А здесь была только абсолютная, безмолвная пустота, которая кричала громче любых взрывов.

Айрис остановилась на перекрёстке, где центральная улица пересекалась с двумя боковыми, и огляделась. Её взгляд упал на стены домов, и она заметила странную деталь - на каждом здании, на каждом доме, на каждой двери была белая отметка, похожая на аккуратную, чётко выведенную цифру. Она подошла к ближайшей двери, присела на корточки и пригляделась. На деревянном косяке, поверх старой краски, белой масляной краской было выведено: «52». Цифра была нанесена ровно, без дрожи, без сомнений - как будто человек, который её ставил, делал это сотни раз и знал, что делает.

Она обернулась и посмотрела на другие дома, на улицы, которые уходили вдаль. Все они были отмечены номерами - на одних было «13», на других «26», на третьих «39», на четвёртых «65». Цифры были аккуратными, выведенными явно одной рукой, одним почерком, как будто кто-то методично прошёлся по всему городу, заходя в каждый дом, и пометил его, как вещь на складе. Айрис провела пальцем по цифре, и её палец покрылся тонким слоем свежей, ещё не до конца засохшей краски. Это было сделано недавно. Не больше двух-трёх дней назад.

- Они сортировали их, - сказал Элиас, подходя к ней сзади и останавливаясь рядом. Его голос был низким и глухим, и в нём слышалась та же смесь отвращения и мрачного понимания, которая клокотала в груди у Айрис. - Как скот. Как товар. Номер, категория, партия. Они превратили людей в инвентарь.

Айрис кивнула, не отрывая взгляда от цифры. Она чувствовала, как холод пробегает по её спине, как волосы на руках встают дыбом, как внутри неё просыпается тот самый ледяной гнев, который она знала так хорошо - холодный, контролируемый, но готовый вырваться наружу в любой момент. Это было не просто завоевание. Это был не просто налёт. Это был какой-то

системный, организованный, почти бюрократический подход - кто-то заходил в дома, маркировал их, забирал людей, записывал номера. Но зачем? Для чего нужна была эта система?

Нова вышла из одного из домов слева - высокого, с облупившейся штукатуркой на фасаде, - и её лицо было бледным, почти серым, как пепел. Её глаза были расширены, и она слегка покачивалась на ногах, как будто увидела что-то, что потрясло её до глубины души. Она подошла к Айрис, и голос её дрожал, когда она заговорила:

- Там никого нет. Но есть следы того, что люди сидели в углах. Много людей. Я видела следы маленьких ног - детские следы на пыльном полу. Они сидели там, прижавшись друг к другу. Я видела, как кто-то рисовал на стене - мелом, фигурки. Домик. Солнце. - Она замолчала на мгновение, сглатывая. - А потом они просто исчезли.

Айрис молча кивнула и направилась к этому дому. Она перешагнула порог, и внутри было темно - только косой свет падал из открытой двери, выхватывая из темноты очертания мебели, столов, стульев, разбросанных вещей. Она прошла вглубь, и её глаза привыкли к полумраку. Она увидела разбросанные игрушки - куклы с оторванными руками, деревянные лошадки, у которых были отломаны ноги, мячи, которые валялись в углу. Пустые чашки стояли на столе, и на дне одной из них ещё оставалась жидкость - старая, мутная вода. Одежда была аккуратно сложена в углу, как будто кто-то готовился ко сну, но так и не лёг. Всё выглядело так, будто люди сидели здесь, ждали, сбившись в кучу, прижимаясь друг к другу, а потом - в один момент - их забрали.

Она прошла дальше, в глубь комнаты, и заметила что-то в углу, засунутое между подушками на старом диване, - маленькую, потёртую книжку с рисунками на обложке, нарисованными цветными карандашами. Солнце с улыбкой, домик с трубой, из которой шёл дым, и фигурки людей, держащихся за руки. Айрис наклонилась и подняла её - пальцы её слегка дрожали, когда она перелистнула страницы. Это был дневник. Детский, с каракулями и рисунками, с неровными буквами, которые только учились складываться в слова.

Она открыла его на последней странице, и её взгляд упал на неровные, дрожащие строчки, написанные карандашом, который был сломан и снова заточен:

«Они пришли вчера. Сказали, что заберут нас в безопасное место, где не будет войны. Сказали, что мы должны верить им. Папа сказал, что мы должны идти. Он сказал, что они обещали нам новый дом. Я не хочу уходить. Я хочу остаться здесь. Но папа сказал, что мы должны. Я боюсь».

Айрис закрыла дневник. Она чувствовала, как внутри неё поднимается тугой, горячий ком - гнев, смешанный с болью, с отчаянием, с беспомощностью перед жестокостью, которая была так хорошо организована. Это были не солдаты, которые убивают. Это были люди, которые забирают. Которые обещают безопасность, мир, новый дом, а потом исчезают вместе с теми, кто поверил им, оставляя за собой только пустые дома и номера на дверях.

Она сжала дневник в руке, чувствуя, как его углы впиваются в ладонь, и вышла из дома на свет, который казался теперь каким-то чужим, неправильным, несправедливым. Она посмотрела на пустые улицы, на разбросанные вещи, на номера на дверях, и её голос был тихим, но в нём звучала та самая сталь, которую боялись её враги:

- Мы должны найти их. Мы должны найти тех, кто это сделал. Мы должны найти этих людей - или то, что от них осталось. И мы должны понять, куда они их увели. Потому что этот город - он не случайность. Это часть плана. И если мы не узнаем, что это за план, то следующий город, который опустеет, будет наш.

Элиас подошёл к ней и положил руку ей на плечо - короткое, тёплое прикосновение, которое должно было напомнить ей, что она не одна.

- Мы найдём их, - сказал он. - Мы найдём всех, кого сможем. И мы остановим это.

Айрис кивнула, но в её взгляде была та особая, холодная решимость, которая не обещала пощады. Она сунула дневник в свой рюкзак, рядом с письмом матери, и повернулась к отряду.

- Мы двигаемся дальше, - сказала она. - Но теперь мы знаем, что ищем. Мы ищем не врага. Мы ищем жертв. И мы должны найти их раньше, чем это сделает кто-то другой.

Нова шла вдоль пустых улиц, её шаги были лёгкими и бесшумными, как у кошки, которая крадётся по ночным крышам. Её глаза - тёмные, цепкие, привыкшие к полумраку и опасности - сканировали каждый закоулок, каждую тень, каждое окно, каждую приоткрытую дверь. Она была разведчиком по натуре, и за годы службы она научилась замечать детали, которые другие пропускали, - сломанную ветку, свежий след на пыльном полу, приоткрытую крышку люка, которая не вписывалась в общую картину мёртвого города. И сейчас она заметила кое-что странное: люк в подвал, приоткрытый, словно кто-то торопился и не закрыл его до конца, оставив узкую тёмную щель, которая зияла в мостовой, как чёрный глаз, смотрящий на неё с земли. Люк был старым, железным, покрытым толстым слоем ржавчины, с петлями, которые скрипели от малейшего прикосновения, и он выделялся на фоне пустых улиц - неправильный, чужеродный, как будто случайно оказавшийся здесь.

Она подошла ближе, остановилась над люком и прислушалась. Тишина. Только ветер гулял по пустым переулкам, да где-то далеко хлопала сорванная ставня. Но потом она услышала тихий, сдавленный звук - кашель. Он был коротким, испуганным, как будто человек пытался подавить его, зажать рот рукой, но не смог, и звук вырвался наружу, как утопленник, который пытается глотнуть воздуха. Это был не просто шум - это было дыхание жизни посреди мёртвого города.

Нова осторожно опустилась на колени, не обращая внимания на то, как песок и мелкие камни впиваются в её кожу через ткань штанов. Она взялась за ржавую ручку люка и медленно, стараясь не скрипеть, приоткрыла его шире. Внизу было темно, так темно, что казалось, будто там нет ничего, кроме пустоты, и пахло сыростью - запахом старой, застоявшейся воды, плесени, пыли и чего-то ещё, что она не могла определить. Она заглянула внутрь и увидела лестницу, уходящую вниз - деревянные ступени, покрытые толстым слоем грязи, которые вели в чёрную бездну. Она спустилась, стараясь не шуметь, её пальцы скользили по холодным, шершавым стенам, покрытым мхом и ржавчиной.

В подвале было холодно и темно. Единственный свет проникал через щели в люке, создавая на полу узкие, дрожащие полосы, которые освещали пыль, танцующую в воздухе. Она увидела их - пять человек, сидящих в углу, прижавшихся друг к другу, как испуганные зверьки, которые пытаются согреться и защититься от внешнего мира. Двое взрослых - женщина с седыми, спутанными волосами и мужчина с измождённым лицом и глубокими морщинами, - и трое детей, самых маленьких, которые смотрели на неё огромными, полными ужаса глазами. Они сбились в кучу, и их руки переплетались, как будто они боялись, что кто-то может оторвать их друг от друга. Они смотрели на неё с таким страхом, что у Новы на мгновение перехватило дыхание.

Она медленно, очень медленно подняла руку, показывая, что не хочет причинить им вреда. Она держала ладонь открытой, без оружия, без угроз, и её голос был тихим и мягким, как она могла сделать его:

- Я не причиню вам вреда, - сказала она. - Я не от них. Я здесь, чтобы помочь.

Женщина, самая старшая из них, с седыми волосами, которые когда-то были аккуратно уложены, а теперь висели спутанными прядями, и с глубокими морщинами на лице, которые говорили о множестве пережитых лет, прошептала, и голос её дрожал, как сухой лист на ветру:

- Вы не от них? Вы не с «Фронтиром»? Они обещали, что не вернуться, но я не верю им. Они приходили дважды. Они забирают всех.

Нова покачала головой, и её движения были медленными, чтобы не испугать их ещё больше. Она положила руку на кобуру с пистолетом - чтобы они видели, что оружие есть, но не доставала его, не демонстрировала угрозу. Она хотела, чтобы они чувствовали себя в безопасности, хотя знала, что в их состоянии это почти невозможно.

- Нет, - сказала она, и её голос стал ещё мягче. - Я не от них. Я из столицы. Я пришла помочь. Мы - отряд, мы ищем людей, которых забрали. Мы хотим остановить это. Вы не одни.

Женщина посмотрела на неё с недоверием, с той осторожной, подозрительной надеждой, которая появляется у людей, переживших слишком много предательств. Но в её глазах, в глубине этих усталых, покрасневших глаз, зажглась искра - маленькая, слабая, но живая. Она кивнула остальным, и они начали медленно, с трудом подниматься - их ноги затекли после долгих часов неподвижности, и они опирались друг на друга, как старые, больные деревья, которые держатся только благодаря тому, что сплелись корнями.

Нова вывела их на поверхность. Когда они вышли из подвала, солнечный свет - яркий, почти ослепительный после темноты - ударил им в глаза, и они зажмурились, поднимая руки к лицам, чтобы защититься от него. Они выглядели измождёнными, грязными, напуганными, как люди, которые прошли через ад и не знают, что делать с жизнью, которая продолжается вокруг них. Их одежда была порвана и покрыта пылью, лица бледны, почти серы, а глаза красные от слёз, невыплаканных и выплаканных, которые оставили следы на их щеках.

Айрис увидела их и быстро подошла, сократив расстояние широкими, уверенными шагами. Она остановилась перед женщиной, которая выглядела старшей, и мягко, почти невольно взяла её за руку - холодную, дрожащую, с тонкой, как папиросная бумага, кожей, покрытой синяками и ссадинами.

- Что здесь произошло? - спросила Айрис, и её голос был тёплым, но в нём слышалась та же стальная нотка, которая появлялась, когда она сталкивалась с несправедливостью. - Расскажите мне всё. От начала.

Женщина посмотрела на неё, и слёзы потекли по её щекам - молча, без всхлипов, как вода, которая наконец нашла путь через трещины в плотине. Она начала говорить, запинаясь, спотыкаясь на каждом слове, как будто каждое из них стоило ей огромных усилий:

- «Фронтир» пришёл две недели назад. Они пришли ночью, без предупреждения. Мы проснулись от шума - криков, топота сапог, стука в двери. Они не убивали. Они просто... забирали. Сначала всех взрослых. Они ходили от дома к дому, стучали, открывали двери и забирали людей. Они говорили, что это «переселение». Потом они вернулись за детьми. Мы слышали, как они плакали, как их звали родителей. Сейчас в городе никого не осталось. Мы - последние.

- А вы? - спросила Айрис, и её голос стал тише, почти шёпотом. - Как вы выжили? Почему они не нашли вас?

- Мы прятались, - сказала женщина, и её голос дрогнул. - Мы слышали, как они приходили. Мы слышали, как они забирали соседей, как двери открывались и закрывались, как дети кричали. Мы спустились в подвал и заперлись. Мы сидели там всё это время, боясь пошевелиться, боясь дышать. Мы слышали, как они ходили над нами, как их сапоги стучали по мостовой. А потом они ушли. И мы остались ждать. Мы не знали, что делать. Мы думали, что они вернуться. Мы думали, что умрём там, в темноте.

Она замолчала на мгновение, её глаза затуманились, и она прошептала, почти беззвучно, но так, что Айрис услышала каждое слово:

- Они называли себя «собираателями». Они говорили о «переселении в новый мир». Они обещали, что там будет безопасно. Но я не верю им. Я не верю, что такое место существует.

Айрис сжала её руку - крепко, но не больно, передавая ей тепло своей ладони, свою поддержку. Она чувствовала, как гнев и боль поднимаются внутри неё, как они переполняют её, угрожая вырваться наружу, но она сдержала их - глубоко вдохнула, выдохнула, удерживая себя на краю.

- Теперь вы в безопасности, - сказала она, и её голос был твёрдым, как обещание. - Мы позаботимся о вас. Мы не дадим им вас забрать.

Она повернулась к отряду и дала знак - короткий, резкий взмах руки, - и бойцы начали двигаться, образуя защитное кольцо вокруг выживших, готовые защитить их любой ценой.

Кто-то протянул им фляги с водой, кто-то делился хлебом, кто-то укрывал дрожащих детей своими плащами. Айрис смотрела на них, на этих людей, которых спасли от тьмы, и чувствовала, как внутри неё крепнет решимость. Она не знала, куда ушли остальные. Но она знала, что должна найти их. Должна остановить тех, кто называет себя «собираателями». Должна разрушить их план, какой бы он ни был.

Она опустилась на корточки перед женщиной и взяла её за руку. Она чувствовала, как та дрожит, как её пальцы холодны и тонки. Женщина смотрела на неё с надеждой и страхом, и Айрис знала, что должна быть осторожной, чтобы не сломать эту хрупкую веру.

- Где они, те, кого забрали? - спросила она мягко, но настойчиво.

Женщина покачала головой. Её глаза наполнились слезами, и она сглотнула, чтобы продолжить.

- Мы не знаем, - сказала она. - Они говорили, что их отправляют на юг. В места, где есть вода, еда, безопасность. Но мы знаем - это ложь. Наш сосед, он был водителем. Он видел, куда увозили людей. Он сказал, что они едут на восток. В горы. Туда, где не ступала нога человека много лет.

Айрис сжала её руку.

- Ты сказала, что у них были странные значки? - спросила она. - Ты можешь описать их?

Женщина кивнула. Её лицо стало ещё бледнее, и она заговорила тише, как будто боялась, что кто-то может услышать её.

- Мужчины из «Фронтис» носили необычные значки, - сказала она. - Не обычные военные. Они были с каким-то символом. Я никогда не видела такого раньше.

Айрис достала из кармана маленький клочок бумаги и протянула его женщине.

- Нарисуй, - сказала она. - Пожалуйста.

Женщина взяла бумагу дрожащей рукой. Она посмотрела на неё, затем опустила глаза и начала чертить. Её пальцы двигались медленно, неуверенно, но она вывела три пересекающиеся линии. Они были неровными, но узнаваемыми.

Айрис замерла. Она смотрела на символ и чувствовала, как её сердце начинает биться быстрее. Она узнала его. Она видела его в бумагах матери, в старых записях, которые хранила в тайне. Три пересекающиеся линии. Символ Архитектора.

Она медленно поднялась на ноги и повернулась к Элиасу. Он стоял рядом, и она увидела, как его лицо напряглось, когда он увидел её выражение.

- Это символ Архитектора, - сказала она тихо, так, чтобы никто больше не слышал. - Это не армия. Это его сеть.

Элиас сжал кулаки. Его глаза потемнели, и она увидела в них ту же ярость, что чувствовала сама.

- Тогда мы не просто идём на войну, - сказал он. - Мы идём к тому, кто её начал.

Айрис кивнула. Она смотрела на символ, нарисованный на бумаге, и чувствовала, как внутри неё просыпается что-то новое - не просто решимость, а что-то более глубокое. Она знала, что этот путь приведёт её к правде. К правде о её матери, о Архитекторе, о том, что скрывалось в горах.

Она опустилась на колени перед женщиной и осторожно осмотрела её ногу. Рана была глубокой - рваный край, воспалённая кожа, и она уже начала гноиться. Женщина сидела неподвижно, но Айрис видела, как её лицо искажается от боли, когда она касалась раны.

- Это будет больно, - сказала Айрис тихо. - Но я должна обработать рану.

Женщина кивнула, сжав зубы. Она не издала ни звука, даже когда Айрис разорвала свою рубашку на полосы и начала перевязывать ногу. Она приложила антисептик, и женщина вздрогнула, но не закричала. Она терпела молча, и это вызывало уважение.

Айрис закончила перевязку и поднялась. Она посмотрела на детей, которые сидели в стороне, прижавшись друг к другу. Они молча смотрели на неё, и в их глазах она видела не

благодарность, а страх. Глубокий, животный страх, который они не могли скрыть. Она понимала, что они видели такое, что невозможно забыть. Видели, как забирали их родителей, как исчезали соседи, как город становился пустым.

Она подошла к ним и опустилась на корточки, чтобы быть на одном уровне.

- Вы будете в безопасности, - сказала она мягко. - Мы отправим вас на север. Там есть люди, которые позаботятся о вас.

Дети молчали. Один из них, мальчик лет семи, посмотрел на неё и спросил:

- А наши родители? Они вернутся?

Айрис почувствовала, как её сердце сжалось. Она не знала, что ответить. Она не хотела лгать, но она также не могла сказать правду.

- Мы сделаем всё, чтобы найти их, - сказала она. - Я обещаю.

Она встала и подозвала Нову. Нова подошла, и Айрис взяла её за руку.

- Ты отправляешься обратно, - сказала она. - Берёшь двоих бойцов и сопровождаешь их до границы. Мы продолжим путь на юг.

Нова хотела возразить. Она открыла рот, чтобы сказать что-то, но увидела глаза Айрис - в них не было колебаний. Она кивнула и начала готовиться к дороге.

Айрис вернулась к женщине и помогла ей встать. Она протянула ей флягу с водой, и женщина сделала несколько глотков.

- Я найду их, - сказала Айрис. - Я найду ваш народ.

Женщина посмотрела на неё. Её глаза были полны слёз, и она прошептала:

- Будьте осторожны. Они не люди. Они - машины.

Элиас шёл по пустым улицам, и его шаги были размеренными и тяжёлыми, как у человека, который привык измерять пространство не глазами, а временем и усилием. Он заходил в каждый дом, на который были нанесены белые номера, - методично, без спешки, с той холодной тщательностью, которая отличала его от всех остальных. Он двигался от двери к двери, от комнаты к комнате, от этажа к этажу, и его глаза - тёмные, глубокие, не пропускающие ни одной детали - сканировали каждую поверхность, каждый предмет, каждую тень. Он искал что-то, что могло бы объяснить происходящее, какую-то подсказку, которая помогла бы им понять, что случилось с жителями этого города, куда их увели и зачем. Он был следователем по натуре, и годы войны научили его тому, что правда всегда оставляет следы - нужно только уметь их читать.

Он заметил странную закономерность, которая становилась всё более очевидной по мере того, как он продвигался от одного дома к другому. Дома с маленькими номерами - от 1 до 50, те, что стояли ближе к центру города, - были обысканы тщательно, почти стерильно. Вещи в них были аккуратно сложены, как будто кто-то забирал людей без спешки, без суеты, с той методичной организованностью, которая говорила о хорошо отлаженной системе. Одежда висела в шкафах, посуда стояла на полках, письма лежали в стопках на столах. Казалось, что люди просто вышли на минутку и должны были вернуться. Но дома с большими номерами - те, что стояли на окраинах, дальше от центра, - выглядели иначе. Они казались менее тщательно проверенными, словно у тех, кто их обыскивал, кончалось время или терпение. Вещи были разбросаны в хаотичном порядке - стулья перевернуты, ящики выдвинуты, содержимое высыпано на пол. Здесь чувствовалась спешка, нервозность, почти паника. Как будто кто-то торопился или уже не придавал значения тому, что оставляет после себя.

Элиас остановился у дома под номером 169. Он стоял на самой окраине, почти у городской стены, и выглядел заброшенным даже по меркам этого мёртвого города. Его фасад был облупившимся, ставни висели криво, а дверь была приоткрыта, словно кто-то входил в неё и забыл закрыть. Элиас толкнул дверь, и она открылась с протяжным, скрипучим стоном, который разнёсся по пустым комнатам, как предупреждение. Внутри было темно - только косые лучи полуденного солнца пробивались сквозь щели в ставнях, оставляя на полу длинные золо-

тые полосы, в которых танцевали пылинки. Он вошёл и огляделся: разбросанные письма, книги с вырванными страницами, одежда, которая валялась на полу, как брошенная кожа. Всё было в хаосе, но в этом хаосе была своя логика.

Он прошёл вглубь комнаты, переступая через обломки и разбитую посуду, и заметил на стене что-то странное. В углу, где стена встречалась с потолком, на тёмных, покрытых копотью досках, был вырезан символ. Элиас подошёл ближе, прищурился, и его сердце на мгновение замерло. Это был символ Архитектора - три пересекающиеся линии, которые они уже видели в других местах, на других стенах. Но рядом с ним был ещё один символ - круг с точкой в центре, аккуратный и чёткий, вырезанный с гораздо большей тщательностью, чем первый. Линии были ровными, глубокими, как будто их делал человек, который хотел, чтобы этот знак заметили, чтобы его запомнили. В отличие от грубого, небрежного символа Архитектора, этот был вырезан с любовью, с намерением, с посланием.

Элиас достал маленькую камеру - старую, потёртую, но надёжную, которую он всегда носил с собой, - и сфотографировал оба символа. Он сделал три снимка под разными углами, чтобы ни одна деталь не ускользнула. Затем он опустил камеру и ещё раз посмотрел на круг с точкой, чувствуя, как внутри него просыпается странное, тревожное чувство - что он стоит на пороге чего-то важного. Он вышел из дома, и солнечный свет на мгновение ослепил его. Он зажмурился, давая глазам привыкнуть, и увидел Айрис, которая стояла на улице, ожидая его.

- Я нашёл кое-что, - сказал он, протягивая ей камеру с отчётливым чувством, что передаёт не просто изображение, а ключ к чему-то, что может изменить всё. - Посмотри на это. Сначала я думал, что это просто ещё один символ Архитектора. Но рядом с ним есть другой. Круг с точкой в центре. Очень аккуратный. Очень намеренный.

Айрис взяла камеру, и её пальцы слегка дрожали, когда она поднесла её к глазам и посмотрела на экран. Она увидела символ Архитектора - знакомый, ненавистный, - а рядом с ним круг с точкой в центре. Она замерла, чувствуя, как холод пробегает по её спине, как мурашки покрывают её руки, как внутри неё что-то обрывается и одновременно зажигается. Она узнала этот символ. Она видела его раньше - на письме, которое нашла в ящике несколько месяцев назад. Письме, которое принадлежало её матери. Письме, которое она перечитывала сотни раз, пока каждое слово не врезалось в её память.

- Это не просто символ Архитектора, - сказал Элиас, и его голос был тихим, но в нём звучала уверенность, которая передавалась Айрис. - Это подпись. Кто-то оставляет нам послание. Кто-то, кто был здесь до нас и хотел, чтобы мы это увидели. Это не случайность. Это не совпадение. Кто-то хочет, чтобы мы знали, что он здесь был.

Айрис смотрела на фотографию, не отрываясь. Она чувствовала, как её сердце начинает биться быстрее, как кровь приливает к лицу, как внутри неё борется надежда и страх. Она не знала, кто это был. Она знала только, что символ на стене совпадал с символом на письме её матери. И это вызывало в ней странную, почти болезненную смесь чувств - надежду, что мать жива и пытается связаться с ней, и страх, что она связана с тем, что происходит, что она часть этого ужаса.

Она подняла глаза на Элиаса, и её голос был тихим, но в нём звучала та особенная сталь, которая появлялась только в самые важные моменты:

- Это символ с письма моей матери. Того самого, которое я нашла в ящике после его смерти. Она писала: «Не доверяй тем, кто слишком хорошо знает правду». И на этом письме был точно такой же знак. Кто-то оставил его здесь. Может быть, она. Может быть, кто-то другой, кто хочет, чтобы мы пошли по этому следу. Но он здесь. Он ждал нас.

Элиас посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула та смесь тревоги и решимости, которую она видела у него только в самые опасные моменты. Он не знал, что сказать - слова были бессильны перед этим открытием. Но он знал, что это открытие меняло всё. Оно превращало их миссию из простого поиска правды в нечто более личное, более опасное, более глубокое.

- Мы должны продолжать идти, - сказал он, и голос его был твёрдым, как камень. - Мы должны найти того, кто оставил этот знак. Если это твоя мать - она хочет, чтобы мы её нашли. Если это кто-то другой - они хотят, чтобы мы знали, что они здесь. В любом случае, мы должны идти по этому следу. Это единственное, что у нас есть.

Айрис кивнула, и её пальцы сжали камеру так сильно, что костяшки побелели. Она спрятала её в нагрудный карман, рядом с фотографией и письмом матери, и посмотрела на пустые улицы, которые уходили вдаль, к горизонту, где уже угадывались тёмные силуэты гор.

Они сидели на крыльце одного из домов на окраине мёртвого города. Дом был старым, с облупившейся краской и покосившимися перилами, но крыльцо было достаточно широким, чтобы они могли расположиться на нём, положив между собой карту и фляги с водой. Солнце уже клонилось к закату, и тени становились длинными, вытягиваясь по пустым улицам, как чёрные пальцы, которые тянулись к ним из темнеющих переулков. Небо окрашивалось в глубокие оранжевые и багровые тона, и последние лучи солнца золотили пыль, которая медленно оседала на мостовую. Город вокруг них был тихим и мёртвым, но здесь, на крыльце, было почти спокойно - только ветер шелестел в пустых окнах, завывал в щелях между ставнями и гнал песок по мостовой, создавая тихий, монотонный шум, который успокаивал и одновременно настораживал.

Элиас развернул карту на коленях, расправляя её потёртые, пожелтевшие края. Она была старой, с пятнами от влаги и следами от чернил, но линии на ней были чёткими и узнаваемыми - все дороги, реки, горные хребты и города, которые когда-то были живыми. Он провёл пальцем по карте, отмечая разрушенные города, которые они видели своими глазами, и его палец двигался медленно, аккуратно, как будто он касался ран на теле старого друга. Он остановился на каждом из них - Вернон, Эштон, Мидвей, Кросс-роудс, Лейквуд, а теперь и этот безымянный город, который они только что покинули.

- Они систематичны, - сказал он, и голос его был низким и задумчивым, как у человека, который собирает пазл, но не видит всей картины. - Они не оставляют случайностей. Каждый шаг продуман, каждый город выбран не случайно. Они забирают людей, но не убивают их - по крайней мере, не сразу. Они сортируют их, маркируют, уводят. Если они забирают людей, значит, им это нужно. И если они оставляют символы, значит, они хотят, чтобы их нашли. Это не просто оккупация. Это план. И мы видим только верхушку.

Айрис смотрела на карту, её глаза скользили по линиям и точкам, соединяя их в единую картину. Она видела, как разрушенные города выстраиваются в линию - от южных границ, где начиналась пустошь, до восточных гор, которые возвышались на краю карты, тёмные и зловещие. Она проследила эту линию пальцем, чувствуя, как её кончик скользит по шершавой бумаге, и внутри неё просыпалось понимание - медленное, тяжёлое, как подъём со дна глубокого колодца.

- Все разрушенные города находятся на одной линии, - сказала она, и голос её был тихим, но в нём звучала та особая ясность, которая приходит только в момент озарения. - Линии, которая ведёт прямо к старым шахтам. Не к новым, не к тем, которые ещё работают, а к тем, которые были заброшены ещё при Архитекторе. К тем, которые никто не трогал десятилетиями.

Элиас поднял на неё глаза. В его взгляде мелькнула тень понимания, смешанная с тревогой. Он смотрел на карту, на линию, которую она провела, и его лицо стало серьёзным - более серьёзным, чем она видела его за весь этот день.

- Они ищут что-то под землёй, - продолжала она, и её голос стал твёрже, увереннее, по мере того как картина складывалась в её голове. - Не людей. Люди - это просто рабочая сила, инструмент, который им нужен, чтобы добраться до того, что скрыто. Они ищут реакторы. Те самые реакторы, которые Архитектор оставил после себя, когда исчез. Те, о которых мы

знаем только из старых записей, из легенд, из того, что нам удалось найти в архивах. Реакторы, которые могут питать «Протокол 7».

Она замолчала на мгновение, глядя на закат, который окрашивал небо в огненные тона, и чувствовала, как холодный ветер касается её лица.

- Если они найдут их, - сказала она, и голос её стал тише, но в нём появилась сталь, - они смогут запустить «Протокол 7» в глобальном масштабе. Не локально, как мы боялись, а везде. Сразу. Они смогут уничтожить всех, кто не соответствует стандартам Архитектора - всех, кто не вписывается в их картину идеального мира. Мы не можем позволить им это сделать.

Элиас сжал кулаки, и его пальцы побелели от напряжения. Он смотрел на карту, на эти линии, на эти точки, на этот путь, который вёл к шахтам, и его голос был твёрже, чем она слышала его за последние дни.

- «Протокол 7» - это не просто оружие, - сказал он, и его голос звучал низко и глухо, как далёкий гром. - Это система. Это машина, которая способна переписать реальность так, как её видел Архитектор. Если «Фронтир» получит доступ к реакторам, они смогут активировать его в любом месте, в любое время, без предупреждения. Мы не сможем остановить их, если они запустят его. У нас будет всего несколько часов, чтобы действовать. А потом - тишина.

Айрис кивнула, и в этом кивке была вся тяжесть осознания того, что поставлено на карту. Она знала, что он прав. Она знала, что каждый час промедления приближает их к катастрофе, которую они не смогут предотвратить. Она смотрела на закат, на этот умирающий свет, который золотил крыши пустых домов, и чувствовала, как решимость наполняет её, как она перебивает усталость, страх, сомнения.

- Мы должны добраться до них первыми, - сказала она, и голос её был твёрдым, как сталь, которую она носила на поясе. - Мы должны найти эти реакторы и уничтожить их, прежде чем они успеют их использовать. Если мы опоздаем, всё, что мы знаем, всё, что мы любим, - исчезнет. Как этот город. Как те, кто жил здесь.

Элиас свернул карту, его движения были чёткими и уверенными, и он спрятал её во внутренний карман куртки, рядом с сердцем. Он поднялся на ноги, и его тень вытянулась по мостовой, длинная и тёмная, и он протянул ей руку - широкую ладонь, покрытую мозолями и шрамами, которая столько раз держала её в самые трудные моменты.

- Тогда мы идём к шахтам, - сказал он, и голос его был твёрдым, как обещание, которое он давал ей снова и снова. - Мы не останавливаемся, пока не найдём их. Мы не останавливаемся, пока не остановим их. Сколько бы времени это ни заняло, сколько бы это ни стоило.

Они покинули город на следующее утро, когда небо только начинало светлеть на востоке, а звёзды ещё не успели погаснуть. Солнце только начинало подниматься, и первые лучи освещали пустые улицы, придавая им призрачный золотистый оттенок, словно кто-то накрыл мёртвый город тонкой тканью света. Воздух был холодным и чистым, но в нём всё ещё чувствовался запах пыли и запустения, который оседал на одежде, на коже, в лёгких, напоминая о том, что они оставляют за спиной - ещё один город, ещё одну главу, ещё одну загадку, которая пока не имела ответа. Тишина стояла такая же глубокая, как и вчера, но теперь в ней слышались шаги отряда, скрип ремней, сдерживаемые вздохи выживших, которые готовились к долгой дороге на север.

Нова стояла во главе небольшой группы - она и двое бойцов, которых Айрис лично отобрала для этого задания, готовились к дороге. Они проверяли оружие, затягивали ремни рюкзаков, пересчитывали патроны и воду. Вокруг них собрались выжившие: женщина с перевязанной ногой, которая опиралась на самодельный костыль, трое детей, которые держались за руки, не разжимая пальцев, словно боялись, что их снова разлучат, и ещё несколько человек - мужчины и женщины с измождёнными лицами, которых они нашли в подвалах и погребах этого мёртвого города. Они выглядели грязными, напуганными, но в их глазах появилась та

хрупкая, робкая надежда, которая возникает у людей, когда они впервые видят свет после долгой тьмы.

Айрис подошла к Нове, и её шаги были твёрдыми, хотя внутри неё всё сжималось от предчувствия разлуки. Она положила руку на плечо Новы - тёплое, упругое, такое молодое, - и её голос был тихим, но твёрдым, когда она заговорила:

- Довези их до границы, Нова. Не останавливайся нигде. Обходи города стороной, не вступай в контакты, не рискуй. Только граница. Там вас встретят, там вы будете в безопасности. Это приказ.

Нова кивнула, и в её тёмных глазах мелькнула тень тревоги, которую она старалась скрыть. Её лицо было серьёзным, сосредоточенным, но Айрис знала её достаточно хорошо, чтобы увидеть за этой маской беспокойство - беспокойство за тех, кто оставался, за тех, кто шёл в неизвестность.

- А ты? - спросила Нова, и голос её был тише, чем обычно. - Ты уверена, что не хочешь, чтобы я осталась? Я могу идти с тобой. Я могу быть полезной там, в горах.

- Уверена, - ответила Айрис, и в её голосе не было сомнений. - Ты нужна им. Им нужен кто-то, кто защитит их, кто доведёт их до места. Ты - лучшая, Нова. Ты справишься.

Нова сжала её руку в ответ - крепко, на мгновение, передавая тепло и молчаливое обещание, - затем повернулась к своей группе. Она подняла руку, и выжившие зашевелились, готовясь к движению.

- Мы идём, - сказала она, и голос её звучал твёрдо, как у человека, который знает, что должен сделать. - Береги себя, Айрис. И вернись.

Она повела выживших на север, по дороге, которая уходила за горизонт, и их фигуры быстро уменьшались, становясь маленькими точками в серой дымке утра. Айрис смотрела им вслед, пока они не исчезли вдаль, оставляя за собой лишь облако пыли, которое медленно оседало на землю. Она стояла неподвижно, чувствуя, как внутри неё поднимается пустота - та особая пустота, которая появляется, когда ты отпускаешь кого-то, зная, что можешь больше никогда не увидеть его. Но она не позволила себе задержаться на этом чувстве. Она глубоко вдохнула, чувствуя, как холодный утренний воздух наполняет лёгкие, и повернулась к оставшимся.

Она пересчитала их взглядом. Четверо бойцов - те, кто согласился идти до конца, - стояли вокруг, проверяя оружие и затягивая ремни. Элиас уже стоял на ногах, его лицо было спокойным, но в глазах читалась та же решимость, что и у неё. Кайл стоял чуть поодаль, глядя в сторону гор, и его лицо было непроницаемым, как каменная маска. Семеро против неизвестной армии. Семеро против целой сети, которую построил Архитектор. Она чувствовала тяжесть в груди, но отогнала страх. Она не могла позволить ему овладеть собой. Она подняла голову, расправила плечи и посмотрела на юг, туда, где на горизонте уже угадывались тёмные силуэты гор.

- Мы идём к горам, - сказала она, и голос её был твёрдым, как сталь. - Там - ответы. И там - конец этого пути, какой бы он ни был. Мы не останавливаемся, пока не узнаем правду.

Они двинулись в путь. Дорога становилась всё более разрушенной по мере того, как они приближались к горам. Земля трескалась, появлялись глубокие расщелины, которые зияли в земле, как открытые раны, готовые поглотить любого, кто оступится. Воздух становился суше, и ветер дул сильнее, неся с собой песок и мелкие камни, которые больно били по лицу, оставляя едва заметные царапины. Растительность исчезла - только серая, мёртвая земля, покрытая слоем пыли, простиралась вокруг, и казалось, что они идут по дну высохшего океана.

Айрис заметила, что Кайл идёт увереннее, чем раньше. Он не колебался, не останавливался, чтобы осмотреться, не сверялся с картой. Он двигался с той особенной уверенностью человека, который знает дорогу - не по карте, а по памяти, по ощущению, по чему-то более

глубокому, чем просто знание маршрута. Он словно знал, куда идёт, и это настораживало её всё больше с каждым шагом.

Она ускорила шаг, обогнала Элиаса и поравнялась с Кайлом, идя с ним нога в ногу. Ветер трепал её волосы, и она смахнула их с лица, прежде чем заговорить.

- Ты знаешь дорогу к горам, не так ли? - спросила она, и голос её был ровным, но в нём звучала та стальная нотка, которая появлялась, когда она требовала правды. - Ты не смотришь на карту, не спрашиваешь направление. Ты просто идёшь. Как будто ты уже был здесь.

Кайл молчал. Его шаги не замедлились, и он смотрел прямо перед собой, на тёмные пики, которые вырастали на горизонте с каждым часом. Его лицо оставалось бесстрастным, как будто он не слышал её.

- Ты ведёшь нас туда, куда они хотят, - добавила она, и в её голосе появилась твёрдость, которая не терпела возражений. - Ты - их проводник. Ты привёл нас сюда не случайно.

Он повернул голову и посмотрел на неё. Его глаза были пустыми - в них не было ни страха, ни надежды, ни сомнения. Только тишина. Глубокая, холодная тишина, которая могла принадлежать человеку, который видел слишком много, чтобы удивляться чему-либо. Он смотрел на неё несколько секунд, затем медленно произнёс, и его голос был тихим, почти безжизненным:

- Ты не хотела бы знать правду? Настоящую правду. Не ту, которую ты ищешь, а ту, которую ты боишься найти.

Он отвернулся и продолжил идти, оставляя её стоять на месте с этими словами, которые проникли в её сознание, как холодная вода в трещины в камне. Айрис остановилась на мгновение, чувствуя, как его слова отдаются эхом в её голове, как они проникают под кожу, как они заставляют её сердце биться быстрее. Она не знала, что он имел в виду. Она не знала, какую правду он имел в виду. Но она знала, что он знает больше, чем говорит, и что он ведёт их туда, куда они должны прийти - туда, где ответы ждут их, готовые либо спасти, либо уничтожить.

Она догнала его через несколько секунд, ускорив шаг, и пошла рядом, не задавая больше вопросов. Она просто шла вперёд, чувствуя, как ветер дует в лицо, как земля уходит из-под ног, как каждый шаг приближает их к неизвестности. Элиас шёл сзади, и его присутствие было тёплым и надёжным, как стена за спиной. Она не знала, что ждёт их в конце этого пути. Но она знала, что они дойдут до конца. Вместе.

Нова шла по дороге на север, ведя за собой выживших. Её шаги были быстрыми и уверенными, но она постоянно оглядывалась назад, проверяя, не отстаёт ли кто-то из группы, не споткнулся ли, не остановился ли в изнеможении. Дорога была разбитой, покрытой трещинами и выбоинами, и каждый шаг требовал осторожности, чтобы не подвернуть ногу на неровном камне. Ветер дул в лицо, холодный и сухой, неся с собой песок, который скрипел на зубах и оседал на одежде тонким серым слоем.

Женщина с перевязанной ногой - её звали Марта, как она сказала, когда они выбирались из подвала, - шла с трудом, опираясь на плечо одного из бойцов. Её лицо было бледным, покрытым испариной, и каждый шаг давался ей с видимым усилием, но она держалась, стиснув зубы и не произнося ни слова жалобы. Трое детей шли следом, сжимая руки друг друга в цепочку, их маленькие пальцы побелели от напряжения. Они молчали - это было самое страшное. Дети не плакали, не капризничали, не просили остановиться. Они просто шли, их глаза были широко открыты и пусты, как будто они видели слишком много за последние дни, чтобы удивляться чему-либо.

Нова чувствовала, как время давит на неё, как каждый потерянный час, каждая лишняя минута приближает их к опасности. Она должна была доставить их к границе - к безопасной зоне, где они могли бы получить помощь, еду, кров и защиту. Она знала, что там, на севере, их ждут патрули Союза, готовые принять беженцев. Но дорога была долгой, а каждый шаг

требовал сил, которых у выживших почти не осталось. Они двигались со скоростью самого медленного - раненой женщины и маленьких детей, которые едва переставляли ноги.

Она уже собиралась ускорить шаг, подгоняя группу, когда заметила вдалеке что-то странное. Тонкая, едва заметная струйка дыма поднималась от земли на юге, почти сливаясь с серым небом, но всё же различимая для тренированного глаза. Нова остановилась, подняв руку, и вся группа замерла позади неё. Она прищурилась, стараясь разглядеть источник, чувствуя, как внутри неё поднимается холодная волна тревоги.

- Что случилось? - спросил один из бойцов, подходя к ней. Его голос был тихим, чтобы не пугать выживших, но в нём слышалось напряжение.

- Тихо, - сказала Нова, не оборачиваясь. - Дай мне бинокль.

Она достала свой бинокль - старый, потёртый, с потрескавшимся корпусом, но с идеально чистыми линзами, которые она берегла как зеницу ока. Она навела его на дым, настраивая фокус, пока изображение не стало чётким. Она увидела разрушенный город - тот самый, который они только что покинули, с его пустыми улицами, распахнутыми дверями и белыми номерами на косяках. Но теперь над ним поднимался дым - густой, чёрный, с багровыми отблесками в основании, как будто внутри что-то горело. Она не видела пламени, но чувствовала его присутствие - горячее, жадное, пожирающее.

Её сердце пропустило удар. Она поняла, что «Фронтир» мог быть уже там. Они могли идти по их следам, приближаясь с каждым часом, с каждой минутой. Они могли заметить их отряд, идущий на север, и теперь приближались, чтобы завершить то, что начали.

- Они идут за нами, - прошептала она, опуская бинокль.

Она повернулась к бойцам, и её лицо было бледным, но глаза горели той холодной решимостью, которая появляется у людей, когда выбора не остаётся.

- Увеличьте скорость, - сказала она, и голос её стал твёрже, чем она чувствовала себя. - Мы должны добраться до границы до наступления темноты. Они уже близко. Если мы не успеем, они догонят нас.

Бойцы кивнули, и их лица стали серьёзными. Они начали подгонять выживших, мягко, но настойчиво, помогая Марте идти быстрее, подхватывая самых маленьких детей на руки, чтобы они могли отдохнуть. Группа пошла быстрее, почти бегом, и их дыхание стало прерывистым, но никто не жаловался. Марта стиснула зубы, и на её лбу выступили капли пота, но она не остановилась. Дети начали плакать от усталости - тихо, почти беззвучно, но их вели вперёд, не давая остановиться, потому что остановка означала смерть.

Нова смотрела на дым, который становился всё гуще, всё чернее, и чувствовала, как страх сжимает её грудь, как он проникает в лёгкие, в кровь, в каждую клетку её тела. Она знала, что они должны успеть. Они должны добраться до границы, пока «Фронтир» не настиг их. Она не знала, сколько у них времени - час, два, может быть, меньше. Она знала только, что каждый шаг приближает их либо к спасению, либо к гибели.

Она сжала рукоятку пистолета так сильно, что костяшки побелели, и мысленно молилась - не богам, в которых не верила, а самой себе, своей выдержке, своей решимости. Она молилась, чтобы они успели. Чтобы их путь не оборвался здесь, на этой пустынной дороге, среди камней и пыли, в нескольких милях от границы, которая казалась такой близкой и такой недостижимой.

Она продолжала идти, ведя за собой выживших, и чувствовала, как каждый шаг приближает их к спасению - или к гибели. Ветер дул в лицо, и она слышала, как где-то позади, на юге, затихают звуки города, который горел. Она не оглядывалась. Она смотрела только вперёд, на север, где ждала граница, и шла, не останавливаясь. Потому что остановиться было нельзя.

Отряд Айрис достиг второго города на следующий день. Они шли быстро, почти бегом, чувствуя, как каждый час приближает их к цели. Но когда они поднялись на холм и увидели город внизу, Айрис замерла.

Город горел. Пламя поднималось высоко в небо, окрашивая его в багровый цвет. Дым закрывал солнце, делая день похожим на сумерки. Огонь пожирал дома, треск дерева смешивался со стоном металла, который разрывался от жара. В воздухе стоял запах гари и пепла.

Они побежали к городу, но остановились на безопасном расстоянии. Айрис смотрела на пламя и чувствовала, как внутри неё всё рушится. Она понимала - они опоздали. «Фронтир» был здесь всего несколько часов назад. Они прошли через город, оставляя за собой только огонь и разрушение.

Она упала на колени. Песок обжёг её ладони, но она не чувствовала боли. Она смотрела на горящий город и чувствовала только пустоту. Она не смогла спасти их. Она не смогла защитить их. Они ушли, оставив после себя только пепел.

Элиас подошёл к ней и опустился рядом. Он положил руку на её плечо, и она почувствовала его тепло через холод, который охватил её.

- Мы не могли знать, - сказал он тихо. - Мы сделали всё, что могли.

Она подняла голову и посмотрела на него. В её глазах были слёзы, которые она не могла сдержать.

- Я обещала им, что вернусь, - сказала она. - Я обещала, что они будут в безопасности.

Он ничего не сказал. Он просто сидел рядом с ней, позволяя ей плакать. Иногда молчание - лучшее, что можно предложить. Он не пытался утешить её словами, потому что знал, что сейчас они не помогут. Она должна была пережить это сама.

Они обходили город по периметру почти целый день, пока огонь не начал утихать. Пламя постепенно затухало, оставляя после себя чёрные, обугленные остовы зданий, которые торчали из земли, как скелеты гигантских животных, и густые столбы дыма, которые поднимались в серое небо, смешиваясь с облаками и создавая иллюзию вечных сумерек. Запах гари стоял в воздухе такой плотный, что он оседал на коже, на одежде, в лёгких, и казалось, что он пропитал всё вокруг - камни, воздух, даже тишину. Айрис смотрела на эти руины, на эти дымящиеся останки того, что когда-то было городом, и чувствовала, как внутри неё разрастается пустота - глубокая, холодная, бездонная пустота, которая заполняла каждую клетку её тела.

На следующий день, когда дым рассеялся достаточно, чтобы можно было дышать без кашля, они вошли в город. Пепел хрустел под ногами, оседая на обуви и одежде, оставляя серые следы на каждом шагу. Запах гари стоял в воздухе так сильно, что першило в горле, и каждый вдох был тяжёлым, словно вместо воздуха в лёгкие попадал мелкий песок. Тишина, которая повисла над руинами, была абсолютной и зловещей - её нарушали только звук их шагов, шуршание пепла под сапогами и редкое, тревожное потрескивание догорающих балок, которые ещё тлели среди обломков. Эта тишина была хуже любых криков. Она была тишиной смерти, которая наступила не сразу, а постепенно, поглощая всё живое.

Айрис шла по улицам, которые когда-то были полны жизни, - по мостовым, где когда-то звучали голоса, смех, шаги, звон колоколов, скрип телег. Теперь здесь были только обугленные остатки домов с провалившимися крышами, сломанные двери, которые висели на одной петле, разбросанные вещи - обгоревшие книги, оплавленные подсвечники, куски ткани, которые ветер носил по мостовой, как беспомощных призраков. Но самое страшное было в том, что она находила тела. Они лежали повсюду - на улицах, в дверных проёмах, в подвалах, под обломками. Некоторые были обуглены до неузнаваемости, превратившись в чёрные силуэты, которые теряли свои очертания при малейшем прикосновении. Но не все были обуглены. Некоторые тела выглядели так, как будто их убили до того, как начался пожар, - с аккуратными ранами, с неестественно вывернутыми конечностями, с застывшими выражениями боли и ужаса на лицах.

Она остановилась у одного из тел, которое лежало на перекрёстке двух улиц, лицом вниз. Оно было одето в форму, которая была ей знакома - плотная ткань, практичный покрой, удобные сапоги, которые не раз спасали её саму в долгих переходах. Его конечности были вывер-

нуты неестественно, как будто его сбросили с высоты, хотя вокруг не было ни одного здания, достаточно высокого для такого падения. Она опустилась на колени, не обращая внимания на то, как пепел и мелкие угольки впиваются в её кожу через ткань штанов, и перевернула тело. Грудь мужчины была обожжена, но сквозь ожоги и копоть проступал символ - три пересекающиеся линии, которые она уже видела в том городе, в том доме, на той стене. Символ Архитектора. Но когда она увидела его лицо, её сердце пропустило удар.

Это был мужчина в форме Союза. На его плече, сквозь копоть, угадывалась нашивка с символом Союза - он был одним из их разведчиков, из тех, кого отправляли на юг. Айрис узнала его. Она видела его в штабе, всего несколько недель назад, когда он стоял в коридоре с картами в руках, молодой и уверенный, с живыми глазами и твёрдым голосом. Его звали Томас. Он был одним из лучших. И теперь он лежал здесь, в этом мёртвом городе, его лицо было искажено выражением боли и страха - такого страха, который невозможно сыграть, который выжигает душу изнутри. Он был убит, но не во время боя. Его пытали. Следы пыток были видны на его запястьях, на шее, на лице - аккуратные, методичные, почти хирургические. Кто-то хотел узнать что-то, что он знал.

Айрис закрыла глаза и сделала глубокий вдох, чувствуя, как запах гари и пепла заполняет её лёгкие. Она пыталась успокоиться, но гнев поднимался внутри неё - горячий, всепоглощающий, как тот самый огонь, который уничтожил этот город. Она сжала челюсти так сильно, что зубы закрипели, и медленно, с усилием, опустила голову. Она сняла с его шеи жетон - маленький металлический диск с его именем и номером подразделения, - и сжала его в руке так крепко, что края жетона впились в её ладонь.

- Мы найдём их, - сказала она тихо, но в её голосе была сталь, которая не обещала пощады. - Мы найдём всех, кто это сделал. Мы найдём их и остановим. Это обещание.

Она поднялась на ноги, и её колени хрустнули. Она стояла над телом Томаса, над телом человека, которого знала, над телом союзника, которого убили так жестоко, и чувствовала, как её решимость становится твёрже, холоднее, непоколебимее. Она посмотрела на своих бойцов, которые стояли вокруг, молча, в тишине, ожидая её приказа, её решения, её следующего шага.

Элиас подошёл к ней и положил руку на её плечо - тёплое, тяжёлое прикосновение, которое должно было напомнить ей, что она не одна, что он рядом. Но она не обернулась. Она продолжала смотреть на тело разведчика, на его вывернутые конечности, на его лицо, и чувствовала, как внутри неё что-то закаляется, становится крепче, чем сталь.

- Мы знали, что это будет тяжело, - сказал он тихо, чтобы никто не слышал. - Но мы не могли знать, что это будет так. Ты в порядке?

- Я в порядке, - ответила она, и голос её был ровным, хотя внутри неё всё клокотало. - Я должна быть в порядке. Ради них. Ради всех, кого мы потеряли. Я не имею права быть не в порядке.

Она убрала жетон в нагрудный карман, рядом с фотографией матери и письмом, и застегнула его на пуговицу. Она подняла голову и посмотрела на юг, туда, где за горизонтом ждали горы, ждали шахты, ждали реакторы, ждали ответы, которые могли стоить им всего.

Айрис шла по улицам разрушенного города, чувствуя, как пепел оседает на её одежде и лице, как каждый вдох приносит с собой горечь гари и смерти. Она двигалась медленно, но целенаправленно, её глаза сканировали каждую стену, каждый обломок, каждую тень в поисках следов, которые могли бы объяснить происходящее. Ветер, который дул с юга, поднимал столбы серого пепла и нёс их по пустынным улицам, создавая иллюзию движения там, где жизнь давно угасла. Она чувствовала, как усталость давит на её плечи, как каждый шаг становится тяжелее предыдущего, но она не могла остановиться. Она должна была понять. Должна была найти ответы.

Остановившись у одного из уцелевших зданий - трёхэтажного дома с обвалившейся крышей и выбитыми окнами, но с сохранившейся стеной, - она заметила нечто, привлёкшее её

внимание. На стене, на высоте примерно двух метров, был вырезан символ «Фронтيرا». Но это был не просто грубо нарисованный знак на штукатурке, как в предыдущем городе, где цифры наносились наскоро, белой краской. Этот символ был вырезан в камне. Глубоко, аккуратно, с особой, почти ритуальной тщательностью. Каждая линия была чёткой, ровной, проходящей на одинаковую глубину, словно кто-то уделил этому много времени и внимания, словно это был не просто акт вандализма, а осмысленный, продуманный жест.

Айрис подошла ближе, и её сапоги зашкрипели по слою пепла и мелких осколков стекла. Она подняла руку и коснулась пальцами вырезанных линий. Камень был холодным, но это прикосновение словно передавало ей что-то важное - ощущение того, что кто-то стоял здесь, на этом самом месте, и намеренно, с нажимом, вырезал этот знак, зная, что его увидят. Она провела пальцами по краям углублений, чувствуя их шероховатость, и замерла, пытаясь понять, что этот знак значил. В её голове кружились обрывки мыслей, образы прошлых городов, лица мёртвых разведчиков, детский дневник, найденный в подвале.

Она отдернула руку и медленно развернулась к Элиасу, который стоял неподалёку, прислонившись плечом к обгоревшему дверному косяку, и наблюдал за ней. Его руки были скрещены на груди, лицо спокойно, но в глазах читалась настороженность. Её голос был тихим, но в нём звучала твёрдость, которая рождалась только в моменты настоящего озарения.

- Это не просто маркировка территории, - сказала она. - Это не просто способ обозначить, что они здесь были. Это послание.

Она указала рукой на стену, на этот идеально вырезанный символ, на его аккуратные, почти эстетичные линии.

- Они хотят, чтобы мы знали, кто это сделал. Они не прячутся. Они не маскируются. Они гордятся этим. Они оставляют свои следы не для того, чтобы мы нашли их, а чтобы мы знали, что они были здесь. Чтобы мы понимали, что они могут сделать это снова. И снова. И снова. Каждый раз, когда мы входим в разрушенный город, мы видим их знак. Это не случайность. Это система.

Элиас подошёл ближе и посмотрел на символ - холодный, стальной взгляд, который изучал каждую линию, каждое углубление. Он не сказал ни слова, но его лицо стало напряжённым, а челюсти сжались. Он тоже видел это - видел методичность, видел продуманность, видел тот холодный расчёт, который стоял за каждым знаком, оставленным на стенах мёртвых городов.

Айрис отступила от стены и обвела взглядом руины, которые окружали их. Чёрные остовы зданий, которые когда-то были домами, где жили люди, любили, растили детей. Пепел, который покрывал улицы, словно снег в сером, мёртвом мире. Дым, который всё ещё поднимался в небо, смешиваясь с облаками. Всё это было делом рук «Фронтيرا». Всё это было частью их плана, их системы, их террора.

- Это не тактика войны, - сказала она, и голос её стал тише, но каждое слово было наполнено уверенностью, которая не требовала подтверждений. - Это террор. Это не попытка захватить территорию или ресурсы. Они не хотят победить нас в бою. Они хотят сломать нас. Они хотят, чтобы мы боялись. Чтобы мы остановились. Чтобы мы повернули назад, когда увидим их знаки. Они хотят, чтобы мы перестали идти. Чтобы мы перестали искать правду. Потому что правда - это то, что они боятся больше всего.

Она повернулась к отряду - к тем, кто остался с ней. Четыре бойца, Элиас, Кайл, стоящий чуть поодаль, и она сама. Семеро против темноты, против машины, которую они ещё не до конца понимали. Она встретилась взглядом с каждым из своих бойцов - с их усталыми, но твёрдыми глазами, с их лицами, покрытыми пеплом и копотью, с их руками, сжимающими оружие. Они стояли молча, ожидая её слов, её приказа, её решения. Она подняла голову, расправила плечи, и голос её прозвучал громко и чётко, разносясь по пустым улицам:

- Мы не повернём назад. Мы не остановимся, потому что они оставили нам знак на стене. Мы пойдём дальше. Мы покажем им, что нас нельзя запугать. Мы покажем им, что мы не

боимся их символов, их угроз, их пепла. Мы найдём их. Мы остановим их. И мы вернём то, что они у нас забрали.

Бойцы смотрели на неё. Один за другим они кивали - коротко, по-военному, без лишних слов, но в их кивках была вся сила их веры в неё. Они не говорили ни слова, но их взгляды говорили громче любых обещаний. Они были готовы идти. Они были готовы умереть. Они были готовы сделать всё, чтобы остановить «Фронтир».

Элиас подошёл к ней, и его голос был низким, почти шёпотом:

- Ты знаешь, что мы идём в ловушку, да? Они хотят, чтобы мы шли туда. Они оставили эти знаки для нас. Чтобы мы пошли по следу. Чтобы мы нашли то, что они хотят нам показать.

Айрис посмотрела на него, и в её глазах не было страха. Только холодная, ясная решимость.

- Знаю, - сказала она. - Но если это ловушка, я хочу знать, кто её ставит. И я хочу знать, что они пытаются спрятать. Мы идём туда. Мы не останавливаемся. Это единственный способ узнать правду.

Ночь опустилась на пустошь, холодная и тёмная, как глубина колодца. Солнце исчезло за горизонтом быстро, почти мгновенно, словно кто-то задул свечу, оставив мир в полной, непроницаемой тьме. Звёзды, которые появились на небе, были холодными и далёкими, их свет едва достигал земли, теряясь в бескрайней черноте. Отряд разбил лагерь в небольшой пещере, найденной у подножия одного из холмов, - естественном углублении в скале, защищённом от ветра, но не от холода, который проникал внутрь, оседая на камнях и коже. Стены из грубого, неровного камня создавали иллюзию укрытия, но Айрис знала, что это всего лишь камень - холодный, безразличный, который не мог защитить их от того, что скрывалось в темноте за пределами их маленького огня.

Она сидела у костра, который они развели в центре пещеры, глядя на пламя. Огонь трещал и бросал тени на стены, создавая причудливые узоры, которые танцевали в такт его движениям, превращая камни в лица, животных, силуэты, которые появлялись и исчезали, как призраки. Она чувствовала себя уставшей - не только физически, после долгого перехода по разрушенным городам, но и эмоционально. Два разрушенных города, тела убитых, вырезанные символы, детские дневники, лица мёртвых разведчиков - всё это давило на неё, оседая тяжёлым грузом на плечах, сжимая грудную клетку, делая каждый вдох труднее предыдущего. Она смотрела на огонь и чувствовала, как тепло разливается по её лицу, но оно не могло согреть её изнутри.

Бойцы спали, свернувшись в одеялах, их лица были спокойными в свете угасающего огня, но их руки даже во сне сжимали оружие. Они привыкли спать вполглаза, готовые проснуться при первом же звуке. Элиас сидел у входа в пещеру, прислонившись спиной к холодной каменной стене, его глаза были полузакрыты, но Айрис знала, что он не спит - он всегда был настороже, его слух улавливал каждый шорох, каждое движение ветра, каждый звук, который мог означать опасность. Кайл сидел в углу, в самой дальней части пещеры, обхватив колени руками, и смотрел в одну точку на противоположной стене. Его глаза были пустыми, как у куклы, в них не было ни страха, ни надежды, ни жизни - только тишина, глубокая и непроницаемая.

Айрис подняла голову и посмотрела в темноту за пределами пещеры. Ночь была безлунной, и только звёзды мерцали в вышине, холодные и далёкие, как глаза, которые смотрели на неё с высоты тысячелетий. Ветер, который дул с пустоши, шелестел по камням, неся с собой песок и запах сухой травы, и каждый его порыв казался ей шёпотом, который она не могла разобрать. Она чувствовала, что кто-то следит за ними. Это было не просто ощущение - это было знание, которое проникало в её сознание, как холодная вода проникает в трещины в камне. Это было древнее, животное чувство, которое она научилась доверять за годы войны - чувство, которое говорило ей, что они не одни.

Она встала - медленно, бесшумно, стараясь не разбудить спящих - и подошла к краю пещеры. Она остановилась у входа, чувствуя, как холодный ночной воздух касается её лица, как он проникает под её куртку, заставляя её вздрагивать. Она вглядывалась в ночь, пытаясь разглядеть хоть что-то - хоть тень, хоть движение, хоть отблеск света. Но ничего - только тишина и холод. Только бескрайняя чернота, которая тянулась до самого горизонта, сливаясь с землёй и небом в единое целое. Ветер шелестел по камням, неся с собой песок и запах пустоты, и каждый его звук казался ей шагом, дыханием, голосом, который она не могла узнать.

Она вернулась к костру и села, чувствуя, как тепло огня касается её лица, как оно проникает под кожу, но не может согреть её изнутри. Элиас поднял на неё глаза - его взгляд был спокойным, но в нём читалась та же тревога, которую она чувствовала внутри себя.

- Что-то не так? - спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом.

Она покачала головой, но её пальцы сжались в кулаки.

- Нет, - сказала она. - Мне просто кажется.

Но она знала, что это не кажется. Она знала, что это правда. Она чувствовала на себе взгляд - не враждебный, не агрессивный, не изучающий. Скорее - знакомый. Как будто кто-то, кто знает её, кто знает её привычки, её движения, её мысли, наблюдает за ней из темноты.

И тогда она вспомнила. Вспомнила отчёты, которые читала в штабе много лет назад, когда её допустили к секретным архивам. Смерть её матери - Марии Холл. Женщины, чьё лицо она помнила лишь смутно, чей голос почти стёрся из памяти, но чьё имя она носила в сердце, как незаживающую рану. В отчётах было написано: «Смерть наступила в результате хирургического вмешательства - извлечение сердца. Исполнитель - Маркус Вос, отец погибшей».

Но тогда же, в соседней папке, она нашла другое дело. Дело о клоне, который убил настоящего Маркуса Воса и занял его место. Настоящий дед погиб за несколько лет до того, как якобы убил свою дочь. Это означало, что убийца её матери был самозванцем. Человеком, который носил лицо её деда, но не был им. Который вырезал сердце её матери и исчез, оставив после себя ложь, которая жила в отчётах пятнадцать лет.

И это означало, что всё, что она знала о смерти матери, могло быть ложью. Тело так и не нашли. Отчёты могли быть подделаны. Клон мог оставить следы, которые вели в никуда. И теперь, когда она смотрела в темноту, в эту бесконечную ночь, она не могла быть уверена - мертва ли её мать на самом деле. Или она где-то там, в темноте, наблюдает за ней. Или же это был кто-то, кто знал её мать, кто носил её символы, кто оставлял её знаки на стенах разрушенных городов.

Она смотрела в темноту, и её губы шевельнулись, произнося слова, которые были тише дыхания:

- Мария... Мама... Если это ты - дай мне знак. Если ты жива - я хочу знать правду. Я хочу знать, что случилось на самом деле.

Тишина была единственным ответом. Только ветер шуршал по камням, и пламя костра потрескивало, бросая тени на стены пещеры. Айрис сидела у огня и продолжала смотреть в темноту, чувствуя на себе чей-то взгляд. Она не знала, кто это был. Она не знала, что им нужно. Она знала только, что они не одни в этой ночи, и что наблюдатель, кто бы он ни был, либо был связан с её прошлым, либо был частью того самого обмана, который начался с убийства Маркуса Воса и закончился ложью о смерти Марии Холл.

Она сжала в кармане письмо, которое носила с собой, - то самое, с символом круга и точки, - и прошептала снова, уже не надеясь на ответ, но всё ещё веря, вопреки всему:

- Если это ты - я найду тебя. Где бы ты ни была. Я обещаю.

Ночь молчала. Но взгляд из темноты не исчезал.

Третий день их пути начался с серого, тяжелого рассвета, который не принёс ни тепла, ни надежды. Небо оставалось таким же мрачным, как и вчера, и ветер продолжал дуть с юга, неся с собой песок и холод. Пустошь постепенно менялась - земля становилась более каменистой,

а горизонт всё ближе пододвигали тёмные силуэты гор, которые вырастали перед ними, как стена, закрывающая мир. Отряд шёл молча, экономя силы, и только хруст гравия под сапогами нарушал тишину.

Айрис шла впереди, её глаза сканировали местность с той привычной настороженностью, которая стала её второй натурой. Она чувствовала, что они приближаются к чему-то важному - не просто к горам, а к чему-то, что было скрыто за ними. И когда она заметила вдалеке странные очертания, её сердце забилося быстрее.

Это был старый лагерь. Палатки, почти полностью разрушенные временем и ветром, торчали из земли, как скелеты животных. Их ткань, когда-то прочная, теперь висела лохмотьями, хлопая на ветру, и только металлические каркасы сохранили свою форму, ржавея под открытым небом. Лагерь был разбит в небольшом углублении между холмами, защищённом от ветра, но сейчас он выглядел заброшенным и мёртвым.

Айрис подняла руку, и отряд остановился. Она подождала, пока Элиас поравнялся с ней, и кивнула в сторону лагеря.

- Здесь кто-то был. И недавно, - сказала она.

Они подошли ближе. Палатки действительно были старыми - их конструкция напоминала военные лагеря времён Архитектора, с характерными металлическими дугами и плотной тканью, которая когда-то была серо-зелёной, а теперь выцвела до бледно-жёлтого. Но среди этих руин были признаки того, что здесь кто-то был совсем недавно. В центре лагеря - остывшее пепелище костра, ещё хранящее слабый запах дыма. Рядом - несколько пустых банок из-под консервов, аккуратно сложенных в кучу, как будто кто-то заботился о порядке. На земле - свежие следы, глубокие и чёткие, оставленные тяжёлыми ботинками.

Айрис опустилась на корточки и подняла одну из банок. Она была старой, с ржавыми краями, но маркировка на ней была отчётливой. Она провела пальцем по металлу, счищая грязь, и прочитала символы. Это была не маркировка «Фронттира». Другая. Старая. Военная маркировка Союза времён Архитектора - тот самый символ, который она видела на старых документах в архивах. Три пересекающиеся линии, но иначе расположенные, чем у «Фронттира». Оригинальные. Те самые, которые использовались до того, как Союз распался.

- Это не «Фронтир», - сказала она, поднимая банку и протягивая её Элиасу. - Это старый Союз. Времён Архитектора. Они были здесь.

Элиас взял банку, повертел её в руках, изучая маркировку. Его лицо стало напряжённым, и он опустил банку обратно на землю.

- Если они были здесь, значит, они знали об этом месте. Знали о горах. Может быть, это одна из их исследовательских баз.

Айрис кивнула и поднялась на ноги. Она оглядела лагерь, чувствуя, как внутри неё просыпается то самое чувство - ощущение, что они стоят на пороге чего-то важного. Она начала обходить территорию, заглядывая под обрывки ткани, проверяя углы, ища что-то, что могло бы указать им путь дальше. Элиас делал то же самое - его глаза сканировали землю, и он двигался методично, как охотник, который ищет след.

И вдруг Элиас остановился. Он стоял перед одной из палаток, которая была разрушена меньше других. Он опустился на колени и отодвинул кусок брезента, открывая то, что было скрыто под ним. Это был люк. Старый, металлический, покрытый ржавчиной, но явно недавно открытый - края люка были чистыми, без толстого слоя пыли. Рядом с ним лежал ржавый замок, сломанный, как будто его взломали.

- Айрис, - позвал он, и голос его был тихим, но в нём слышалось напряжение. - Иди сюда.

Айрис подошла к нему и опустилась на колени рядом. Она посмотрела на люк, и её сердце пропустило удар. Он был прямоугольным, около метра в ширину, с тяжёлой металлической ручкой, которая была поднята. Под ним зияла темнота - глубокая, непроницаемая, пахнувшая

сыростью, камнем и чем-то металлическим. Она заглянула внутрь и увидела лестницу, уходящую вниз - старую, металлическую, покрытую ржавчиной, но всё ещё крепкую.

- Это исследовательская база, - сказал Элиас, и его голос был ровным, но в нём чувствовалась та особая уверенность, которая появлялась у него, когда он сталкивался с тем, что знал. - Старая, очень старая. Времён Архитектора. Но здесь кто-то был недавно. Замок сломан свежим срезом, следы на лестнице свежие. Они спускались туда.

Айрис смотрела в темноту, и её пальцы сжали край люка. Она чувствовала, как холодный воздух поднимается изнутри, касаясь её лица, как он пахнет сыростью и временем. Она не знала, что найдёт внизу. Но она знала, что должна спуститься.

Она повернулась к отряду и встретила взглядом с каждым из них. Бойцы стояли молча, их лица были серьёзными, готовыми к чему угодно. Кайл стоял чуть поодаль, и в его пустых глазах на мгновение мелькнула тень - может быть, страха, может быть, узнавания. Айрис не стала ждать.

- Я спускаюсь первой, - сказала она. - Элиас - за мной. Остальные - прикрываете сверху, пока мы не проверим. Если через час нас не будет - уходите к горам. Не ждите.

Она не стала ждать возражений. Она повернулась к люку, поставила ногу на первую ступеньку, и лестница скрипнула под её весом. Она сделала глубокий вдох, чувствуя запах сырости и металла, и начала спускаться в темноту. За ней - шаги Элиаса, тяжёлые и уверенные. А затем - Кайл, который молча последовал за ними, оставляя остальных наверху, чтобы они охраняли вход.

Тьма поглотила их, и лестница уходила всё глубже, в самое сердце земли, где их ждали ответы - или новые вопросы, которые могли изменить всё.

Айрис спустилась вниз по лестнице, и каждая ступенька скрипела под её весом, отдаваясь эхом в узком пространстве. Лестница уходила глубоко под землю, и воздух становился всё более спёртым, холодным, насыщенным запахом пыли и старого металла. Когда она наконец ступила на твёрдую бетонную поверхность, она оказалась в большом помещении с высоким, сводчатым потолком, который терялся в темноте. Стены были выложены бетоном, серым и холодным, как и всё вокруг, покрытые трещинами и следами влаги, которые тянулись вниз тёмными полосами. Она сделала несколько шагов, и звук её сапог разнёсся по пустому залу, возвращаясь к ней многократным эхом.

Помещение когда-то было исследовательским лагерем - она поняла это по расположению столов, стеллажей и остатков оборудования, которое когда-то стояло вдоль стен. Но теперь здесь царил хаос. На полу валялись разбросанные бумаги, пожелтевшие и покрытые слоем пыли, пустые стеллажи, с которых кто-то снял всё содержимое, и разбитая техника - остатки мониторов, клавиатур, какие-то механизмы, которые уже нельзя было идентифицировать. Воздух был спёртым, тяжёлым, и каждый вдох приносил с собой вкус пыли и ржавчины. Где-то в глубине помещения капала вода, и этот мерный звук нарушал тишину, создавая ощущение, что база всё ещё жива, что она дышит.

Она прошла вглубь, переступая через обломки и бумаги, и её взгляд упал на стол, стоящий в центре комнаты. Он был массивным, металлическим, с потёртой поверхностью, и на нём лежала карта - та же самая, что она видела в Совете, но с дополнительными пометками, которые были нанесены красным карандашом и чернилами. Айрис подошла ближе и склонилась над ней, чувствуя, как её сердце начинает биться быстрее. Она провела пальцем по поверхности карты, и её палец оставлял след в слое пыли, который покрывал её.

Красным были отмечены не только разрушенные города - Вернон, Эштон, Мидвей, Кросс-роудс, Лейквуд и тот безымянный город, который они покинули. Но теперь на карте появились новые линии. Тонкие, красные, они пересекали южные территории, образуя сложную сеть, которая тянулась под землёй, соединяя города, горы и пустошь в единую систему.

Это были подземные маршруты, целая сеть тоннелей, которая была проложена под поверхностью, скрытая от глаз, но существующая уже много лет.

- Это не просто карта, - сказала она, и голос её был тихим, но в нём звучала та особая ясность, которая приходит в момент озарения. - Это план. Под землёй есть целая сеть тоннелей, соединяющих все южные территории. Они не просто уничтожают города - они используют их как точки входа. Как узлы, через которые можно проникнуть в эту сеть.

Она провела пальцем по одной из линий, которая вела к горам на востоке, туда, где заканчивались все дороги и начиналась пустота. Линия была толще других, более аккуратной, и в конце её было слово, написанное аккуратным, каллиграфическим почерком, который отличался от остальных пометок: «Сердце».

Она подняла глаза и посмотрела на Элиаса, который стоял рядом, склонившись над картой. Его лицо было сосредоточенным, и он тоже увидел это слово. Он перечитал его несколько раз, и его брови нахмурились.

- «Сердце», - сказал он, и голос его был низким, как гром вдалеке. - То самое, о котором говорили выжившие. Они говорили о «переселении в новый мир», о «центре», о том, что их ведут куда-то. Может быть, это и есть то место. То, где находится всё, что они ищут. То, ради чего они уничтожают города.

Айрис покачала головой, но в её глазах зажглась искра, которая появлялась только тогда, когда она чувствовала, что приближается к правде.

- Не знаю, - сказала она. - Но мы найдём это. Мы найдём «Сердце» и узнаем, что они там спрятали.

Она аккуратно свернула карту - её руки двигались медленно и бережно, как будто она касалась чего-то хрупкого и бесценного, - и спрятала её во внутренний карман рюкзака, рядом с письмом матери и фотографией. Затем она подняла голову и оглядела комнату, чувствуя, что здесь есть ещё что-то, что они должны найти.

Они начали исследовать помещение. Элиас подошёл к одному из стеллажей, который сохранился лучше других, и начал просматривать бумаги, оставшиеся на полках. Это были старые отчёты, технические записи, какие-то схемы, которые он не мог сразу расшифровать. Он аккуратно перебирал их, складывая в стопку то, что казалось важным.

Айрис подошла к другому столу, стоящему в углу, и взяла в руки потрёпанную папку с обтрепавшимися краями. Внутри были отчёты, датированные несколькими месяцами назад - не годами, а именно месяцами. Это было свежим. Она пробежала глазами по строкам, и её дыхание перехватило. Она почувствовала, как холод пробегает по её спине, как волосы на руках встают дыбом.

- Элиас, - позвала она, и голос её был напряжённым. - Посмотри на это.

Он подошёл к ней, и она передала ему папку. Он взял её и начал читать. Его лицо стало серьёзным, а челюсти сжались так сильно, что на скулах выступили желваки. Он читал быстро, но внимательно, пропуская каждое слово через фильтр своего опыта.

- Это их планы, - сказал он, и голос его был глухим. - Это не просто карта и не просто отчёты. Это - руководство. Кто-то спланировал всё это задолго до того, как «Фронтир» появился на юге. Они знали, куда идут, знали, что будут делать. Они не просто уничтожают города. Они строят что-то новое. Новый мир, новый порядок. Они собираются перестроить всё - от самого основания.

Айрис кивнула, и в её взгляде появилась та холодная решимость, которая была сильнее страха. Она смотрела на записи, на эти аккуратные строки, на эти планы, и чувствовала, что ответы лежат где-то рядом, в самом конце этой подземной сети, в том месте, которое обозначено как «Сердце». Оно ждало их. И они должны были найти его, прежде чем «Фронтир» завершит то, что начал.

Айрис продолжала осматривать помещение, перебирая бумаги и предметы, разбросанные по полу. В углу комнаты, под грудой пыльных листов, она заметила что-то, что выделялось среди остального хлама. Она подошла ближе и подняла небольшую записную книжку в кожаном переплёте. Обложка была потёртой, уголки пожелтели от времени.

Она открыла её. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком, некоторые строчки были вырваны, оставляя после себя рваные края. Она начала читать вслух, чтобы Элиас тоже мог слышать:

- «День 47. Мы вошли в третий город. Люди кричали, но мы не останавливались. Я видел, как они забирали детей. Я не мог смотреть. Я отвернулся. Арбитр сказал, что это необходимо для нового мира. Я хочу верить, но я не могу».

Она перевернула страницу и продолжила:

- «День 82. Я больше не солдат. Я - машина. Я делаю то, что мне говорят. Если я останусь, я умру. Но я хочу остановиться. Я хочу вернуться домой. Но у меня больше нет дома».

Айрис закрыла дневник. Она чувствовала, как ком подступает к горлу, и ей пришлось сделать глубокий вдох, чтобы сдержать слёзы. Она смотрела на обложку дневника, и мысли одна за другой проносились в её голове.

Она повернулась к Элиасу и сказала тихо, но твёрдо:

- Они тоже люди. Они тоже сомневаются. Они не враги - они жертвы.

Элиас стоял рядом и молчал. Он не пытался возразить или утешить её. Он просто стоял и смотрел на неё, зная, что она права. Он видел это и сам - страх и боль на лицах солдат «Фронтيرا», которых они встречали.

Айрис сжала дневник в руках и спрятала его в рюкзак. Она знала, что это свидетельство важно. Это было напоминание о том, что за каждым врагом стоит человек. И это давало ей надежду.

Элиас подошел к столу, на котором были разложены карты, планы и схемы. Он перебирал их один за другим, изучая каждую деталь. Его глаза быстро скользили по линиям, отметкам и надписям, и он время от времени останавливался, чтобы всмотреться в особенно важные участки.

Он нашёл план наступления «Фронтiera» на север - детальный, поэтапный. Он был разбит по дням, с указанием маршрутов, времени и целей. Атака должна была начаться через три недели, с трёх фронтов одновременно. Элиас изучил его и нахмурился.

Он подозвал Айрис:

- Посмотри на это.

Она подошла к столу и посмотрела на карту, которую он держал в руках. Она увидела план наступления, но её внимание привлекло нечто другое. Все линии войск на карте сходились не к столице, а к горам на востоке.

- Они не хотят захватывать Союз, - сказал Элиас. - Они хотят защитить что-то в горах. Это их центр. Это их сердце.

Он указал на зону, обведённую красным, с надписью: «Запретная зона». Рядом с ней был значок ядерной опасности. Он поднял глаза и посмотрел на Айрис.

- Если они защищают это, - сказал он, - значит, это самое важное. Это то, ради чего они убивают. Мы должны попасть туда.

Айрис смотрела на карту. Она понимала, что это не просто тактика войны. Это была стратегия, направленная на защиту чего-то, что скрывалось в горах. «Сердце» «Фронтiera». То, ради чего они уничтожали города и забирали людей.

Она подняла глаза на Элиаса:

- Если мы уничтожим это, мы уничтожим их. Навсегда.

Она сжала карту в руках, чувствуя, как решимость наполняет её. Их цель стала ясной - они должны были найти «Сердце» и уничтожить его. Это был единственный способ остановить «Фронтир».

Они прошли дальше в лагерь, минуя пустые палатки, чьи обрывки ткани хлопали на ветру, и разбитое оборудование, которое ржавело под открытым небом, как скелеты забытых машин. Айрис шла медленно, её глаза сканировали каждый угол, каждую тень, каждую деталь, которая могла бы быть важной. Она чувствовала, что они приближаются к чему-то, что было скрыто от посторонних глаз, к чему-то, что было оставлено специально для неё.

В стороне от остальных, почти скрытый за обломками рухнувшей палатки и грудой металлических ящиков, стоял шатёр, обтянутый чёрной тканью. Он выглядел чуждо среди руин - аккуратный, целый, его ткань была натянута идеально ровно, без единой складки, без единого разрыва, будто его поставили здесь специально, чтобы он выделялся на фоне разрушения. Его тёмная поверхность поглощала свет, создавая контраст с серым пеплом и ржавчиной, и он казался живым, дышащим, как чёрное сердце, бьющееся в груди мёртвого лагеря.

Айрис подошла ближе, и её шаги замедлились. Она протянула руку и коснулась ткани кончиками пальцев. Она была тонкой, дорогой, гладкой под пальцами - не похожей на грубую парусину, из которой были сделаны остальные палатки. Это была ткань высокого качества, которую использовали только те, кто мог позволить себе роскошь даже в пустоши. И она знала, чей это шатёр. Она узнала этот стиль, эту эстетику, этот запах - тонкий, едва уловимый аромат дорогих масел и старой бумаги, который исходил изнутри. Он принадлежал Арбитру.

Она откинула полог и вошла внутрь. Внутри было роскошно обставленное пространство, которое казалось невозможным посреди пустоши. Ковры покрывали пол - тёмные, с геометрическими узорами, мягкие и тёплые, приглушающие звуки шагов, создавая ощущение, что она ступает по чему-то живому. В центре стоял стол из тёмного дерева - массивный, с резными ножками и гладкой, отполированной до блеска поверхностью. Вокруг него - стулья с высокими резными спинками, обтянутые бархатом. У стены высилась небольшая библиотека, заполненная книгами в кожаных переплётах с золотым тиснением, аккуратно расставленными по полкам, как солдаты в строю. На столе стояла чашка с остатками чая - ещё тёплого, парящего, и рядом с ней - серебряная ложка, которую кто-то оставил, не убрав.

Айрис подошла к столу и провела пальцем по его поверхности. Дерево было тёплым, гладким, и она чувствовала, что он был здесь. Арбитр сидел на этом стуле, пил чай из этой чашки, читал эти книги, обдумывал свои планы. Она почти видела его - высокую, стройную фигуру в чёрном плаще, склонившуюся над бумагами, с лицом, скрытым тенью капюшона, с руками, которые держали перо и оставляли на бумаге аккуратные, каллиграфические строки.

Её взгляд упал на конверт, лежащий на столе, прямо в центре, как будто его оставили специально, чтобы она его заметила. Он был белым, чистым, без единого пятна, и на нём было написано её имя - аккуратным, ровным почерком, который она узнала бы среди тысяч. Тот же почерк, что был на записке, которую она нашла в своём ящике несколько месяцев назад. Тот же почерк, что был на письме, которое она носила в нагрудном кармане. Почерк её матери.

Она взяла конверт в руки, и её пальцы слегка дрожали. Бумага была гладкой, дорогой, с едва заметным водяным знаком - символом круга с точкой в центре. Она открыла его медленно, чувствуя, как её сердце колотится в груди, как дыхание становится поверхностным. Она достала письмо - один лист бумаги, сложенный вдвое, - и начала читать, и каждое слово врезалось в её сознание, как клеймо:

- «Ты идёшь по моим следам, дочь. Я знала, что ты придёшь. Я оставляла эти знаки для тебя - на стенах разрушенных городов, в подвалах пустых домов, на картах, которые ты нашла. Но ты не знаешь, куда они ведут. Ты не знаешь, что ждёт тебя в конце этого пути. Возвращайся. Не иди дальше. Есть вещи, которые ты не должна узнать. Есть тайны, которые разрушат тебя, если ты коснёшься их. Я не хочу терять тебя снова».

Айрис сжала бумагу в руке так сильно, что её пальцы побелели, а края письма впились в ладонь. Её сердце билось быстрее, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна эмоций - надежда, гнев, боль, любовь, всё смешалось в единый тугой ком. Она узнала этот почерк - он принадлежал её матери, Марии Холл. Она узнала её слова, её манеру писать, её способ выражать мысли. Но когда она посмотрела на бумагу и чернила, она поняла - оно было написано недавно. Чернила ещё не успели выцвести, бумага оставалась белой и свежей, без налёта времени. Её мать была жива. Она была где-то рядом. И она хотела, чтобы Айрис остановилась.

Она подняла глаза и посмотрела на Элиаса, который стоял у входа в шатёр, прислонившись плечом к стойке. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась тревога - он видел, как она побледнела, как её руки дрожат. Он не сказал ни слова, но его взгляд был вопросом, на который она должна была ответить.

- Она жива, - сказала Айрис, и голос её был тихим, почти шёпотом, но в нём слышалась та особая сталь, которая появлялась только в моменты, когда она находила правду. - Моя мать жива. Это её почерк, её слова, её чашка на столе. Она была здесь. Недавно.

Она замолчала, и в её голове пронеслась старая история - та, которую она узнала из секретных отчётов. Её дед, Маркус Вос, был убит клоном, который занял его место. И этот самозванец, носивший лицо её деда, вырезал сердце её матери. В отчётах было написано, что Маркус Вос убил свою дочь. Но это была ложь. Настоящий Маркус Вос был мёртв. Убийцей был тот, кто украл его лицо. И теперь, когда Айрис смотрела на письмо, она не знала, что было правдой, а что - ложью. Может быть, мать выжила и сбежала от клона. Может быть, она знала правду о том, кто убил её отца. И теперь она оставляла эти знаки, чтобы Айрис нашла её, чтобы она узнала правду.

- Она знала, - продолжала Айрис, и её голос стал твёрже. - Она знала, что Маркуса Воса убил клон. Она знала, что он занял его место. И она знала, что он хотел убить её. Может быть, она выжила. Может быть, она сбежала. И теперь она оставляет эти знаки для меня, чтобы я пошла по её следу.

Она спрятала письмо в нагрудный карман, рядом с фотографией и старым письмом, и вышла из шатра. Её шаги были твёрдыми, но в груди бушевало целое море. Она стояла на пустоши, глядя на горы, которые вырисовывались на горизонте, и чувствовала, что всё, что она знала, всё, во что она верила, всё, что она считала правдой, теперь стояло под вопросом. Её мать была жива. Она была здесь. И она вела её к чему-то - к чему-то, что, возможно, было важнее, чем война, важнее, чем Союз, важнее, чем всё, что она знала.

Элиас подошёл к ней и встал рядом, не задавая вопросов. Он просто стоял, давая ей время, давая ей пространство, чтобы переварить то, что она узнала.

- Что мы делаем? - спросил он наконец, и голос его был тихим, но в нём звучала готовность идти за ней куда угодно.

Айрис смотрела на горы, и в её груди зарождалась новая решимость - более холодная, более твёрдая, чем та, что вела её до этого момента.

Она оставляла для меня эти знаки все эти годы. Она хотела, чтобы я нашла её. И я найду. Я узнаю правду о том, что случилось с Маркусом Восом. Я узнаю, кто носит его лицо сейчас. И я узнаю, почему она ушла и что такое «Сердце». Я не остановлюсь, пока не узнаю всё.

Она продолжала осматривать шатёр, её глаза скользили по предметам, оставленным здесь тем, кто занимал это место. Каждая деталь - от резных ножек стола до серебряной ложки в чашке с остывшим чаем - казалась частью головоломки, которую она должна была собрать. Она чувствовала, что здесь, в этом пространстве, оставлены ключи к разгадке, что кто-то намеренно оставил улики, зная, что она придёт.

Её взгляд упал на небольшую библиотеку, стоявшую у стены. Она была аккуратно организована - книги стояли ровными рядами, от самых высоких до самых низких, разделённые по темам, как в личной коллекции учёного или коллекционера. Кожаные переплёты, потёртые

корешки, золотое тиснение, которое тускло мерцало в свете масляных ламп, стоящих на столе. Айрис подошла к полкам и провела пальцами по корешкам, чувствуя под пальцами гладкую кожу и шероховатую ткань, ощущая текстуру времени, которое хранили эти книги. Здесь были трактаты по истории, философии, военному делу, но также и технические руководства, картографические атласы, отчёты об исследованиях.

Она заметила одну книгу, которая выделялась среди остальных. Она стояла на отдельной полке, чуть выше остальных, как будто ей отводилось особое место. Она была переплетена в чёрный бархат, мягкий и тёплый на ощупь, с золотым тиснением, которое почти стёрлось от времени, но всё ещё угадывалось на обложке - сложный геометрический узор, напоминающий схему, сеть линий, которые сходились в центре. Айрис взяла её в руки, чувствуя, как книга приятно тяжелеет в ладонях, как её бархатная обложка скользит под пальцами. Она была старой, но за ней явно ухаживали - никаких следов пыли, никаких потёртостей на углах, только аккуратные, чёткие линии переплёта.

Она открыла книгу, и её сердце пропустило удар. Это был не роман, не сборник стихов, не исторический трактат. Это был альбом с чертежами - большими, детальными, выполненными с той архитектурной точностью, которая принадлежала людям, строившим миры. Она развернула первый лист, и перед ней предстало изображение огромной конструкции, уходящей глубоко под землю. Это был реактор, но не обычный, не тот, который она видела в старых отчётах. Гигантский, с ответвлениями, которые расходились во все стороны, как корни гигантского дерева, пронизывающие землю на многие километры. Каждая ветвь заканчивалась узлом - станцией, городом, точкой подключения. Вся конструкция напоминала живой организм, пульсирующий под поверхностью мира. Под картинкой была подпись, выведенная аккуратным, каллиграфическим почерком: «Сердце - проект № 1. Архитектор. Год постройки: неизвестен».

Айрис перевернула страницу, и её дыхание перехватило. На следующем листе были изображены схемы «Протокола 7». Но это была не та версия, которую она знала, не та, которую они изучали в штабе, пытаясь понять, как он работает. Это была более полная, более детальная версия, с анатомическими обозначениями, с пояснениями, которые она не могла прочитать до конца, потому что слова были написаны на древнем диалекте Архитектора. Но она поняла главное: схемы показывали, как «Протокол 7» был связан с «Сердцем». Он был не просто оружием. Он был инструментом для его активации. Рычагом, ключом, который запускал механизм уничтожения. Если «Сердце» было сердцем системы, то «Протокол 7» был ударом, который останавливал его - или заставлял биться быстрее, в зависимости от того, кто им управлял.

Айрис почувствовала, как холод пробегает по её спине, как мурашки покрывают её руки, как внутри неё разрастается тот особый, ледяной страх, который она знала так хорошо - страх перед тем, что она не может контролировать, перед тем, что было создано задолго до неё и продолжает существовать, несмотря на все её усилия. Она закрыла альбом, и её пальцы сжали бархатный переплёт так сильно, что костяшки побелели. Она подняла глаза на Элиаса, который стоял рядом и ждал, и её голос был тихим, но в нём звучала та особая сталь, которая появлялась только в моменты, когда она осознавала масштаб угрозы:

- Если «Сердце» будет активировано, - сказала она, и её голос был ровным, но каждое слово падало, как камень, - «Протокол 7» станет глобальным. Всё, что мы знаем, весь мир, каким мы его знаем, будет переписан. Все, кто не прошёл «очистку» - а это значит, что все, кто не соответствует стандартам Архитектора, - будут уничтожены. Это не просто оружие. Это не просто угроза. Это конец. Конец всего, что мы построили. Конец всего, что мы знаем.

Элиас подошёл к ней и взял альбом из её рук - бережно, почти с благоговением, как будто он касался чего-то святого. Он пролистал несколько страниц, и его лицо стало напряжённым, а челюсти сжались так сильно, что на скулах выступили желваки. Он видел то же, что и она.

Он понимал, что это значит. Он закрыл альбом и поднял на неё глаза, и в его взгляде была та же смесь ужаса и решимости, которую она чувствовала внутри себя.

- Если это правда, - сказал он, и голос его был низким, как гром вдалеке, - то мы не можем позволить им активировать его. Мы должны найти «Сердце» первыми. Мы должны уничтожить его, или заблокировать, или сделать что-то, что остановит этот механизм. Потому что если они запустят его - мы не сможем остановить это. Никто не сможет.

Айрис кивнула, и в этом кивке была вся тяжесть того, что она узнала. Она подняла руки и взяла альбом обратно, прижимая его к груди, чувствуя, как бархатный переплёт касается её кожи через ткань куртки. Она смотрела на полки с книгами, на стол с остывшим чаем, на шатёр, который принадлежал её матери, и чувствовала, что правда, которую она искала, была прямо перед ней - но она была опаснее, чем она могла себе представить.

Она перебирала бумаги, отчёты, планы, пока её внимание не привлекла папка с пометкой «Геологоразведка». Она открыла её и начала изучать содержимое.

Это были отчёты о поиске старых реакторов, оставленных Архитектором. «Фронтир» искал их по всей территории, систематически проверяя каждый город, каждую подземную структуру. Они не просто захватывали города - они проверяли их на наличие подземных сооружений, оставленных Архитектором.

Она нашла список найденных реакторов. Двенадцать. Все были активированы. Она провела пальцем по строкам, чувствуя, как холод пробегает по спине.

- Они не ищут новое, - сказала она тихо, больше себе, чем Элиасу. - Они используют то, что уже есть. Они используют наследие Архитектора.

Она подняла глаза. Гнев начинал закипать в ней. Архитектор оставил мир, который можно было использовать как оружие. Он создал систему, которая ждала своего часа, чтобы быть активированной. И она, как его наследница, чувствовала ответственность за это.

Она не хотела продолжать его дело. Она хотела завершить его.

Она собрала все записи и спрятала их в рюкзак. Её движения были быстрыми и точными. Она знала, что у них есть информация, которая может изменить всё.

Она повернулась к Элиасу и сказала:

- У нас есть информация. Теперь нам нужно найти «Сердце» и остановить его, прежде чем они успеют. У нас есть шанс.

Элиас смотрел на неё и видел в её глазах ту же решимость, что и в свой. Он кивнул.

Они собрались в центре старого лагеря, среди руин палаток и разбитого оборудования, которое ржавело под открытым небом. Вокруг них всё ещё стояли пустые палатки, чьи обрывки ткани хлопали на ветру, и разбросанные вещи - пустые ящики, банки из-под консервов, обрывки бумаги, которые ветер гонял по земле, как беспомощных призраков. Но отряд уже не обращал на это внимания. Они стояли полукругом, глядя на Айрис, их лица были серьёзными и сосредоточенными, но в их глазах не было страха. Только ожидание - спокойное, твёрдое, как у людей, которые готовы идти за ней куда угодно.

Айрис стояла перед ними. Ветер развеивал её волосы, и она чувствовала, как холодный воздух пустоши касается её кожи, проникает под куртку, заставляя её вздрагивать, но она не обращала на это внимания. Она стояла прямо, её плечи были расправлены, и она смотрела на каждого из них по очереди - на Элиаса, чьё лицо было спокойным, как поверхность застывшего озера, но в глазах горел тот же холодный огонь, что и у неё; на Кайла, который стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди, и в его пустых глазах на мгновение мелькнула тень - может быть, страха, может быть, узнавания; на оставшихся бойцов - тех, кто прошёл с ней через два разрушенных города, кто видел пепел, который оставил после себя «Фронтир», кто держал в руках тела павших товарищей и продолжал идти.

- Мы знаем, куда идём, - сказала она, и голос её был твёрдым, хотя внутри неё бушевала буря эмоций. - Мы знаем, что нас ждёт впереди. Мы знаем, что это будет тяжело - тяжелее, чем всё, что мы пережили до этого момента. Мы знаем, что многие из нас могут не вернуться.

Она сделала паузу, чувствуя, как слова рождаются внутри неё, как они поднимаются из глубины, где были спрятаны её страхи и надежды.

- Но мы не можем позволить «Фронтиру» победить. Мы не можем позволить им завершить то, что они начали. Они забрали наших людей, они сожгли наши города, они уничтожили наши семьи, они вырезали символы на стенах, чтобы мы знали, что они здесь были. Они хотят, чтобы мы боялись. Они хотят, чтобы мы остановились. Но мы не остановимся. Мы не дадим им забрать наш мир.

Она перевела дыхание и продолжила, и голос её стал тише, но в нём звучала та особая сталь, которая появлялась только в моменты, когда она говорила от всего сердца:

- Мы идём к горам. Мы идём к «Сердцу». Мы идём к тому месту, где всё началось и где всё должно закончиться. Мы идём за правдой, которую они пытаются скрыть. И мы идём за теми, кого они забрали. Мы не остановимся, пока не найдём их. Мы не остановимся, пока не остановим это.

Бойцы молчали. Но в их глазах она видела решимость - твёрдую, непоколебимую, которая рождалась из боли и потерь, которая закалялась в огне каждого разрушенного города и каждого потерянного друга. Они не говорили ни слова, но их взгляды говорили громче любых обещаний. Они были готовы идти за ней. Они были готовы умереть за то, что они защищали.

Элиас подошёл к ней и встал рядом, и его голос был низким, но тёплым:

- Мы с тобой, Айрис. До конца.

Кайл, который стоял чуть поодаль, медленно кивнул - едва заметное движение, но она заметила его. В его глазах, пустых и безжизненных, на мгновение мелькнула искра - может быть, надежды, может быть, страха, может быть, чего-то ещё, что он не мог выразить словами.

Айрис повернулась и пошла вперёд. Она знала, что каждый шаг приближает её к «Сердцу». Каждый шаг приближает её к матери. Каждый шаг приближает её к правде, которую она искала так долго, которую она боялась найти, но которая была единственным, что могло спасти их всех.

Она не знала, что она найдёт там. Она не знала, увидит ли она лицо своей матери, или только её следы, оставленные на стенах разрушенных городов. Она не знала, сможет ли она остановить «Протокол 7» или «Сердце» будет активировано, и они все погибнут. Она не знала, вернётся ли она из этих гор живой. Но она знала, что должна это увидеть. Должна остановить это. Даже если ей придётся пожертвовать всем - своей жизнью, своей надеждой, своим будущим.

Отряд двинулся за ней. Их шаги звучали в тишине пустоши, оставляя следы на песке, которые ветер постепенно стирал, как будто их никогда и не было. Они шли вперёд, оставляя позади лагерь и его тайны - письмо матери, альбом с чертежами, чашку с остывшим чаем, которая так и осталась стоять на столе. Они шли к горам, которые вырисовывались на горизонте, тёмные и зловещие, как стражи, охраняющие вход в другой мир. Впереди их ждало «Сердце». И они были готовы идти до конца - через пустошь, через горы, через тьму, которая ждала их под землёй.

Айрис шла впереди, и её шаги были твёрдыми и уверенными. Она смотрела на горы и чувствовала, как внутри неё зарождается новый огонь - холодный, ясный, нестигаемый. Это была та решимость, которая не оставляет места для страха. И она знала, что они дойдут до конца. Вместе. До самого «Сердца».

Они шли по следам «Фронтира» ещё целый день. Пустошь, с её бесконечной серой монотонностью и колючим ветром, постепенно сменялась каменистой местностью, где земля становилась твёрже, а воздух - суше и холоднее. Вскоре перед ними выросли горы - тёмные, суро-

вые, с острыми вершинами, которые упирались в серое, свинцовое небо, как зубы гигантского чудовища, готового проглотить всё, что осмелится приблизиться. Айрис вела отряд по узкой тропе, которая вилась между скалами, и чувствовала, как воздух становится холоднее с каждым шагом, как ветер становится резче, пронизывая одежду и заставляя дрожать даже самых закалённых бойцов. Камни хрустели под ногами, и эхо их шагов разносилось по ущельям, смешиваясь с завываниями ветра.

На следующий день, когда солнце уже начало клониться к закату, они нашли старую военную базу. Она располагалась у подножия гор, в небольшом ущелье, защищённом от ветра и глаз. База была частично разрушена временем и войнами - некоторые здания превратились в груды обломков, другие стояли с провалившимися крышами и выбитыми окнами, но несколько сооружений всё ещё сохранились, их бетонные стены были покрыты трещинами, но выглядели прочными. Забор из колючей проволоки, местами проржавевший и порванный, окружал периметр, а на углах стояли вышки с прожекторами, которые были выключены, но выглядели готовыми к работе, как будто их обслуживали совсем недавно. Внутри базы царила тишина, нарушаемая только редкими шагами патрулей, которые ходили по периметру, и далёким гулом генераторов, доносившимся из глубины.

Айрис остановилась за большим валуном, который нависал над тропой, и жестом приказала отряду рассредоточиться. Она опустила на колени и поднесла бинокль к глазам, настраивая фокус. Она видела патрули - небольшие группы по два-три человека, которые медленно двигались вдоль забора, их шаги были ленивыми, почти сонными. Они были вооружены - автоматы висели на ремнях, у некоторых на поясах висели ножи и гранаты, - но выглядели расслабленными, как будто не ожидали угрозы. Они не пригибались, не оглядывались по сторонам, не проверяли углы. Их уверенность была спокойной, почти высокомерной.

Айрис опустила бинокль и повернулась к Элиасу, который лежал рядом, вжимаясь в камни. Его лицо было спокойным, но в глазах горела та же настороженность, что и у неё.

- Здесь должен быть реактор, - сказала она тихо, почти шёпотом, чтобы её голос не разносился по ущелью. - Согласно тому, что мы нашли в альбоме и на картах, база была построена Архитектором для исследований. Это не просто военный пост. Это вход. Вход к тому, что находится под горами.

Элиас кивнул, не отрывая взгляда от базы. Он достал карту, которую они нашли в лагере Арбитра, и развернул её на земле, прижимая края камнями, чтобы ветер не унёс её. Он провёл пальцем по линиям, отмечая место, где они находились, и сравнивая с тем, что видел перед собой.

- По данным, - сказал он, и его голос был низким, - база была построена в эпоху Архитектора, но потом её переоборудовали. Судя по схемам, под ней находится огромный комплекс - целая сеть тоннелей, лабораторий, хранилищ. Если «Сердце» где-то, то оно здесь. Внизу. Под этими горами.

Айрис убрала бинокль в рюкзак и посмотрела на базу, которая постепенно погружалась в сумерки. Тени становились длиннее, и свет заходящего солнца окрашивал бетонные стены в багровые тона. Она чувствовала, как адреналин начинает кипеть в её крови, как её сердце бьётся быстрее, как внутри неё растёт то самое холодное, ясное чувство, которое появлялось перед каждым важным шагом. Они были близко. Очень близко.

- Мы войдём ночью, - сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. - Мы должны узнать, что внутри. Мы должны найти «Сердце» и понять, как его остановить. Мы не можем позволить «Фронтиру» активировать его.

Она легла на землю, прижавшись к камням, и начала наблюдать за патрулями. Она запомнила их маршруты, время, которое они тратили на обход периметра, их привычки и слабые места. Она отмечала, когда они останавливались, чтобы перекурить, когда проходили мимо вышки, где можно было укрыться в тени. Она чувствовала, как напряжение нарастает с каж-

дой минутой, как тишина становится плотнее, как каждый звук - далёкий крик птицы, шелест ветра, шорох камней под ногами - усиливает её концентрацию.

Время шло. Солнце садилось, и тени становились всё длиннее. Ветер стих, и воздух стал холоднее, как будто сама ночь затаила дыхание в ожидании того, что должно было произойти.

Айрис лежала на камнях, глядя на базу, и чувствовала, как внутри неё разрастается холодная, ясная решимость. Они наблюдали за базой несколько часов. Айрис лежала на земле, прижавшись к холодным камням, и не сводила глаз с периметра. Ветер, который дул с гор, был ледяным и пронизывающим до костей, но она не обращала на него внимания. Каждое её чувство было обострено до предела - она слышала, как ветер шелестит по сухой траве, как где-то вдалеке перекликаются птицы, как дыхание её бойцов становится ровным и спокойным, когда они замирают в ожидании. Она изучала движения патрулей, запоминая каждый их шаг, каждую остановку, каждый поворот, каждую секунду, когда они отводили взгляд.

Солдаты «Фронтيرا» двигались по строгому графику - ровно каждые пятнадцать минут они проходили по одному и тому же маршруту, сменяя друг друга с точностью механизма. Их шаги были мерными и неторопливыми, как у людей, привыкших к рутине и не ожидающих угрозы. Две группы патрулировали периметр, двигаясь навстречу друг другу, и в момент их встречи, на пересечении маршрутов, возникал промежуток - короткое окно в три минуты, когда их взгляды были обращены друг к другу, а зона западного сектора оставалась без присмотра.

Айрис заметила это окно, отметив его в своей памяти. Она засекала время, проверила его несколько раз, убеждаясь, что её расчёты верны. Три минуты - это было всё, что у них было. Три минуты, чтобы проскользнуть через пролом в заборе, пересечь открытое пространство и исчезнуть в тени старого ангара, который стоял у внутренней стены.

Она перевела взгляд на западную сторону базы. Там, в углу, заросшем колючим кустарником и высокой сухой травой, зиял старый пролом в заборе. Проволока была порвана и отогнута в стороны, ржавая и обвисшая, как будто её не замечали уже много лет. Кусты скрывали проход, создавая естественную тень, которая могла защитить их от взглядов патрульных. Она пометила это место на своей ментальной карте, чувствуя, как адреналин начинает разгонять кровь, как сердце бьётся быстрее, а дыхание становится глубже.

Она повернулась к отряду, собрав их вокруг себя жестом руки. Бойцы придвинулись ближе, и она говорила почти шёпотом, чтобы её голос не разносился по ущелью:

- Мы войдём через западный пролом. Там есть кусты, которые скрывают вход. Я засекала время патрулей - между сменами есть окно в три минуты. Нам нужно проскользнуть и оказаться у старого ангара до того, как они вернуться. Мы двигаемся тихо, быстро, без лишних звуков. Мы не стреляем, если нас не обнаружат. Мы не оставляем следов, если это не критично. Если что-то пойдёт не так - мы отступаем к скалам и ждём новой возможности.

Она посмотрела на каждого из них, встречаясь с их глазами - с глазами людей, которые доверяли ей свои жизни.

- Вопросы?

Бойцы молчали. Они готовы были идти. Элиас проверил своё оружие, передёрнув затвор с тихим металлическим щелчком, и его движения были уверенными и привычными. Он не задавал вопросов, не колебался. Он просто сделал шаг вперёд и встал рядом с ней.

- Я пойду первым, - сказал он, и голос его был низким, как рык далёкого грома. - Я знаю, как обходить такие системы. Я проверю, чисто ли прохождение, и дам сигнал. Ты пойдёшь за мной, и мы доведём их до ангара.

Айрис кивнула, чувствуя в его словах ту старую, проверенную уверенность, которая всегда помогала ей идти вперёд. Она смотрела на горы, которые возвышались за базой, их тёмные силуэты на фоне серого неба выглядели зловеще, как чёрные зубы, вонзившиеся в небо. Она чувствовала, что за ними скрывается то, что изменит всё - их мир, их судьбы, их понимание

правды. Она знала, что «Сердце» ждёт их там, в глубине гор, и что каждый шаг приближает их к нему.

Она подняла глаза и посмотрела на Элиаса.

- Элиас - ты идёшь первым и убираешь охрану у входа. Мы входим внутрь, находим контрольный пункт и выясняем, что они ищут. Если будет бой - отступаем. Жизнь важнее информации.

Она обвела взглядом бойцов, которые слушали её внимательно. Они были напуганы - это было видно по их глазам, по тому, как они сжимали оружие. Но они доверяли ей. Она видела это.

Она закончила план и отряхнула руки от песка.

- Мы выживем. Мы сделаем это. Мы вернёмся домой.

Она взяла свой пистолет и посмотрела на него. Он был старым, потёртым, с царапинами на рукоятке. Но он был с ней через всё - через войны, через потери, через страх. Она чувствовала его тяжесть в руке и знала, что он не подведёт.

Она подняла глаза и посмотрела на базу.

- Я готова, - сказала она.

Ночь опустилась на пустошь, густая и непроглядная, как чернила, разлитые по холсту. Тьма казалась почти осязаемой - она окутывала землю, скрывая камни и кусты, превращая мир в чёрное пространство, в котором можно было ориентироваться только на ошупь и по памяти. Луна не возшла, и звёзды были скрыты плотной пеленой облаков, которые нависали над горами, как тяжёлое одеяло. Ветер стих, и тишина стала абсолютной - такой глубокой, что каждый звук, даже самый тихий, казался неестественно громким.

Отряд ползком пересекал пустошь, прижимаясь к земле, сливаясь с ней, становясь частью ночи. Айрис чувствовала, как песок и мелкие камни впиваются в её ладони, как холод земли проникает через одежду, как каждый мускул её тела напряжён до предела. Она ползла медленно, стараясь не издавать ни звука, прижимаясь к каждому выступу, к каждой тени, которая могла скрыть её от глаз патрульных. Её дыхание было ровным, но сердце билось так громко, что она боялась - его услышат, что оно выдаст их присутствие, как барабан, бьющий тревогу в ночи.

Она ползла, и каждый метр пути давался с трудом. Камни впивались в колени, холод пробирался до костей, но она не останавливалась. Она смотрела вперёд, на тёмный силуэт забора, который вырисовывался перед ней, и чувствовала, как адреналин разгоняет кровь, как он придаёт ей сил, несмотря на усталость.

Они достигли пролома в заборе. Колючая проволока была перерезана аккуратным, профессиональным срезом, и старые кусты, засохшие и колючие, скрывали проход, создавая естественную арку, через которую можно было проскользнуть незаметно. Элиас первым прошёл через пролом, его тело двигалось бесшумно, как у призрака. Он замер на мгновение, прислушиваясь к ночи, к её тишине, к каждому звуку, который мог бы выдать присутствие врага. Он дал сигнал - короткое движение рукой, которое означало «чисто».

Айрис последовала за ним, её тело скользнуло через пролом, и кусты сомкнулись за ней, скрывая её присутствие. Затем остальные - один за другим, как тени, как призраки, они просочились внутрь базы, оставляя за собой только тишину и следы, которые ветер уже стирал.

Они двигались вдоль стен, прижимаясь к тени, которую отбрасывали здания. Прожекторы на вышках были выключены, но часовые могли появиться в любой момент - их шаги были слышны, когда они проходили мимо, их голоса доносились издалека, но Айрис не позволяла себе отвлекаться. Она смотрела вперёд, туда, где за ангаром виднелся технический люк - чёрный квадрат на фоне бетонной стены, почти невидимый в темноте, но она знала, что он там. Она запомнила его расположение по карте, которую они нашли в лагере.

Элиас подошёл к люку первым. Он опустился на колени и осторожно взялся за ручку - старая, проржавевшая, но всё ещё прочная. Он потянул, и металл скрипнул - тихий, протяжный звук, который разнёсся по пустому пространству. Айрис замерла, прислушиваясь, но патруль уже прошёл, и звук не привлёк внимания. Он открыл люк, и из него дохнуло холодом, запахом сырости и старого бетона. Он заглянул внутрь - там было темно, так темно, что казалось, что там ничего нет, только бездна.

Они спустились внутрь один за другим. Айрис оказалась внизу первой, её сапоги ступили на бетонный пол, и звук шагов разнёсся эхом по пустому коридору. За ней - Элиас, затем остальные бойцы. Внизу было холодно и сыро - стены покрывала тонкая пленка влаги, и воздух был тяжёлым, наполненным запахом плесени, ржавчины и старого металла. Она включила маленький фонарь - узкий луч света вырезал из темноты бетонный коридор, уходящий вглубь, в самое сердце гор. Стены были влажными, с тёмными разводами, которые стекали вниз, и на полу были видны старые, почти стёртые следы - следы тех, кто проходил здесь раньше.

Они пошли по коридору, стараясь не шуметь, их шаги заглушались бетоном, но в тишине каждый звук казался слишком громким, каждый вздох - слишком отчётливым. Айрис смотрела вперёд, на туннель, который уходил в темноту, и чувствовала, как напряжение нарастает с каждым шагом. Она знала, что «Сердце» ждёт их где-то в глубине - то, что они искали, то, ради чего они прошли через всё. И она знала, что они должны найти его, прежде чем «Фронтир» завершит свой план.

Она шла вперёд, и луч её фонаря освещал путь, выхватывая из тьмы бетонные стены, старые кабели, свисающие с потолка, и редкие двери, которые были заперты и запечатаны.

Они прошли через несколько дверей, двигаясь по коридору, который становился всё уже и темнее. Айрис чувствовала, как воздух становится тяжелее, как сырость проникает в лёгкие. Она шла вперёд, сжимая пистолет, готовая к любой опасности.

Они вошли в большое помещение. Айрис замерла, когда свет её фонаря выхватил из темноты ряды клеток. Они стояли вдоль стен - металлические прутья, бетонный пол, замки. Сотни людей сидели на полу, прикованные к стенам цепями. Мужчины, женщины, дети. Некоторые спали, скорчившись в углах, другие сидели неподвижно, глядя в пустоту.

Айрис медленно пошла вдоль рядов, прижимая фонарь к груди, чтобы свет не привлекал внимания. Она видела сотни лиц - измождённых, грязных, напуганных. Многие из них не поднимали голов, будто уже потеряли надежду. Она остановилась у одной из клеток и увидела ребёнка - девочку лет шести, которая сидела в углу и молча смотрела на неё.

Айрис опустилась на корточки и протянула руку через прутья.

- Тихо, - прошептала она. - Я здесь, чтобы помочь.

Девочка не двигалась. Она смотрела на Айрис пустыми глазами, но на мгновение в них зажглась искра. Айрис заметила на её руке номер - татуировку, выведенную чёрными чернилами. Она поняла, что всех заключённых сортировали, нумеровали, как скот.

Она сжала прутья клетки, чувствуя, как гнев поднимается внутри неё. Но она заставила себя дышать медленно. Она не могла поддаться эмоциям - это погубило бы их всех. Она повернулась и прошептала:

- Мы найдём способ открыть эти клетки.

Элиас уже искал ключи, двигаясь вдоль стен и проверяя ящики и шкафы. Бойцы стояли наготове, ожидая её приказа.

Они нашли охранника в маленькой комнате у входа в тюремный блок. Он сидел в кресле, запрокинув голову назад, и спал, положив ноги на стол. Его дыхание было ровным, и он даже не шевелился, когда они вошли.

Элиас бесшумно подошёл сзади. Его движения были плавными и быстрыми - он приставил нож к горлу охранника и закрыл ему рот рукой. Охранник дёрнулся, его глаза распахнулись, но он не успел закричать.

- Тихо, - сказал Элиас. - Ты будешь отвечать на вопросы. Или умрёшь.

Охранник замер. Его глаза были расширены от страха, но он медленно кивнул. Элиас убрал руку от его рта, но нож остался у горла.

Айрис подошла и села напротив охранника. Она смотрела на него холодным взглядом, изучая его лицо. Он был молодым, не старше двадцати пяти, с бледной кожей и тёмными кругами под глазами. Он выглядел уставшим и напуганным.

- Кого вы здесь держите и зачем? - спросила она.

Охранник сглотнул. Его голос дрожал, когда он заговорил:

- Мы готовим их к переселению. Арбитр сказал, что старый мир обречён, что нужно создать новый, чистый мир. Эти люди - будущее. Их будут обучать, переделывать, они станут солдатами нового порядка.

Айрис смотрела на него с отвращением. Её голос стал холодным:

- Вы промываете им мозги.

Охранник опустил глаза. Он не мог смотреть на неё.

- Мы исполняем приказ, - прошептал он.

Айрис почувствовала, как гнев поднимается внутри неё, но она сдержала его. Она повернулась к Элиасу и сказала:

- Свяжи его. Мы не убиваем, если не нужно.

Элиас кивнул и начал связывать охранника, стягивая его руки за спиной. Айрис встала и посмотрела на дверь, ведущую в тюремный блок. Они должны были освободить всех. И они должны были уйти.

Элиас схватил охранника за воротник и прижал к стене с такой силой, что тот едва коснулся ногами пола. Его лицо было в нескольких сантиметрах от лица охранника, и голос звучал низко и угрожающе:

- Где ключи от клеток? Где выход к реактору?

Охранник задрожал. Его глаза метались по сторонам, но он не мог вырваться из хватки Элиаса. Он ткнул дрожащей рукой в угол комнаты, где стоял старый металлический ящик.

- Ключи там, - сказал он. - Но реактор не в этой базе. Это только пункт сбора. Отсюда их отправляют в «Сердце». Туда, в горы.

Он сглотнул и продолжил, запинаясь:

- «Сердце» - это огромный подземный комплекс. Туда свозят всех заключённых. Там проводят эксперименты и активируют реакторы.

Элиас смотрел на него несколько секунд, затем отпустил воротник. Охранник сполз по стене, тяжело дыша.

Айрис уже подошла к ящику и открыла его. Внутри лежали связки ключей с номерами, которые соответствовали номерам на клетках. Она взяла их и начала раздавать бойцам, быстро и уверенно.

- Открывайте клетки, - сказала она. - Быстро, но тихо.

Элиас подошёл к охраннику, который всё ещё сидел на полу. Он дал ему резкую пощёчину, и тот обмяк, теряя сознание. Затем он связал ему руки за спиной, говоря при этом:

- Мы не убиваем, если не нужно. Он - жертва, как и все мы.

Он поднялся на ноги и посмотрел на Айрис. Она кивнула, и они двинулись к клеткам, чтобы освободить заключённых.

Она подошла к первой клетке. Её шаги были медленными, осторожными, чтобы не спугнуть тех, кто сидел внутри. Она слышала, как за её спиной дышат бойцы, как скрипят ремни оружия, как где-то в глубине подземелья капает вода - мерный, холодный звук, который нарушал тишину, как удары метронома, отсчитывающие время. Она остановилась перед решёткой и посмотрела внутрь. Там, в углу, сжавшись в комок, сидели люди - мужчина, две женщины и ребёнок. Они смотрели на неё с ужасом, их глаза были широко раскрыты, как у зверей, загнан-

ных в угол. Они не верили ей. Они боялись, что это ещё одна ловушка, ещё один обман, ещё один виток их бесконечного кошмара.

Она вставила ключ в замок - он подошёл с первого раза, повернулся с сухим металлическим щелчком, и дверь клетки медленно открылась, её петли заскрипели, как живые, сопротивляющиеся освобождению. Металлические прутья разошлись, открывая выход, но люди внутри не спешили выходить. Они оставались неподвижными, сжавшись в углах, и смотрели на неё с недоверием и страхом - таким глубоким, что оно въелось в их кости, стало частью их плоти. Они боялись, что это ещё один тест, ещё одна проверка, ещё одна игра, в которой они будут проигравшими.

Айрис сделала шаг внутрь клетки. Она чувствовала, как запах сырости, грязи и страха ударяет в лицо, как он оседает на коже, как он проникает в лёгкие, смешиваясь с дыханием. Она медленно подняла руки вперёд, развернув ладони к ним, показывая, что у неё нет оружия, что она не угроза. Её движения были плавными и открытыми, как у человека, который пытается успокоить дикое животное.

- Я не враг, - сказала она мягко, и её голос был тёплым, как солнечный свет, пробивающийся сквозь тучи. - Я не из «Фронтيرا». Я пришла, чтобы освободить вас. Я - Айрис, командир Союза. Я здесь с отрядом, и мы выведем вас отсюда. Мы отведём вас на север, к вашим семьям, в безопасное место. Выходите. Выходите, и я обещаю, что больше никто не закроет вас в клетке.

Она говорила так, как говорят с испуганными детьми - спокойно, уверенно, без давления, без резких движений. Её голос был ровным и мягким, как тёплое одеяло, которым можно укрыться от холода. Она стояла на пороге клетки и ждала, давая им время, давая им пространство, чтобы они сами сделали шаг.

Сначала никто не двинулся. Люди переглядывались, ища подтверждения в глазах друг друга, ища ответ на один и тот же вопрос: можно ли ей верить? Можно ли рискнуть? Их лица были бледными, измождёнными, с тёмными кругами под глазами, с глубокими морщинами страдания, которые появились за эти дни. Они смотрели на Айрис, на её протянутые руки, на её открытое лицо, и в их глазах боролись две силы - страх и надежда. Страх был старым, знакомым, въевшимся в их души. Надежда была хрупкой, как тонкий лёд, который мог треснуть при первом же прикосновении.

Затем одна женщина медленно поднялась. Она была худой до прозрачности - её ключицы выпирали, руки были тонкими, как ветки, кожа обтягивала кости. На её лице застыло выражение измождённой усталости, но в глазах, глубоко в глазах, зажглась искра - слабая, почти угасшая, но живая. Она сделала шаг вперёд, переступив через порог клетки, и её ноги дрожали от слабости. Она остановилась перед Айрис и посмотрела на неё, и в этом взгляде было столько благодарности, что у Айрис перехватило дыхание.

- Вы правда нас выведете? - спросила она, и голос её был хриплым, как будто она не говорила несколько дней. - Вы правда не оставите нас?

- Правда, - ответила Айрис, и в её голосе не было ни капли сомнения. - Я обещаю.

За ней последовали другие. Медленно, осторожно, как люди, которые долго сидели в темноте и забыли, как выглядит свет, они выходили из клеток. Их шаги были неуверенными, их тела дрожали от слабости и холода, но они шли. В их глазах появлялась жизнь - страх уступал место надежде, пустота заполнялась светом. Кто-то шёл, опираясь на стену, кто-то держался за руки, кто-то нёс на руках детей, которые плакали от усталости и облегчения. Звуки шагов, тихие голоса, сдерживаемые рыдания - всё это смешивалось в единую симфонию освобождения, которая наполняла подземелье теплом.

Женщина с ребёнком на руках подошла к Айрис. Ребёнок, маленькая девочка с тёмными волосами, прижималась к ней, её руки обхватывали шею матери, а глаза были закрыты, как

будто она боялась увидеть, что это сон. Женщина смотрела на Айрис с мольбой, её губы дрожали, и она взяла её за руку - холодную, дрожащую, с тонкой, почти прозрачной кожей.

- Пожалуйста, - прошептала она, и слёзы текли по её щекам. - Пожалуйста, не оставляйте нас. Они говорили, что нас убьют. Они говорили, что никто не придёт. Скажите, что это правда. Скажите, что вы выведете нас.

Айрис сжала её руку - крепко, но не больно, передавая тепло своей ладони, свою силу, свою уверенность. Она посмотрела в глаза женщины, в глаза ребёнка, и её голос стал тихим, но твёрдым, как обещание, которое она давала себе и всем, кто был с ней:

- Я не оставляю вас. Я не оставляю никого. Я обещаю, что вы выйдете отсюда. Вы увидите небо, вы увидите солнце, вы увидите своих близких. Я проведу вас через это. Я отведу вас домой.

Она оглянулась на зал. Сотни людей выходили из клеток - мужчины, женщины, дети. Они стояли на бетонном полу, смотрели на неё, и в их глазах она видела надежду. Они смотрели на неё как на спасительницу, как на ту, кто пришла в самый тёмный час и принесла свет. Айрис чувствовала тяжесть этого взгляда - она не хотела быть героиней, она не хотела быть символом надежды. Она хотела просто помочь, просто сделать то, что правильно. Но она знала, что они видят в ней то, что им нужно, чтобы выжить. И она не могла разочаровать их. Она не могла позволить себе сломаться, не могла позволить себе сдаться.

Когда последняя клетка была открыта и заключённые начали собираться в центре зала, к Айрис подошла женщина. Она была старой - седые волосы, глубокие морщины на лице, покрытом пылью и грязью. Её одежда была рваной, а тело истощённым, но глаза - яркие и живые, смотрели на Айрис с удивительной ясностью.

Она остановилась перед Айрис и посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом.

- Ты - дочь Лены, - сказала она. - Я узнала тебя по глазам.

Айрис замерла. Слова ударили её, как удар током. Она смотрела на женщину и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

- Вы знали мою мать? - спросила она.

Женщина кивнула. Её голос был тихим, но твёрдым, как будто она говорила о чём-то, что давно хранила в себе.

- Меня зовут Сильва, - сказала она. - Я была её наставницей. Я работала с Архитектором. Я знаю всё о «Протоколе 7» и о «Сердце». Твоя мать была моей ученицей.

Айрис чувствовала, как сердце начинает биться быстрее. Она наконец нашла человека, который знал правду. Который мог ответить на вопросы, которые мучили её годами.

Она взяла Сильву за руку и сжала её:

- Я должна знать всё. Что здесь происходит? Кто создал «Фронтир»? Что такое «Сердце»?

Сильва посмотрела на неё с грустью. Её глаза стали глубже, как будто она заглядывала в прошлое, которое не хотела вспоминать.

- Это долгая история, - сказала она. - Но я расскажу тебе. Когда мы будем в безопасности.

Айрис кивнула. Она повернулась к отряду и дала знак готовиться к выходу.

- Мы выводим их. Всех. Каждого человека. Мы строим колонну: слабые и дети - в центр, бойцы - снаружи. Мы идём к выходу, не останавливаемся, не оглядываемся. Мы не оставляем никого.

Они выходили через западный выход базы, ведя за собой длинную, медленную колонну освобождённых. Заключённые двигались осторожно, неуверенно, их шаги были шаткими после долгих дней и ночей, проведённых в тесноте и темноте клеток. Бойцы поддерживали тех, кто едва держался на ногах, подхватывали детей на руки, помогали старикам идти по неровной каменистой земле. Ветер дул с гор, холодный и сухой, но никто не жаловался - свобода была теплее любого солнца.

Айрис шла рядом с Сильвой, старухой, которая оказалась среди заключённых. Она выделялась среди остальных - не столько возрастом, сколько взглядом. Её глаза были ясными, спокойными, и в них читалась мудрость, которую не сломили ни цепи, ни темнота. Она двигалась уверенно, несмотря на свою худобу и слабость, и Айрис чувствовала, что эта женщина знает больше, чем говорит.

Они отошли на достаточное расстояние от базы, когда Сильва начала говорить. Её голос был хриплым, тихим, но в нём слышалась та особая сила, которая приходит с годами и пережитыми страданиями. Она говорила тихо, чтобы только Айрис могла слышать, чтобы не тревожить остальных.

- Арбитр, - начала она, и её голос дрогнул, как будто она касалась чего-то очень старого и очень болезненного. - Он был не просто генералом «Фронта». Он был учеником Архитектора. Его правой рукой, его доверенным лицом, его самым близким и самым преданным последователем. Но он не всегда был таким, каким ты его видишь. Ты должна понять это, прежде чем судить его.

Айрис шла молча, вглядываясь вперёд, но она слышала каждое слово, каждый вздох Сильвы. Она чувствовала, как холодный ветер касается её лица, как песок скрипит под ногами, и как слова старухи проникают в её сознание, как капли чернил, падающие в чистую воду.

- Архитектор экспериментировал с человеческим сознанием, - продолжала Сильва, и её голос стал глубже, почти торжественным. - Он искал способ создать совершенного исполнителя - того, кто не сомневается, не колеблется, не чувствует жалости. Того, кто сможет воплотить его волю без единого вопроса. Арбитр стал его первой успешной «модификацией». Ему стёрли всё, что делало его человеком. Его прошлое, его страхи, его надежды, его способность любить и сострадать. Они вырезали из него человечность, как хирург вырезает опухоль. Оставили только волю к «очищению» - ту самую волю, которая движет им сейчас. Он не знает, что он - продукт эксперимента. Он думает, что он следует своей воле, своей судьбе. Но на самом деле он следует программе, заложенной в него Архитектором.

Айрис почувствовала, как холод пробегает по её спине, как волосы на руках встают дыбом. Она остановилась на мгновение, повернувшись к Сильве, и в её голосе звучало потрясение.

- Значит, он - не злодей, - сказала она, и слова давались ей с трудом. - Он - жертва. Его создали таким. Его превратили в это. Кто-то лишил его выбора, и теперь он делает то, что считает правильным, но это правильное - не его. Это программа, которая работает в нём.

Сильва посмотрела на неё, и её глаза были влажными от слёз. Она кивнула, и в этом кивке была вся тяжесть того, что она знала.

- Именно, - сказала она. - Архитектор хотел создать идеального солдата - беспрекословного, безжалостного, не знающего сомнений. Но он создал идеального монстра. Он создал того, кто не знает, что он - продукт эксперимента. Арбитр не знает, что его воля - не его воля. Он думает, что он действует по собственному выбору, но на самом деле он следует программе, которую никто не может изменить. И это делает его одновременно самым опасным и самым трагичным существом в этом мире. Он не заслуживает ненависти. Он заслуживает сожаления. Потому что у него никогда не было выбора.

Сильва продолжала говорить, и её голос звучал тихо, но каждое слово было чётким и весомым.

- Но Арбитр не просто делает то, что говорит Архитектор. Он считает себя его истинным наследником. Он думает, что Архитектор был слишком мягок, что он не пошёл до конца, что он не завершил работу. Арбитр хочет довести дело до конца - уничтожить всех, кто не подходит под стандарт. Он считает, что это - акт милосердия. Что он избавляет людей от страданий.

Айрис сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Её голос стал жёстким:

- Но это не милосердие. Это убийство.

Сильва посмотрела на неё с грустью, которая глубже любых слов.

- Я знаю, - сказала она. - Но он так не думает. Он действительно верит, что создаёт лучший мир. И это самое страшное - он искренен в своей вере. Его нельзя переубедить, потому что он не сомневается.

Айрис смотрела на неё. Она понимала, что это означало. Арбитр не был просто безумцем или тираном. Он был фанатиком, верящим в свою правоту до конца. Оружие не могло победить такую веру.

- Тогда как мы можем остановить его? - спросила она.

Сильва молчала несколько мгновений, затем сказала:

- Только правдой. Но правда для него не имеет значения. Он не услышит её, потому что он не хочет слышать.

Айрис остановилась. Она смотрела на людей, которые шли за ней - сотни заключённых, которых они освободили, и бойцов, которые вели их через пустошь. Она видела их лица, их глаза, их надежду. Но она также думала о тех, кто был по ту сторону - о солдатах «Фронттира», которые охраняли эти клетки.

- Они не просто солдаты, да? - сказала она, не оборачиваясь. - Они верят в это.

Сильва подошла к ней. Её голос был тихим, но твёрдым.

- Каждый из них прошёл через «очищение» - промывку мозгов, программирование. Они не знают, что они - жертвы. Они думают, что они - избранные. Для них «Фронтир» - это церковь, а Арбитр - пророк. И они будут умирать за него с радостью.

Айрис почувствовала, как холод разливается в её душе. Она не борется с врагами, которых можно понять. Она борется с врагами, которые не знают, что они враги. Она думала о том, как можно остановить это - не убивая их, а разбудив их.

Она повернулась к Сильве и посмотрела в её глаза.

- Есть ли способ вернуть им их настоящие воспоминания? - спросила она.

Сильва улыбнулась грустно. В её глазах мелькнула тень боли.

- Есть, - сказала она. - Но это опасно. Это может их сломать навсегда.

Айрис смотрела на неё и чувствовала, что ответ лежит где-то рядом. Но она также знала, что это будет тяжело.

- Мы найдём способ, - сказала она. - Мы должны.

Она повернулась и пошла дальше, ведя за собой сотни людей. Впереди их ждала пустошь.

Они отошли от базы на достаточное расстояние, когда Элиас остановился и поднял руку, давая знак остановиться. Колонна замерла, и в наступившей тишине был слышен только ветер, который гулял по пустоши, и тяжелое дыхание людей, которые несли на себе груз пережитого ужаса. Элиас оглядел собравшихся - сотни измождённых, грязных, напуганных людей, которые смотрели на него с надеждой и страхом. Он видел их лица, их руки, их глаза, и знал, что не имеет права ошибиться. Каждое его решение сейчас определяло, кто из них выживет.

Он забрался на небольшой каменистый выступ, возвышающийся над толпой, чтобы его голос был слышен всем. Его фигура вырисовывалась на фоне серого неба, и люди повернули головы, притихли, ожидая его слов. Он стоял прямо, его плечи были расправлены, и в его голосе звучала та уверенность, которая передавалась другим, как огонь от факела.

- Мы разобьёмся на три группы, - сказал он, и его голос был громким и чётким, разносясь над пустошью. - Слушайте внимательно, это важно. Первая группа идёт с Айрис и Сильвой - они самые быстрые и здоровые. Вы пойдёте впереди, чтобы подготовить встречу в первом городе Союза. Вы - те, кто задаст темп. Вторая группа - с женщинами, детьми и стариками - их ведёт Келл. Вы идёте в центре, вы под защитой. Третья группа - с ранеными и самыми слабыми - их веду я. Мы замыкаем колонну, мы не дадим никому отстать.

Он сделал паузу, давая людям осознать его слова, и продолжил, и его голос стал мягче, но не потерял твёрдости:

- Мы идём на север, до первого города Союза. Там нас встретят, там будет еда, вода и кров. Мы дойдём. Мы дойдём все. Никого не оставляем. Никто не будет брошен. Запомните это.

Он спрыгнул с выступа, и люди начали двигаться. Они переглядывались, их лица постепенно разглаживались, уступая место решимости. Сначала они двигались неуверенно, но постепенно, следуя его приказам, начали собираться в группы. Слышались голоса - люди звали друг друга, искали своих, перекликались в ночи. Бойцы помогали формировать колонны, подхватывали тех, кто спотыкался, успокаивали плачущих детей. Элиас стоял в центре этой суеты, как каменный столб, к которому можно было прислониться.

Айрис подошла к нему, когда он отдавал последние указания Келлу. Она коснулась его локтя, и он обернулся. Она смотрела на него, и её голос был тихим, чтобы никто не слышал, чтобы этот момент остался только между ними.

- Ты не должен идти с ранеными, - сказала она, и в её голосе слышалась мольба, которую она старалась скрыть за твёрдостью. - Это слишком опасно. Ты должен быть в первой группе. Ты нужен нам там. Ты нужен мне.

Элиас посмотрел на неё. Его лицо было спокойным, но в глазах мелькнула та особенная теплота, которую он показывал только ей. Он улыбнулся - коротко, почти неуловимо, но она увидела это. Затем он покачал головой, и в его голосе звучала та же сталь, что и в её.

- Если я оставляю их, кто защитит их? - спросил он, и в этом вопросе была вся его суть. - Если я уйду с первой группой, я буду думать о том, что осталось позади. О тех, кто не может идти быстро, о тех, кто упадёт. Я не брошу людей, которые рассчитывают на меня. Это не обсуждается.

Айрис смотрела на него, и она понимала, что он прав. Она знала его достаточно хорошо, чтобы не пытаться переубедить. Это был тот самый человек, который всегда стоял за её спиной, который всегда был готов пожертвовать собой ради других. Но страх сжал её сердце холодными пальцами, и она чувствовала, как он проникает в её грудь, как он сжимает горло. Она шагнула вперёд и коснулась его руки - холодной, сильной, покрытой шрамами.

- Будь осторожен, - сказала она, и в её голосе слышалась вся боль разлуки, которую она не могла выразить словами. - Я не хочу терять тебя.

Он кивнул, и в его глазах мелькнула та же боль.

- Я буду. Я всегда возвращаюсь. Мы встретимся в столице. Это обещание.

Он развернулся и пошёл к третьей группе. Айрис смотрела ему вслед, чувствуя, как ветер обдувает её лицо, как холод пустоши проникает под одежду. Она видела, как он подошёл к раненым, как он поднял одного из них на плечи, как он сказал что-то ободряющее остальным. Его фигура постепенно исчезала в ночи, и она сжимала кулаки, чтобы удержать страх, который пытался вырваться наружу.

- Мы встретимся, - прошептала она, и её голос был тише ветра. - Мы обязательно встретимся.

Она стояла так несколько мгновений, глядя в темноту, в которой исчез Элиас. Затем она повернулась к своей группе - к тем, кто шёл с ней, к Сильве, к бойцам, которые ждали её команды. Она подняла руку, и голос её стал твёрдым, хотя внутри неё всё ещё бушевала буря.

- Мы идём, - сказала она. - Мы - те, кто задаёт темп. Мы - те, кто встретит их на севере. Мы не останавливаемся, пока не дойдём до города. Вперёд.

Она сделала шаг вперёд, чувствуя, как за её спиной движется группа. Она не оглядывалась - она знала, что если обернётся, то не сможет удержать слёз. Она шла вперёд, к горам, к городу, к будущему, и в её сердце жила надежда, что они встретятся. Что Элиас вернётся. Что всё будет хорошо.

Но страх оставался. И она несла его с собой, как тяжесть, которая делала каждый шаг труднее.

Они почти достигли края пустоши, когда ночную тишину разорвал звук сирены. Он был резким, пронзительным, как крик раненого зверя. Айрис замерла на мгновение, и холод пробежал по её спине. Патруль «Фронтيرا» обнаружил побег.

Свет прожекторов начал рыскать по пустоши, выхватывая из темноты фигуры бегущих людей. Айрис увидела, как несколько групп солдат выходят из базы и направляются к ним, их тени вытягивались в свете прожекторов.

- Все бегом! - крикнула она. - К укрытию!

Люди бросились вперёд, но многие не могли бежать. Они были слишком слабы - истощённые, голодные, измученные. Они спотыкались, падали, но поднимались и продолжали идти, подгоняемые страхом.

Айрис остановилась. Она повернулась к патрулю, который приближался к ним, и достала пистолет. Она начала стрелять, прикрывая отступление. Выстрелы разрывали тишину, и один из солдат упал, второй спрятался за камнем.

Она видела, как остальные группы уходят в темноту, и чувствовала облегчение. Но она понимала, что они не успеют все. Слишком много людей, слишком мало времени.

Она схватила рацию и крикнула:

- Мы будем сдерживать их. Уводи людей.

Ответ Элиаса был мгновенным:

- Я не оставляю тебя.

- Это приказ! - крикнула она.

Элиас не слушал её. Айрис видела, как он развернулся и побежал обратно, его фигура вырисовывалась на фоне вспышек выстрелов, которые разрывали ночь оранжевыми и белыми всполохами. Он не колебался ни секунды - в его движениях не было страха, только та холодная, ясная решимость, которая всегда отличала его от других. Он бежал не к ней, а к патрулям, к опасности, к смерти, которая ждала его за каждым камнем. С ним были трое бойцов - те, кто остался с ним, кто разделял его веру в то, что нельзя бросать своих. Их силуэты мелькали между камнями, растворяясь в ночи, и Айрис слышала, как их выстрелы сливаются в единый ритм, как пули свистят над головами.

Она не могла позволить ему умереть. Она поднялась, сжимая оружие в руках, и побежала за ним, чувствуя, как ветер бьёт в лицо, как песок скрипит под ногами, как каждый шаг отдаётся болью в уставших мышцах. Она видела, как он укрылся за большим валуном, как его руки уверенно перезаряжали оружие, как он стрелял, не давая патрулям приблизиться. Она упала рядом с ним, прижимаясь к холодному камню, и начала стрелять, прикрывая его.

Они вступили в бой вместе. Айрис и Элиас стояли плечом к плечу, их выстрелы звучали в унисон, их дыхание было прерывистым, но ровным. Патрули двигались вперёд, их фигуры появлялись из темноты, как тени, и исчезали, сражённые пулями. Бой длился пятнадцать минут - каждая секунда растягивалась в вечность, каждое мгновение было наполнено звуками выстрелов, криками, звоном металла о камень. Айрис видела, как один из бойцов упал - его тело скрылось в темноте, и она услышала, как Элиас выкрикнул его имя, но голос его не дрогнул. Он продолжал стрелять, прикрывая их отступление, давая им время.

Айрис видела, как его патроны почти кончились - он начал стрелять реже, экономя каждую пулю. Она не могла позволить ему остаться здесь. Она поднялась, схватила его за руку и потянула вперёд, заставляя его двигаться. Он не сопротивлялся - он просто побежал с ней, стреляя на ходу, прикрывая их спины. Они бежали, не оглядываясь, пока патрули не начали отступать. Они не преследовали их - они возвращались к базе, чтобы доложить о побеге, о том, что заключённые освобождены, о том, что они потеряли контроль над тюрьмой.

Айрис упала на колени, тяжело дыша. Её руки дрожали, пальцы онемели от напряжения, и она чувствовала, как холодный воздух пустоши обжигает её лёгкие. Она повернулась к Элиасу, и её сердце пропустило удар, когда она увидела, что он ранен. Кровь текла по его руке,

пропитывая рукав куртки, стекая на землю тёмными каплями. Она подползла к нему, её руки дрожали, когда она коснулась его плеча, и её голос был хриплым от усталости и гнева.

- Ты идиот, - сказала она, и в её голосе слышались слёзы, которые она не могла сдержать. - Ты мог погибнуть. Ты должен был остаться с группой. Ты должен был эвакуироваться с ними. Зачем ты вернулся? Зачем ты пошёл туда?

Он посмотрел на неё, и на его лице появилась слабая улыбка. В его глазах была боль, но в них также была та самая теплота, которую она знала так хорошо, которая согревала её в самые холодные ночи.

- Потому что я обещал тебе вернуться, - сказал он, и его голос был спокойным, как будто он говорил о чём-то обыденном. - Я сказал, что мы встретимся в столице. Я не мог оставить тебя здесь, с ними. Я не мог позволить тебе умереть, когда мог помочь.

Она смотрела на него, чувствуя, как слёзы подступают к её глазам, как они текут по её щекам, оставляя влажные следы на грязной коже. Она никогда не хотела, чтобы он жертвовал собой ради неё. Она никогда не просила его об этом. Но он всегда это делал - всегда оказывался рядом в самый опасный момент, всегда закрывал её собой, всегда был готов отдать свою жизнь за её.

Она шагнула вперёд, не обращая внимания на его рану, на кровь, которая текла по его руке, и крепко обняла его. Она чувствовала, как его руки обхватывают её, как он прижимает её к себе, как его дыхание смешивается с её дыханием. Она слышала, как его сердце бьётся - ровно, сильно, как у человека, который не боится смерти, но боится потерять её.

- Не делай этого больше, - прошептала она, и её голос был прерывистым от слёз. - Пожалуйста, не делай этого. Я не хочу терять тебя. Я не смогу пережить это.

Он обнял её в ответ, прижимая к себе, и его голос был тихим, но тёплым, как одеяло в зимнюю ночь.

- Я не могу обещать, - сказал он. - Я не могу обещать, что не буду рисковать. Но я могу обещать, что всегда буду рядом.

Они продолжали идти по пустоши. Вокруг простиралась бескрайняя серая земля, усеянная камнями и песком. Ветер дул в лицо, неся с собой холод и тишину. Айрис шла вперёд, чувствуя, как каждый шаг даётся с трудом. Она смотрела на оставшихся бойцов, и внутри неё разрасталась пустота.

Она пересчитала их. Из десяти бойцов, с которыми они вышли из столицы, осталось четверо. Двое погибли в бою у базы, ещё четверо ушли с заключёнными на север. Теперь их было только четверо - она, Элиас, который держался за раненое плечо, и двое бойцов, которые шли молча, экономя силы.

Каждый потерянный человек был частью её души. Она чувствовала это - боль, которая оседала внутри, как тяжёлый груз. Но она не могла остановиться. Она должна была продолжать идти ради тех, кто остался. Ради тех, кто ждал их.

Она посмотрела на Сильву, которая шла рядом. Старая женщина двигалась с трудом, но не жаловалась. Айрис подошла к ней и спросила:

- Как далеко до гор?

Сильва посмотрела вперёд. Её глаза были прищурены, как будто она видела что-то, чего не могли видеть другие.

- Два дня, если идти без остановок, - сказала она. - Но там будет тяжелее. Охрана, патрули, ловушки. Они не хотят, чтобы кто-то нашёл «Сердце».

Айрис кивнула. Она чувствовала, как решимость наполняет её.

- Мы найдём его, - сказала она. - Мы не остановимся.

Она смотрела на горы, которые вырисовывались на горизонте. Они казались тёмными и зловещими, как зубы, вонзившиеся в небо. Но она знала, что за ними скрывались ответы. Ответы на все вопросы, которые мучили её.

Ночь опустилась на пустошь, холодная и тихая, как дыхание мёртвого мира. Звёзды начали появляться на небе одна за другой, холодные и далёкие, их свет едва достигал земли, теряясь в бескрайней черноте. Ветер стих, и тишина стала почти абсолютной - только редкие всхлипы, прерывистое дыхание и шорох одежды нарушали её. Они остановились на привал в небольшом овраге, который давал хоть какую-то защиту от ветра. Стены оврага были крутыми, каменистыми, и они создавали иллюзию укрытия, хотя каждый знал, что это всего лишь земля, которая не может защитить от того, что скрывалось в темноте.

Люди, которых они спасли, сидели и лежали на холодной земле, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Кто-то спал, скорчившись в углу, их лица были спокойными во сне, как будто они наконец-то смогли отпустить страх. Другие сидели неподвижно, глядя в темноту перед собой, их глаза были пустыми, но в них уже начинала появляться искра жизни, которая была почти угасла в клетках. Некоторые плакали во сне - их тела вздрагивали, руки сжимались в кулаки, и они издавали тихие, прерывистые звуки, как будто воспоминания не отпускали их даже в забытии, как будто даже во сне они продолжали бороться.

Айрис сидела на большом камне, который выступал из земли на краю оврага, поджав ноги и обхватив колени руками. Она смотрела на них - на этих людей, которых она вытащила из клеток, которых она привела сюда, которым она дала второй шанс. Она видела их лица - измождённые, бледные, с тёмными кругами под глазами, с глубокими морщинами страдания, которые ввелись в их кожу. Но они были живы. Они дышали. Они смотрели на неё с благодарностью, которая была тяжелее любых оков.

Она спасла их. Она вывела их из тьмы. Но она знала, что это только начало. В других городах, в других базах, в других подземельях, за другими решётками сидели такие же люди - мужчины, женщины, дети, которые ждали, что кто-то придёт за ними. Люди, которые слышали шаги патрулей над головой и молились, чтобы кто-то услышал их. Люди, которые медленно умирали от голода, жажды и отчаяния. Она оставила многих. И это знание давило на неё, как камень, который она не могла сбросить с плеч.

Она чувствовала, как тяжесть этого осознания проникает в каждую клетку её тела, как она сжимает её грудь, как она делает каждый вдох труднее предыдущего. Она не знала, хватит ли у неё сил. Она не знала, сколько ещё боёв, потерь и боли ждёт её впереди. Она не знала, сможет ли она продолжать, когда каждый новый день приносит новые страдания и новые потери. Но она знала, что не имеет права остановиться.

Элиас подошёл к ней, его шаги были тихими, но она слышала их. Он сел рядом на камень, и его плечо коснулось её плеча. Он протянул ей флягу с водой - старая, потёртая, с царапинами на металле. Она взяла её, чувствуя холод металла в ладонях, и сделала глоток. Вода была холодной и чистой, она обожгла горло, но принесла облегчение. Она вернула флягу, и он убрал её в рюкзак.

- Ты молодец, - сказал он, и голос его был тихим, но в нём звучала та уверенность, которая передавалась ей, как тепло от костра. - Ты спасла их. Ты дала им шанс. Ты дала им надежду. Этого никто не может у них отнять.

Она посмотрела на него. В его глазах была та же усталость, что и в её, те же тени под глазами, та же тяжесть на плечах. Но в них также горела уверенность - та холодная, ясная уверенность человека, который видел слишком много, чтобы сомневаться в правильности своего пути.

- Но сколько мы не смогли спасти? - спросила она, и голос её был тихим, почти шёпотом, как будто она боялась услышать собственный вопрос. - Сколько людей осталось там, в темноте? Сколько ещё будет гореть городов? Сколько ещё детей будут плакать в подвалах, пока мы идём по пустоши?

Он взял её за руку - его пальцы были холодными, но сильными, - и сжал их, передавая ей своё тепло, свою веру, свою силу.

- Тех, кого мы спасём завтра, - сказал он, и его голос был твёрдым, как камень, на котором они сидели. - Мы не можем спасти всех сегодня. Мы не можем вернуть тех, кого потеряли. Но мы можем спасти многих завтра. И этого достаточно. Каждый человек, которого мы выводим на свет, - это победа. Каждый ребёнок, который снова увидит солнце, - это надежда. Мы делаем то, что можем. И это всё, что от нас требуется.

Она смотрела на него, и его слова проникали в её душу, как тёплый свет, который разгоняет тьму. Он был прав. Она не могла спасти всех. Она не могла предотвратить все страдания. Но она могла спасти многих. Она могла дать им шанс. И этого было достаточно. Этого должно было быть достаточно.

Она сжала его руку в ответ, чувствуя, как его пальцы переплетаются с её, как его тепло передаётся ей, согревая её изнутри. Она подняла голову и посмотрела на звёзды, которые начали появляться на небе - холодные, далёкие, но прекрасные. Они напоминали ей о том, что даже в самой тёмной ночи есть свет.

- Завтра будет новый день, - сказала она, и в её голосе звучала та же уверенность, что и в его. - И мы сделаем всё, что сможем. Мы будем идти вперёд, пока не остановим их. Мы будем бороться, пока не освободим всех. Мы не остановимся, пока не найдём «Сердце» и не уничтожим его.

Она посмотрела на спящих людей, на их лица, которые постепенно разглаживались во сне, на их руки, которые расслаблялись, на их дыхание, которое становилось ровнее. Она чувствовала, как внутри неё крепнет решимость - холодная, ясная, непоколебимая. Это был не конец. Это было только начало. И она была готова идти до конца.

ГЛАВА 2: «СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР»

Они шли уже несколько дней. Пустошь, которая так долго была их единственным спутником - серая, бесконечная, безжалостная, - постепенно начала сдавать свои позиции. Сначала появились редкие зелёные островки: тонкие стебли травы, пробивающиеся сквозь растрескавшуюся землю, как первые лучи надежды в бесконечной тьме. Затем кусты - низкие, колючие, но живые, с мелкими листьями, которые дрожали на ветру. А потом и деревья - сначала редкие, искривлённые, словно выросшие вопреки всему, а затем всё более частые, их кроны становились гуще, а тени - длиннее.

Айрис чувствовала, как воздух становится мягче, теплее, как он наполняется запахами, которые она почти забыла. Запах влажной земли, который оседал на коже и в лёгких, смешиваясь с дыханием. Запах зелени - свежей, живой, такой контрастирующей с сухой пылью пустоши. Запах дыма, который доносился издалека - не тот, что от горящих городов, а тот, что от костров, у которых греются руки и готовят пищу. Она останавливалась на мгновение, закрывала глаза и вдыхала этот воздух полной грудью, чувствуя, как он наполняет её лёгкие, как он проникает в каждую клетку её тела, как он возвращает её к жизни.

Она замечала вдалеке столбы дыма, поднимающиеся над горизонтом - тонкие, серые, почти незаметные на фоне неба. Это были деревни, которые ещё жили. Люди готовили пищу, согревались у костров, продолжали жить, несмотря на всё, что происходило вокруг. Они не знали о «Фронтире», о «Сердце», о том, что мир стоял на грани уничтожения. Или знали, но продолжали жить, потому что это было единственное, что они могли сделать. Айрис смотрела на эти столбы дыма и чувствовала, как внутри неё разливается тепло - не надежда, а что-то более глубокое, более простое. Жизнь продолжалась. И это было важно.

Она чувствовала облегчение. Они вернулись к своим. Но она знала, что война ещё не закончена. «Фронтир» всё ещё существовал, его армии всё ещё двигались по южным землям, «Сердце» всё ещё ждало их в глубине гор, и правда, которую она искала, была где-то рядом, готовая либо спасти, либо уничтожить её. Это было не время для отдыха - это было время для

подготовки. Но на мгновение, всего на мгновение, она позволила себе почувствовать облегчение. Она позволила себе поверить, что они сделали что-то важное.

Она шла вперёд, ведя за собой людей. Сотни освобождённых заключённых двигались за ней, их шаги были медленными, но уверенными. Они возвращались к жизни. Их лица, ещё бледные и измождённые, начинали меняться - в глазах появлялся свет, на губах - первые улыбки. Они смотрели на зелень, на деревья, на дым деревень, и они верили, что всё будет хорошо. Они верили в неё. И это было тяжелее всего, потому что она знала, что не может обещать им безопасности. Она знала, что впереди их ждёт ещё много боли.

Сильва шла рядом с ней, её старое тело двигалось с трудом, но глаза оставались ясными. Она опиралась на палку, которую ей дал один из бойцов, и её дыхание было прерывистым, но она не жаловалась. Она смотрела вперёд с той же решимостью, что и Айрис, и в её взгляде было что-то, что напоминало Айрис о том, что эта женщина хранит ещё много тайн. Она не рассказывала всего. Она ждала правильного момента.

Они достигли границы обитаемых земель. Там стоял небольшой пост - несколько человек в форме Союза, вооружённых, но расслабленных. Они стояли у ворот, и их лица были спокойными, как у людей, которые не видели врага уже долгое время. Они узнали Айрис - её лицо, её фигуру, её походку. Они открыли ворота, и она вошла внутрь. Она услышала, как ворота закрылись за ней с глухим металлическим лязгом, отрезая пустошь от мира.

Она остановилась на мгновение и посмотрела вокруг. Люди смотрели на неё - те, кто был на посту, те, кто жил в окрестных деревнях и пришёл посмотреть, кто вернулся. Их взгляды были полны надежды, уважения, любви. Они видели в ней ту, кто принесла им спасение. Они видели в ней героиню, которая прошла через тьму и вернулась, чтобы привести их за собой. Она чувствовала тяжесть этого взгляда - он давил на неё, как камень, который она не могла сбросить с плеч. Она не хотела быть героиней. Она хотела просто жить. Но она знала, что её роль в этом мире - не выбор. Это была судьба. И она должна была принять её.

Она пошла вперёд, к посту, чувствуя, как каждый шаг приближает её к следующей главе её жизни. Она знала, что впереди их ждёт новая битва. Она знала, что «Сердце» всё ещё ждёт их. Она знала, что её мать всё ещё где-то там, оставляя ей знаки, которые она должна была расшифровать. Но сейчас, в этот момент, она позволила себе просто идти, просто дышать, просто быть живой. И этого было достаточно.

Айрис вошла в здание связи на посту. Это было небольшое помещение с несколькими столами, на которых стояли аппараты связи - старые, но надёжные. Два связиста сидели за ними, их пальцы быстро двигались по клавишам. Они подняли головы, когда она вошла, и узнали её.

- Соедините меня со столицей, - сказала она. - С Советом.

Связист кивнул и начал настраивать аппарат. Через несколько минут он передал ей трубку.

- Стелла на линии, - сказал он.

Айрис взяла трубку и прижала её к уху. Она услышала голос Стеллы - резкий, встревоженный:

- Айрис? Ты жива?

- Да, - ответила она. - Но у меня есть новости. «Фронтир» сильнее, чем мы думали. Это не просто армия - это культ. У них есть подземные базы, они забирают людей, они готовят их к «переселению». И у них есть «Сердце» - реактор, который может уничтожить всех, кто не прошёл «очистку».

В трубке повисла тишина. Айрис слышала только потрескивание статики. Затем Стелла заговорила, её голос был напряжённым:

- Мы готовим оборону. Но нам нужно больше времени.

- У нас нет времени, - сказала Айрис. - Они атакуют через две недели. Я иду в горы, чтобы остановить «Сердце». Готовьте войска к обороне. Я пришлю координаты.

Через час пришёл ответ. Связист передал трубку Айрис, и она снова услышала голос Стеллы - ровный, деловой, но в нём чувствовалось напряжение.

- Совет согласился готовить оборону, - сказала Стелла. - Мы распределяем войска по всем направлениям. Восточный фронт усиливаем, западный - пока держим. Но мы не можем выделить тебе дополнительных людей. Все силы нужны здесь.

Айрис кивнула, хотя знала, что Стелла не видит её.

- Я понимаю, - сказала она. - У меня есть отряд. Мы сделаем всё, что сможем.

Она повесила трубку и повернулась к Элиасу. Он сидел в углу комнаты, на коленях у него было разобрано оружие. Он чистил его с той же тщательностью, с которой делал всё - спокойно, сосредоточенно, не торопясь.

- Что Совет сказал? - спросил он, не поднимая глаз.

- Они готовятся к обороне, - ответила она. - Они не могут нам помочь. Мы идём в горы одни.

Они остановились на привал у небольшого ручья, который журчал среди камней, пробивая себе путь сквозь редкую зелень. Вода была холодной и чистой, и люди, которых они спасли, жадно пили её, умывали лица, смывая с себя грязь и усталость. Айрис стояла чуть поодаль, глядя на них, когда Элиас подошёл к ней. Он держал в руках старую карту, которую они нашли в лагере Арбитра, и его лицо было серьёзным, сосредоточенным. Он свернул карту и убрал её в карман, затем подошёл ближе, и в его глазах была та особая твёрдость, которая появлялась у него, когда он принимал трудное решение.

- Я думаю, нам нужно разделиться, - сказал он, и голос его был спокойным, но в нём чувствовалась сталь. - Часть отряда должна вернуться в столицу с заключёнными. Они должны рассказать, что происходит. Они должны предупредить остальных. Они должны стать голосом тех, кто не может говорить. А часть - идти на юг, к «Сердцу». Мы не можем ждать. Каждый день, который мы теряем, - это ещё один город, ещё одна тюрьма, ещё одна сотня людей.

Он посмотрел на неё в упор, и она встретила его взгляд. В его глазах не было сомнений - только холодная, ясная решимость, которая передавалась ей, как огонь от факела.

- Ты должна идти на юг, - продолжал он, и его голос стал тише, но не потерял твёрдости. - Ты - единственная, кто может активировать «Протокол 7» против них. Ты - единственная, кто знает, как это сделать. Без тебя у нас нет шанса. Я пойду с тобой. Но остальные - они должны вернуться. Они должны выжить. Они должны рассказать другим, что мы видели.

Айрис колебнулась. Она знала, что он прав. Она знала, что это необходимо - что они не могут идти все вместе к «Сердцу», что кто-то должен вернуться и предупредить остальных. Но страх сжал её сердце холодными пальцами - она боялась потерять людей. Каждый из них был частью её отряда, её семьи, её мира. Она смотрела на них - на Нову, на Маркуса, на Келла, на Рена, - и чувствовала, как тяжесть этого выбора давит на неё, как она сжимает её грудь, как она делает каждый вдох труднее предыдущего.

Она сделала глубокий вдох и выдохнула, чувствуя, как холодный воздух обжигает горло. Затем она подняла голову и посмотрела на них, и голос её стал твёрдым, хотя внутри неё всё ещё бушевала буря.

- Мы разделим отряд, - сказала она после долгой паузы. - Нова и Маркус вернутся в столицу с заключёнными. Вы поведёте их через северные земли, по безопасному маршруту. Вы расскажете Совету всё, что мы видели. Вы предупредите их о «Фронтире», о «Сердце», о том, что они готовят. А мы с тобой, Келл и Рен - мы идём к горам. Мы идём к «Сердцу». Мы остановим их, чего бы это ни стоило.

Айрис стояла перед отрядом. Она смотрела на них - на тех, кто пойдёт с ней, и на тех, кто вернётся в столицу. Она знала, что это, возможно, последнее прощание. Что некоторые из них могут не увидеть друг друга снова. Но она знала, что это правильно.

Она шагнула вперёд, к Новой и Маркусу. Её голос был ровным, но в нём чувствовалась теплота.

- Нова, Маркус, - сказала она. - Вы ведёте людей на север. Вы расскажете всё, что видели. Вы скажете им, что мы идём к «Сердцу». И что мы вернёмся.

Она подошла к Новой и взяла её за руку. Молодая девушка смотрела на неё, и в её глазах блеснули слёзы.

- Ты справишься, - сказала Айрис мягко. - Я знаю это.

Нова кивнула, не в силах говорить. Она сжала руку Айрис и отпустила её.

Айрис повернулась к тем, кто оставался с ней: Элиас, Келл, Рен. Они стояли молча, готовые следовать за ней.

- Мы идём на юг, - сказала она, её голос стал твёрже. - Мы будем быстрыми и тихими. Мы не вступаем в бой, если можно избежать. Мы находим «Сердце» и останавливаем его.

Она чувствовала, как адреналин наполняет её тело. Она была готова. Она не боялась. Она просто хотела покончить с этим. Закончить то, что началось много лет назад.

Она повернулась и пошла вперёд, к югу. За ней следовали Элиас, Келл и Рен. Они оставляли позади Нову, Маркуса и сотни спасённых людей, которые смотрели им вслед.

Нова и Маркус уходили на север, ведя за собой длинную, медленную колонну спасённых людей. Их было чуть больше сотни - мужчины, женщины, дети, старики, которые ещё несколько дней назад сидели в бетонных клетках, прикованные цепями к стенам. Теперь они шли по пустоши, их шаги были неуверенными, но они двигались вперёд, поддерживая друг друга, их лица были обращены к горизонту, где их ждала безопасность, еда, вода и надежда на новую жизнь. Ветер дул с севера, холодный и сухой, но никто не жаловался - свобода была теплее любого солнца.

Айрис стояла на небольшом возвышении и смотрела им вслед. Она видела, как фигуры постепенно уменьшаются, становятся маленькими точками, которые медленно двигались по серой земле, пока не начали исчезать за холмами, растворяясь в серой дымке пустоши. Она смотрела на них, пока последний силуэт не скрылся из виду, и только тогда позволила себе выдохнуть.

Она чувствовала, как часть её души уходит с ними. Каждый из этих людей был частицей её ответственности, её надежды, её борьбы. Она помнила их лица - испуганные, измождённые, но живые. Она помнила, как они выходили из клеток, как они смотрели на неё с благодарностью, как они сжимали её руки, как они шептали слова благодарности, которые она не могла забыть. Она оставляла их в руках Новы и Маркуса - двух самых надёжных людей, которых она знала. И она знала, что они в безопасности.

Она стояла на ветру, чувствуя, как холод касается её лица, как он проникает под куртку, заставляя её вздрагивать, но она не уходила. Она хотела убедиться, что они ушли достаточно далеко, что их не догонят патрули «Фронтيرا». Она ждала, пока последний след их присутствия не исчез в пыли, и только тогда повернулась к оставшимся.

Элиас стоял рядом, его рука всё ещё была перевязана, но он держался твёрдо, как всегда. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась та же боль, что и у неё. Он тоже смотрел им вслед. Он тоже отпускал их. Келл и Рен ждали её приказа, их лица были сосредоточенными, они знали, что впереди их ждёт самое трудное. Четверо против всего, что ждало их впереди - против армий «Фронтيرا», против «Сердца», против тьмы, которая скрывалась в горах.

Айрис сделала глубокий вдох, чувствуя, как холодный воздух наполняет её лёгкие, и повернулась к югу. Её голос был твёрдым, когда она заговорила:

- Мы идём. Нам нужно добраться до гор за три дня. Мы не останавливаемся, не отдыхаем дольше, чем нужно. Мы идём, пока не достигнем цели.

Она развернулась и пошла на юг. Элиас пошёл рядом с ней, его шаги были ровными и уверенными, несмотря на рану. Келл и Рен следовали за ними, их тени вытягивались на песке под лучами солнца, которое клонилось к закату. Они шли по безмолвной пустоши, и ветер дул в лицо, неся песок и холод. Тишина была почти абсолютной - только звук их шагов, скрип ремней и дыхание разрывали её.

Айрис чувствовала себя одинокой, несмотря на то, что рядом с ней был её отряд. Она чувствовала пустоту, которая образовалась на месте тех, кто ушёл. Она думала о матери - о Марии Холл, которая оставляла ей знаки на стенах разрушенных городов, которая ждала её где-то в горах. Она думала о сестре, которую потеряла, о деде, которого убил клон, о правде, которую она должна была узнать. Она думала о «Сердце» - о том, что ждало их в глубине гор, о том, что могло изменить всё.

Она не знала, что найдёт там. Она не знала, сможет ли она остановить «Протокол 7» и предотвратить глобальную катастрофу. Она не знала, увидит ли она свою мать живой или только её следы. Она не знала, вернётся ли она из этого похода. Но она знала, что должна это сделать. Ради всех, кто остался позади. Ради тех, кто ждал их возвращения. Ради тех, кто верил в неё.

Она продолжала идти, чувствуя, как каждый шаг приближает её к ответам, как каждый шаг уносит её от прошлого, как каждый шаг приближает её к будущему. Она смотрела на горы, которые вырастали на горизонте, тёмные и зловещие, и знала, что там, за ними, ждёт её судьба. И она была готова встретить её. Что бы она ни принесла.

Они шли третий день. Пустошь менялась с каждым часом - земля становилась всё более каменистой, трещины расщелили её, как шрамы, и местами приходилось обходить глубокие провалы, которые уходили вниз, в чёрную неизвестность. Ветер дул с гор, холодный и сухой, он нёс мелкий песок, который оседал на одежде, на лице, скрипел на зубах. Небо было серым, низким, тяжёлым - оно давило на горизонт, сливаясь с землёй в единую бесконечную пустоту.

Айрис шла впереди. Её шаги были ровными, автоматическими - она давно перестала чувствовать усталость, только глухую боль в ногах и сухость в горле. Она держала карту в руках, но почти не смотрела на неё - ориентиры были вокруг. Старые каменные столбы с вырезанными символами встречались через каждые полчаса, и каждый раз она проходила мимо, не останавливаясь, только отмечая взглядом, что путь верен.

Элиас шёл за ней на два шага. Его плечо, перевязанное и затянутое, побаливало при каждом резком движении, но он не подавал виду. Он нёс рюкзак с водой и патронами, переключая его с плеча на плечо, когда мышцы начинали гореть. Его глаза сканировали землю - он искал следы, ловушки, признаки того, что здесь уже проходили другие. Пока ничего не было.

Келл двигался справа, чуть в отдалении. Его винтовка висела на ремне, но он держал руку на цевье - готовый вскинуть оружие за секунду. Он смотрел вперёд, не отвлекаясь, и его шаги были бесшумными - привычка, выработанная годами.

Рен шёл сзади, низко опустив голову, глядя на небольшой экран в руках. Аппаратура пищала короткими сигналами - слабыми, почти незаметными. Он не говорил, но его нахмуренные брови говорили сами за себя. Сигналы «Фронтiera» были рядом.

Земля поднималась. Они начали подъём. Гравий осыпался под ногами, и каждый шаг требовал усилий - ноги скользили, камни катились вниз, нарушая тишину. Айрис подняла голову и посмотрела вверх. Горы нависали над ними - чёрные, угловатые, с острыми пиками, которые упирались в облака. Они были уже почти у их подножия.

Она остановилась на мгновение, вытерла пот со лба и сделала глоток воды из фляги. Вода была тёплой, с металлическим привкусом, но она утоляла жажду. Она протянула флягу Элиасу, тот взял её, сделал несколько глотков и вернул. Никто не сказал ни слова.

Они продолжили путь. Тропа сужалась, и теперь они шли друг за другом. Над головой кружили птицы - редкие, чёрные, их крики были резкими и короткими, как предупреждения. Айрис смотрела на них краем глаза, но не останавливалась.

Через час они достигли подножия. Перед ними открылся проход - узкий, каменистый, уходящий вглубь скал, как вход в чрево. С обеих сторон поднимались отвесные стены, и казалось, что здесь никогда не было солнца - только тень, холод и тишина.

Айрис остановилась на краю прохода. Она достала карту и развернула её, но ветер тут же попытался вырвать бумагу из рук. Она прижала её к груди, сверилась с ориентирами и поняла - они пришли. Тот самый путь, отмеченный на карте, начинался здесь.

Она убрала карту и сделала шаг вперёд, в тень гор. За ней шагнул Элиас. Затем Келл. Затем Рен.

Они вошли в проход, и свет снаружи быстро исчез. Вокруг стала тьма - плотная, осязаемая, влажная. Только звук их шагов, отражённый от каменных стен, сопровождал их. Путь уходил вглубь, и они шли по нему, не останавливаясь, не оглядываясь. Впереди было «Сердце». Они знали это. И они шли.

Они поднялись на холм на шестой день пути. Пустошь осталась позади, уступив место каменистой местности, которая вела к горам. Айрис шла впереди, сверяясь с картой, когда холм внезапно открыл перед ними вид на долину. Она замерла, и отряд остановился за ней.

Внизу, в долине, раскинулся огромный лагерь «Фронтيرا». Тысячи палаток, сотни машин, танки, дроны - всё это было выстроено в идеальном порядке, как хорошо отлаженная машина. Солдаты маршировали, техника готовилась к выезду, и в воздухе витал запах дизельного топлива и металла. Айрис смотрела через бинокль и чувствовала, как холод пробегает по спине. Это была их основная база. Отсюда они пойдут в наступление на север.

Она опустила бинокль и повернулась к Элиасу. Её голос был ровным, но в нём чувствовалось напряжение:

- Там их армия. Тысячи солдат. Если они двинутся сейчас, у Союза нет шансов.

Элиас смотрел вниз, изучая лагерь. Его глаза быстро сканировали периметр, вышки, патули. Он сказал:

- Мы можем устроить диверсию. Отвлечь их.

Айрис покачала головой. Она знала, что это не сработает.

- Нет. Нам нужно найти «Сердце». Оно должно быть здесь, под лагерем. Они не зря держат здесь всю армию.

Она спрятала бинокль в рюкзак и посмотрела на своих бойцов. Элиас, Келл, Рен - они ждали её приказа. Она чувствовала, как решимость наполняет её.

- Мы проникнем в лагерь ночью, - сказала она. - Мы найдём «Сердце» и остановим его.

Они спустились с холма, чтобы подготовиться к ночной операции. Впереди их ждал лагерь, полный врагов. И они должны были пройти через него.

Они лежали на холме и наблюдали за лагерем целый день. Жесткая, выжженная солнцем трава колола локти даже сквозь плотную ткань курток, а земля под грудью хранила дневное тепло, смешанное с сыростью приближающихся сумерек. С каждой минутой ветер менял направление, и вместе с ним доносились обрывки звуков: то лязг гусениц, то гортанные выкрики команд, то далекий, металлический стук полевой кухни. Айрис и Элиас вросли в этот склон, слившись с серой и бурой растительностью, неподвижные, как валуны, терпеливые, как хищники перед решающим броском.

Солнце медленно, почти неохотно, двигалось по небу, волоча за собой шлейф багряного заката. Оно отбрасывало длинные, густые тени на долину, превращая технику в чудовищных насекомых с искривленными конечностями, а палатки - в гигантские грибы, выросшие на маршевой равнине. Свет умирающего дня дробился в стеклах приборов и иллюминаторах бронетранспортеров, слепил глаза, но они оставались неподвижными, лишь изредка моргая, чтобы

смахнуть сухую пыль, оседающую на ресницах. Айрис вглядывалась в каждый уголок вражеской базы с той хирургической точностью, которая вырабатывается годами выживания. Она считала солдат, разбивая их на группы по секторам, запоминала расположение техники - где стояли зенитные установки, где застыли коробки танков, где копошились механики у открытых моторных отсеков. Она отмечала патрули: их скорость, маршруты, время прохождения контрольных точек, то, как они перекидывали оружие с плеча на плечо, когда выходили на открытое пространство.

Лагерь охранялся плотно - это давило на грудь физической тяжестью. Она видела это по всему: посты стояли не просто через каждые сто метров, а с перекрытием секторов обстрела, так что даже если один часовой моргнет, его сразу подстрахует соседний. Прожекторы на вышках рыскали по периметру с механической монотонностью, выписывая на местности световые коридоры, заливая белёсым холодным светом мёртвые кустарники и оставляя за собой лишь слепящие пятна перед глазами. Часовые сменяли друг друга по строгому, как швейцарские часы, графику, и эта железная дисциплина говорила о том, что внутри лагеря не просто солдаты, а хорошо отлаженная военная машина, готовая к любой угрозе. Между рядами колючей проволоки виднелись свежие следы от мин - земля была аккуратно взрылена, а кое-где торчали едва заметные усики растяжек. Даже птицы облетали эту зону стороной.

Айрис чувствовала, как внутри неё разрастается липкий, холодный ком тревоги. Проникнуть в это сердце вражеской мощи будет почти невозможно. Слишком много глаз - тысячи пар зрачков, которые могли заметить даже дрожание травинки. Слишком много огней - ярких, безжалостных, выжигающих все тени. Слишком много путей, и каждый из них, казалось, вел к смерти - либо в зубах овчарок, которых она видела у южных ворот, либо под перекрестным огнем стационарных пулеметных гнезд. Она представила, как их тела могут остаться здесь, на этой колючей сухой траве, никем не замеченные до следующего утра. Но где-то в самой глубине, там, где здравый смысл сталкивается с отчаянием, она слышала тихий, упрямый голос: она не сдастся.

Она не просто наблюдала - она искала слабое место, изучая каждую рваную тень от ангаров, каждый промежуток между сменами патрулей, который длился на три секунды дольше положенного, каждую драгоценную секунду, когда прожекторы отворачивались к востоку, оставляя западный сектор в зыбком полумраке. Её мозг работал как счетная машина: она вычисляла углы, траектории, время реакции охранников. Она искала волшебный зазор, узкую брешь, даже намек на человеческую ошибку, но пока что лагерь казался неприступной крепостью, выкованной из стали и безразличия.

Элиас лежал рядом, его дыхание было таким же ровным и тихим, как у камня. Но в отличие от неё, его взгляд был устремлен не на стены и вышки - он следил за движением. Его глаза, привыкшие к чтению карт и анализу колонн, сканировали лагерь по иному принципу: он видел логистику. И именно он заметил то, что сначала ускользнуло от её острого, но заикленного на периметре внимания. Техника, которая сновала по центральной магистрали лагеря, шла не на север, к предполагаемой линии фронта, а в горы. Массивные грузовики с герметичными кузовами, бронемшины сопровождения и цепочки солдат с полной выкладкой не разворачивались для атаки - они сворачивали к восточному краю долины, туда, где скалы поднимались отвесной стеной. Колонны машин и людей утопали в вечерней дымке, направляясь к подножию, к тому самому месту, где, судя по древним картам, скрывался замаскированный портал - вход в подземелье, хранилище Сердца.

Его сердце пропустило удар. Он моргнул, перепроверил, сверил с направлением ветра и шумом моторов. Ошибки не было. Это не были оборонительные редуты и не передислокация - это был целенаправленный, уверенный марш, словно они точно знали, куда идут и что ищут. Элиас почувствовал, как внутри него нарастает холод, более острый, чем ночной ветер. Они

опоздали на шаг. Он медленно, чтобы не выдать себя резким движением, повернул голову к Айрис, и его шёпот прозвучал резко и жестко, как треск ломаемой ветки:

- Айрис. Смотри не на вышки. Смотри на то, как они движутся. Они не готовятся к наступлению на Союз. Они даже не окапываются. Они готовятся войти в горы. Сейчас, в течение следующей смены. Они собираются активировать «Сердце».

Айрис вздрогнула, и её взгляд метнулся в указанном направлении. Она увидела то же, что и он - бесконечную ленту машин, уходящую в скалистое жерло ущелья, и в этот момент лоскутная картина сложилась в единое целое. Лагерь был не крепостью, а лишь прикрытием. Шлюзом. Трапом. В её глазах мелькнула не просто искра понимания - в них вспыхнула тревога, смешанная с яростью. Она поняла, что все их часы наблюдения, вся боль в затекших мышцах, вся пыль в легких - это лишь отсчет времени до того момента, когда они потеряют всё. У них не было времени на сложные планы, на многоходовые комбинации или ожидание подкрепления. Если «Фронтир» войдёт в горы и активирует «Сердце» до того, как они смогут добраться до реактора, все их усилия, все жертвы, все сожженные мосты за спиной - всё будет погребено под толщей камня.

- Мы должны попасть туда сегодня, - сказала она, и в голосе её больше не было сомнений, а только сталь и сожженный керосин. - Иначе будет поздно. Не завтра утром, не через час. Сейчас. Пока они заняты построением колонны и не ждут атаки с холмов, пока их внимание направлено внутрь ущелья.

Она сжала кулаки до хруста в суставах, чувствуя, как адреналин, густой и горячий, наполняет каждую клетку её тела, заставляя кровь стучать в висках в такт далекому гулу двигателей. Она уже не наблюдала - она готовилась к действию. Её мозг переключился из режима сканера в режим оружия: она просчитывала первый бросок, первые сто метров, первую точку укрытия за разбитым транспортером. Они должны были проникнуть в этот кишачий солдатами муравейник, пройти через тысячи обученных убийц, мимо танков, которые могли превратить их в кровавое пятно одним выстрелом, и остановить «Сердце». Это казалось безумием. Самоубийством. Это было невозможно по всем законам тактики и физики. Но она знала: другого выхода не было. И именно это - отчаянная, почти безумная невозможность - делала их единственным шансом. Айрис встала на одно колено, поправляя ремень автомата, и взглянула вниз, в пасть вражеского лагеря, готовая шагнуть в самое пекло.

В лагерь въехала колонна машин. Они двигались медленно, торжественно, почти церемониально, как будто их прибытие было не просто логистическим манёвром, а частью древнего ритуала, прописанного в забытых хрониках. Шесть бронированных вездеходов с затемнёнными стеклами, за которыми угадывались силуэты телохранителей, и один центральный - матово-чёрный, без опознавательных знаков, с хищными обводами, напоминающими спинного хребта какого-то доисторического ящера. Гусеницы оставляли за собой глубокие, чёткие следы в пыльной земле, и пыль - тяжёлая, маслянистая - оседала на листьях чахлах кустарников, поднимаясь до небес рыжей завесой. Шествие остановилось у самого сердца лагеря, у естественного возвышения из битого камня и бетонных плит, наспех сколоченного в импровизированную трибуну. Двигатели, пофыркивая, заглохли, и на несколько секунд воцарилась та тягучая тишина, которая бывает только перед грозой, когда даже сверчки замолкают в предчувствии.

Дверца центральной машины открылась с тихим, почти ласкающим слух шипением пневматики, и из неё вышел человек в чёрном плаще. Он был высоким, неправдоподобно высоким, с узкими плечами и длинными, суставчатыми руками, которые, казалось, висели чуть ниже колен. Его движения были плавными и уверенными - каждое из них походило на движение маятника старых часов: точное, выверенное, лишённое суеты. Он ступал по земле так, словно не касался её, словно сама гравитация подчинялась его шагам. Его фигуру окутывал плащ из тяжёлой, струящейся ткани - не чёрной, а цвета запекшейся крови в сумерках, с багровым

отливом по краям, когда заходящее солнце цеплялось за плечи. Но самое жуткое - его лицо. Его полностью скрывала железная маска - холодная, бесстрастная, без единого намёка на человеческие черты. Глазницы пустовали, но за ними угадывалось что-то тлеющее, не свет, но и не тьма - скорее отсутствие всякого света, пустота, которая давила на психику сильнее, чем самый свирепый взгляд. Ни губ, ни скул, ни морщин - только гладкий, отполированный металл, на котором мутно отражались силуэты солдат и умирающий свет заката.

Он поднялся на возвышение одним долгим, текучим движением, и в тот же миг тысячи солдат замерли, как по команде «Смирно!», хотя приказа никто не отдавал. Замерли не просто, а с какой-то неестественной, кукольной неподвижностью - даже дыхание, казалось, приостановилось. В лагере воцарилась абсолютная тишина, такая глубокая и плотная, что Айрис сквозь линзы бинокля слышала только собственный пульс, гулко отдающий в висках, и далёкий, утробный гул генераторов, похожий на дыхание спящего зверя. Ветры стихли, пыль осела, даже собаки в питомниках прижали уши и заскулили, спрятав морды в лапы. Это был не порядок - это была одержимость.

Айрис смотрела через бинокль, и впервые за много лет её руки, привыкшие к смерти и стабильности прицела, дрогнули. Стекло бинокля на мгновение запотело от её учащённого дыхания. Она видела его впервые - не на фотографиях, не на голографических проекциях, а живьём, во плоти, в этом стерильном железном обличье. Она чувствовала, как ледяной палец страха проводит по её позвоночнику снизу вверх, заставляя волоски на шее встать дыбом. Он выглядел не как человек - он выглядел как символ. Как воплощение чего-то большего, чем просто лидер. Он был иконой, выкованной из жести и человеконенавистничества, архетипом, который нельзя убить пулей, потому что пуля не убьёт идею.

И тогда он начал говорить. Его голос, усиленный мощными динамиками, разнесся по всему лагерю, отражаясь от брони машин, от скал, от металлических каркасов палаток, и достигал даже холма, где лежала Айрис, заставляя землю под нею вибрировать на низких частотах. Голос был низким, ровным, обволакивающим - как тёплое масло, стекающее по голой коже. В нём не было истерики или фальшивой патетики, он был спокоен, как глубина океана, и гипнотичен, как завывание ветра в горном ущелье. Каждое слово врезалось в сознание, обходя кору головного мозга и проникая прямо в лимбическую систему:

- Братья и сёстры! Мы стоим на пороге нового мира! - произнёс он, и в голосе послышался металлический резонанс, будто внутри маски работал миниатюрный генератор. - Мира, где не будет боли, не будет страданий, не будет слабости! Мира, где плоть уступит место стали, а воля - месту бессмертия! Мы создадим его своими руками, пролитой кровью и переплавленным железом! Мы очистим землю от скверны человеческого несовершенства, выжжем её калёным огнём, чтобы на пепле взошёл новый сад!

Айрис слушала его, и её желудок сжимался в тугой, болезненный узел, подкатывая жёлчь к горлу. Она знала - это не просто речь. Это не пропаганда и не агитация в привычном смысле. Это гипноз. Его голос проникал в сознание не через логику, а через ритм и тембр, овладевая умами солдат так же, как змея овладевает кроликом перед броском. Она видела в бинокль, как лица солдат меняются, словно по волшебству: на смену напряжённым, колющим взглядам приходит тупая, блаженная преданность; сутулые плечи распрямляются; сомнения, читаемые в каждом изгибе губ, тают, уступая место безграничной, почти животной вере. Они смотрели на него с благоговением, как на пророка, сошедшего с горы, или на бога, явившегося в образе смертного. Некоторые солдаты опускались на колени, не в силах стоять под тяжестью его слов; другие, напротив, выпрямлялись, сжимали оружие и смотрели вперёд с фанатичным блеском в зрачках, готовые убить и умереть по одному его кивку.

Айрис опустила бинокль, потому что её руки больше не могли держать его ровно - пальцы мелко дрожали от перенапряжения и холодного ужаса. Она глубоко вдохнула сухой, горький воздух и посмотрела на Элиаса. В её глазах больше не было аналитического холода наблюда-

теля - там была твёрдая, как алмаз, решимость, смешанная со страхом, который не парализует, а закаляет. Её голос сорвался до шёпота, но шёпот этот был острее крика:

- Это он. Элиас, это Арбитр. Я видела его. Я знаю его голос теперь. Он не человек, он - машина для уничтожения воли. Мы должны не просто остановить Сердце. Мы должны остановить его.

Она снова поднесла бинокль к глазам, прикусив губу до металлического привкуса крови, чтобы сосредоточиться. Она вглядывалась в фигуру в чёрном плаще, стоящую на возвышении под багровым небом, в эту статую, обрамлённую огнями прожекторов. Она знала, что это только начало, лишь первый акт трагедии. Но она также знала - теперь она видела врага в лицо. И это знание одновременно лишало её покоя и давало ей нечто большее, чем план. Оно давало ей цель.

Арбитр продолжал говорить, и каждое его слово вгрызалось в тишину вечернего воздуха, как раскалённое клеймо в сырую древесину. Его голос, усиленный динамиками, не просто разносился над лагерем - он просачивался сквозь поры, проникал в каждое ухо, в каждое сознание, в каждый произвольный вздох тысяч солдат, застывших внизу. Он не повышал тона, не срывался на крик, но в его монотонном, раскатистом баритоне звучала такая абсолютная, незыблемая уверенность, что любой, кто слышал его, начинал сомневаться в собственных мыслях, в собственном дыхании, в собственной реальности. Голос окутывал, как плотный, липкий туман, в котором тонут ориентиры и гаснут воспоминания о том, кем ты был до этой секунды.

Он говорил о «чистоте» - и это слово звучало у него как молитва, как заклинание, как имя забытого бога. Он говорил, что мир болен, что он прогнил до основания, что человечество - это раковая опухоль на теле планеты, и единственное лекарство - это скальпель, выкованный из воли и железа. Он говорил о том, что мир должен быть очищен от слабых, больных, несовершенных, от тех, кто не может идти в ногу с новой эрой, от тех, чьи гены, мысли и души - балласт, тянущий всех на дно. Он называл это не жестокостью, а милосердием. Он называл это не убийством, а спасением. Каждое его слово было отточено до бритвенной остроты, и за ними стояла не просто риторика - стояла философия, выстроенная с математической точностью, где не было места случайностям, эмоциям или прощению.

Он говорил о «новом мире» - о мире, который они построят на костях старого. Мира, где каждый будет сильным, потому что слабые будут отсеяны естественным отбором, ускоренным волей Арбитра. Мира, где не будет войн и голода, потому что не останется тех, кто развязывает войны, и тех, кто страдает от голода. Он рисовал картинырая на земле: города из стекла и света, поля, усеянные золотыми колосьями, дети, которые никогда не будут знать слёз, старики, которые не будут знать болезни. Но в этом раю не будет места состраданию, не будет места сомнению, не будет места свободе - будет только порядок, безупречный, как шестерёнки часового механизма. И когда он говорил о «переселении», о том, что избранные будут жить в этом раю, а остальные - исчезнут, словно их никогда и не было, его голос звучал не как угроза, а как аксиома. Как таблица умножения. Как закон природы.

Его голос звучал как приказ, но не грубый окрик сержанта, а как голос совести, которую невозможно обмануть. Как истина, которую нельзя оспаривать, потому что она не требует доказательств. Он был ровным, спокойным, почти гипнотическим - в нём чувствовалась сила, которая заставляла верить каждому слову против собственной воли. Это был не человек, убеждающий толпу, это был поток сознания, который переписывал нейронные связи, заставляя мозг подчиняться чужому ритму. Солдаты стояли неподвижно, замороженно, многие из них покачивались в такт его интонациям, словно под влиянием музыки. Их глаза были широко открыты, но взгляд отсутствовал - они смотрели на него с благоговением, с поклонением, с той экстатической преданностью, которую можно увидеть только у фанатиков, принесших в жертву своё «я». Они смотрели на него как на бога, как на спасителя, явившегося в самый тёмный час, чтобы вывести их из тьмы. Некоторые плакали - слёзы текли по их грязным щекам,

но лица оставались бесстрастными; другие, напротив, оскаливались в фанатичных улыбках, сжимая оружие так, что костяшки пальцев белели до синевы.

Айрис смотрела на них через бинокль, и её внутренности скручивало не столько от страха, сколько от отвращения - густого, почти физического отвращения, смешанного с горькой, бессильной жалостью. Она понимала: это не люди. По крайней мере, не те люди, какими они были рождены. Их личности были стёрты, переплавлены в однородную массу, лишённую воли, критики, даже инстинкта самосохранения в том виде, в каком он знаком каждому живому существу. Это зомби, подумала она. Не в мистическом смысле, а в механическом - биороботы в человеческой оболочке, готовые умереть за него, убивать за него, потому что они искренне, до глубины спинного мозга верили, что он спасёт их. Но они не знали, что они - жертвы, первые и главные жертвы его плана. Они думали, что они герои грядущей эпопеи, избранные воины света, которые сметут старый мир. Они думали, что их смерть будет осмысленной, что их имена запишут в скрижали новой истории. Но Айрис видела иное: она видела пушечное мясо, удобрение для полей «нового мира», которое само с радостью ложится под нож. Они были просто инструментами, расходным материалом, который Арбитр пересчитает и выбросит, как только они выполнят свою функцию.

Она опустила бинокль, и на мгновение закрыла глаза. Внутри неё боролись два голоса: один шептал, что это безнадежно, что против такой силы невозможно бороться, что лучше уйти, спрятаться, выжить; второй - более тихий, но твёрдый, как скала, - напоминал ей о тех, кто ждал их возвращения, о детях, которые могут никогда не увидеть «нового мира», о союзниках, погибших за то, чтобы она стояла здесь сейчас. Она открыла глаза и повернулась к Элиасу. Её голос был тихим, почти шёпотом, но в нём не было ни тени сомнения или колебания - только сталь и выжженная земля под ногами:

- Мы должны остановить его. Не завтра. Не после того, как он завершит ритуал. Мы должны остановить его сейчас, пока он говорит, пока они все смотрят на него, пока их внимание приковано к этому металлическому идолу. Мы не можем позволить ему закончить эту речь, потому что каждое его слово - это ещё одна душа, потерянная навсегда.

Она смотрела на него в упор, и в её глазах горела не просто решимость - горела холодная, спокойная ярость, которая не кипит, а тлеет ровным, немигающим пламенем. Она знала, что это будет тяжело. Она знала, что они могут не выжить в этой атаке. Но она также знала, что должна сделать это - не из чувства долга, не из слепого героизма, а из простого, животного понимания: если не сейчас, то никогда. Ради всех, кто верил в ложь и стоял там, внизу, с поднятыми к небу глазами. Ради всех, кто не знал правды и кто уже никогда не узнает, если Арбитр замкнёт круг своих обещаний. Айрис передёрнула затвор автомата, и металлический щелчок прозвучал в тишине холма громче любого взрыва. Она была готова.

Арбитр говорил и говорил, и его голос струился над лагерем, как маслянистая, тёплая вода, просачиваясь в каждое ухо, в каждое сознание, в каждую клетку тел застывших солдат. Айрис слышала его каждое слово, каждый выдох, каждую микроскопическую паузу между фразами, и вдруг что-то странное, почти неуловимое, щёлкнуло в её сознании - как сработавший предохранитель в старой, забытой машине. Она замерла, перестав дышать, чувствуя, как ледяной, колющий ток пробегает по её позвоночнику от копчика до затылка, заставляя волосы на руках встать дыбом. Бинокль в её пальцах дрогнул, и изображение на мгновение смазлось, но она не пыталась навести резкость - она просто слушала. Вслушивалась до боли в ушах, до звона в висках, отсекая все посторонние звуки: шум генераторов, лязг гусениц, шелест ветра.

Она узнала этот голос. Не просто узнала - его тембр врезался в её память, как зазубренный клинок, оставляя глубокие, кровоточащие борозды. Это был не просто голос Арбитра. Это был голос, который она слышала в старых, покрытых помехами записях Архитектора, найденных в руинах исследовательского центра «Феникс» много лет назад. Тот же низкий, обволакивающий бархатистый регистр. Те же интонации - спокойные, уверенные, лишённые малей-

шего намёка на сомнение. Те же паузы, которые он делал между ключевыми словами, чтобы они оседали в сознании слушателя, как капли тяжёлого металла на дно сосуда. Те же акценты на определённых слогах, та же манера растягивать гласные, придавая им почти музыкальную, гипнотическую текучесть. Даже тембровая вибрация на низких частотах - та самая, которая заставляла резонировать грудную клетку, - была идентична до мельчайшего герца. Это было не совпадение. Это было копирование. Точное, хирургическое, безжалостное.

Она слушала его, и мир вокруг неё переворачивался с ног на голову. Земля под локтями казалась зыбкой, невесомой, словно она лежала не на твёрдом склоне холма, а на поверхности мыльного пузыря, готового лопнуть в любой момент. Её желудок скрутило, и во рту появился металлический привкус адреналина. Она понимала - Арбитр не просто ученик, не просто последователь, не просто наследник идей Архитектора. Он - копия. Буквальная, цифровая, биомеханическая копия. Архитектор создал его по своему образу и подобию, как сложную куклу, как марионетку на невидимых нитях, которая будет продолжать его дело даже после того, как Архитектор исчез. Он не был человеком, рождённым женщиной и выросшим в муках выбора. Он был проектом. Чертёжом, воплощённым в металле и плоти. Программой, загруженной в биологический носитель, которая должна была завершить то, что Архитектор начал, - переписать историю, перекрасить мир, переплавить человечество. И этот голос, этот точный до омерзения слепок архитекторского голоса, был не просто инструментом пропаганды - он был ключом, который отпирал сознания, потому что был создан тем же разумом, тем же алгоритмом, той же холодной, инженерной любовью к совершенству.

Айрис опустила бинокль медленно, почти церемониально, словно боясь, что резкое движение разрушит хрупкую нить её нового понимания. Она повернулась к Элиасу, и её глаза - широкие, тёмные, с расширенными от шока зрачками - встретились с его глазами. Её голос, когда она заговорила, был тихим, едва слышимым на фоне далёкого голоса Арбитра, но в нём звучало тяжёлое, кристально чистое осознание, которое невозможно подделать:

- Это не он. Это не человек. Это программа. Архитектор создал его. Я слышала этот голос в записях. Те же модуляции, те же частоты, те же паттерны речи. Это не преамбула. Это - исполняемый файл, загруженный в оболочку.

Элиас смотрел на неё с непониманием, которое быстро перерастало в тревогу. Его лицо, обычно спокойное и сосредоточенное, напряглось, на лбу пролегла глубокая складка, и он инстинктивно подался вперёд, приподнимаясь на локтях, чтобы лучше слышать её шёпот. Он пытался осмыслить её слова, но они не укладывались в привычную картину мира. Он открыл рот, чтобы что-то спросить, но вместо вопроса вырвалось только короткое, сиплое дыхание. Потом он переспросил, и в его голосе проскользнула едва заметная хрипотца, выдающая внутреннее потрясение:

- Что ты имеешь в виду? Как - создал? Он выглядит как человек. Он двигается как человек. Как ты можешь быть уверена?

Она покачала головой, и этот жест был не отрицанием, а признанием собственного неведения. Она не знала всех деталей - как именно Архитектор сотворил эту сущность, на каком оборудовании, с какой целью и сколько времени это заняло. Но она знала достаточно. Она знала голос. И она знала, что в этом мире не бывает совпадений такой точности. Она посмотрела на лагерь, на фигуру в чёрном плаще, стоящую на возвышении под багровым небом, и её взгляд стал жёстче, холоднее, почти инженерным:

- Я не знаю, - сказала она, и в голосе её звучала сталь, отточенная годами выживания. - Но я знаю, что он не настоящий. Он - машина. Идеальная, убедительная, но машина. У машин есть коды. У машин есть протоколы. У машин есть слабости. И если его создал Архитектор, значит, он подчиняется тем же законам, что и всё, что вышло из рук Архитектора.

Она чувствовала, как внутри неё, на смену холодному ужасу, рождается новая, почти дерзкая надежда. Она не убивает человека. Она отключает машину. Это не обесценивало её

миссию - наоборот, делало её более реалистичной. Человека нельзя перепрограммировать на расстоянии, нельзя остановить одним взломом или умело наведённым электромагнитным импульсом. Но программу можно. Машина не обладает той спонтанной, хаотичной, непредсказуемой волей, которая есть у живого существа. И это знание давало ей не моральное оправдание, а тактическое преимущество. Она снова подняла бинокль, на этот раз без дрожи, и принялась сканировать возвышение, вышки, телохранителей, саму фигуру Арбитра, выискивая признаки уязвимости - может быть, антенну, встроенный модуль связи, блок питания, любое устройство, которое выдавало бы его искусственное происхождение.

- Мы должны найти его слабое место, - сказала она, и голос её звучал уже не как вопрос или мольба, а как директива. - Архитектор запрограммировал его на определённые сценарии. Может быть, на прерывание речи, на определённые сигналы, на критические частоты. Мы должны вспомнить всё, что мы знали об Архитекторе, и найти способ взломать его создание.

Она перевела взгляд на Элиаса, и в её глазах горел тот самый огонь, который зажигается только тогда, когда в кромешной тьме появляется слабый, но верный луч. Она не знала, как именно они отключат Арбитра, но она знала, что это возможно. Она сжала бинокль так, что пластик жалобно скрипнул в её пальцах, и её губы беззвучно шептали единственное слово, которое стало их новым планом: «Слабость». Они найдут её, даже если для этого придётся перерывать каждый файл в старых архивах и каждый закоулок собственной памяти.

Айрис сидела на холме, вросшая в сухую, колючую землю, и смотрела на лагерь внизу, погружающийся в сумерки. Арбитр закончил свою речь так же внезапно, как и начал, - последнее слово повисло в воздухе, эхом отразившись от скал, и он, не оборачиваясь, спустился с возвышения и скрылся в чёрном шатре, оставив после себя только гулкую, давящую тишину. Тишину, которая была тяжелее любого крика. Тысячи солдат застыли ещё на несколько секунд, словно ожидая продолжения, а потом, как по невидимому сигналу, разом выдохнули, и лагерь ожил - загудели моторы, застучали сапоги по утрамбованной земле, зазвенела посуда в полевых кухнях. Но напряжение, выплавленное его словами, осталось висеть в воздухе, как озон после грозы, - его можно было потрогать, ощутить кожей, оно просачивалось в лёгкие вместе с пыльным вечерним воздухом.

Солнце медленно садилось за горизонт, утопая в полосе багряных и фиолетовых облаков, окрашивая небо в густые, тёмные тона. Тени начали удлиняться, выползая из-под машин и палаток, сливаться в сплошные чёрные пятна, скрывая лагерь в зыбком полумраке, который одновременно давал укрытие и таил опасность. С каждой уходящей минутой света становилось меньше, и мир сжимался до размеров этого холма, до дыхания Элиаса рядом, до собственного пульса, который стучал в висках тяжело и размеренно, отбивая секунды до того момента, когда они должны будут сделать шаг в неизвестность. Ветер переменился и теперь дул с гор, принося с собой запах сухой полыни и далёкого, едва уловимого металлического холода, который шёл из недр ущелья - оттуда, где спряталось Сердце.

Айрис смотрела на темнеющее небо, где одна за другой зажигались первые, робкие звёзды, и думала о том, что только что поняла. Её мозг, уставший от напряжения долгого дня, работал с лихорадочной ясностью, перебирая факты, как чётки: голос Архитектора в Арбитре, его точная копия до мельчайших модуляций, его манера, его философия - всё это было не наследием, не ученичеством, не преемственностью. Это было продолжением. Арбитр был не человеком, не личностью, не существом со своей волей. Он был воплощением идеи Архитектора - его последней, застывшей волей, залитой в форму из металла и плоти, как бетон в опалубку. Он был создан, чтобы завершить то, что Архитектор начал, довести его чертежи до реальности, переписать историю, перекрасить мир в серый, стерильный цвет абсолютного порядка. Архитектор мёртв или ушёл в тень, но его детище - эта железная маска, этот завораживающий голос, этот несгибаемый силуэт - осталось, чтобы жить за него, дышать за него, убивать за него.

И в этом осознании лежала горькая, почти парализующая истина: если она убьёт Арбитра - выстрелит, перережет горло, взорвёт его шатёр, - идея не умрёт. Она не имеет единого носителя. Она растворена в сознании тысяч солдат, которые стояли там, внизу, с поднятыми лицами и блестящими глазами. Она живёт в их страхах, их надеждах, их готовности умереть за обещание рая. И если один сосуд будет разбит, идея просто перельётся в другой - найдёт нового пророка, новую маску, новый голос. Арбитр был не человеком. Он был символом. Программой, которая циркулировала в крови этого лагеря, этой армии, этого движения. Символ нельзя застрелить. Программу нельзя расстрелять из автомата.

Она понимала это с холодной, почти математической ясностью, которая не оставляла места для иллюзий. Она должна была не убить Арбитра. Это было бы бесполезно и даже контрпродуктивно - это сделало бы его мучеником. Она должна была разрушить саму идею «чистоты», на которой держался его мир. Она должна была показать людям, стоящим там, внизу, что это ложь - не просто слова, а тщательно сконструированная, проверенная временем ложь, которая высасывает из них человечность, превращая их в покорные винтики огромной машины. Она должна была обнажить механизм обмана, заглянуть в его шестерёнки и продемонстрировать, что вместо спасения они получают лишь пустоту. И она знала, как это сделать - с помощью «Протокола 7». Не как оружия, не как кары, а как скальпеля. Не для того, чтобы уничтожить, а чтобы освободить. Чтобы вернуть тем, кто потерял себя, их настоящие воспоминания - те, которые Архитектор стёр, чтобы заполнить их своей идеологией. Чтобы каждому из этих тысяч солдат, смотрящих на неё сейчас с холма, показать их собственное прошлое, их семьи, их имена, их слёзы и их радости, которые были украдены.

Айрис повернулась к Элиасу. Он сидел рядом, его профиль чётко вырисовывался на фоне багрового заката, и она видела в его глазах тот же огонь, что горел в ней. Её голос, когда она заговорила, был твёрдым и уверенным, лишённым прежних сомнений, - в нём звучала сталь, откованная часами наблюдения и мгновением прозрения:

- У меня есть план. Мы не будем убивать Арбитра - мы проникнем в лагерь, минуя посты и патрули, проберёмся в горы, найдём «Сердце» и активируем «Протокол 7». Не для того, чтобы уничтожить. Для того, чтобы освободить. Мы вернём им их собственные жизни. Мы покажем им, кем они были до того, как их стёрли.

Элиас смотрел на неё долгую, тягучую секунду. В его глазах не было сомнений - только твёрдая, непоколебимая решимость, подкреплённая верой в неё, в её интуицию, в её способность видеть то, что скрыто от других. Он не задавал вопросов, не просил гарантий. Он просто кивнул, коротко и резко, как солдат, принимающий приказ:

- Я с тобой. До конца.

Айрис взяла его за руку - просто, без лишнего пафоса, просто чтобы ощутить тепло другого человека в этом холодном, враждебном мире. Она встала, и ветер ударил в лицо, взметнув пряди волос, но она не чувствовала холода. Внутри неё горел ровный, спокойный огонь - не адреналиновая лихорадка, а глубокая, устойчивая решимость, которая не гаснет даже под самыми сильными порывами.

- Тогда начнём, - сказала она, и в голосе её прозвучала окончательность, как у капитана, который отдаёт команду поднять паруса перед бурей.

Они начали спускаться с холма - медленно, пригнувшись, используя каждую тень, каждый куст, каждую расщелину как укрытие.

Они покинули холм резким, стремительным движением, словно срываясь с привязи. Склон был крутым, покрытым осыпавшимся гравием и жёсткой, высохшей травой, которая цеплялась за голенища сапог, замедляя каждый шаг, но они не сбавляли темпа. Лагерь «Фронттира» остался позади, скрытый за гребнем холма - они больше не видели его огней, не слышали гула генераторов, но его тень всё ещё лежала на их плечах, тяжёлая и липкая, как мокрое одеяло. Казалось, что даже ветер, дующий с севера, не мог сдуть этот давящий привкус металла и

страха, оставшийся во рту после речи Арбитра. У них была информация - бесценная, взрывоопасная, способная переломить ход войны: точное расположение лагеря, численность армии, маршруты патрулей, координаты горного прохода, и главное - планы Арбитра, его намерение активировать «Сердце». Но теперь информация была лишь тяжестью в рюкзаках, бесполезным грузом, если они не доставят её в столицу. Каждая минута была дорога, каждая секунда промедления могла стоить тысяч жизней, и это знание гнало их вперёд с почти животной, инстинктивной силой.

Айрис шла быстро, почти бегом, переходя на лёгкую трусцу там, где земля позволяла, и снова срываясь на шаг на каменистых участках. Её ноги двигались автоматически, неся её вперёд, несмотря на тянущую, ноющую усталость, которая накапливалась в каждой мышце - в икрах, в бёдрах, в пояснице, в плечах, оттянутых лямками тяжёлого рюкзака. Она чувствовала, как пот смешивается с пылью на лице, как сердце колотится в груди с неровным, сбивчивым ритмом, как пересыхает горло, и каждое следующее дыхание даётся чуть тяжелее предыдущего. Но она не останавливалась, даже чтобы смахнуть солёную каплю с ресниц, потому что остановка означала потерю темпа, а потеря темпа означала, что она позволит мыслям догнать её - мыслям о том, что они видели, о том, что они слышали, о том, сколько их ждёт внизу. Элиас шёл рядом, его дыхание было ровным, почти неестественно спокойным, но она видела, как он время от времени сжимает пальцы на раненом плече, сквозь зубы подавляя стон, который рвался наружу при каждом резком шаге. Кровь проступила сквозь повязку тёмным пятном на ткани, но он не жаловался, не замедлял шаг, не просил передышки - только смотрел вперёд, и его взгляд был направлен на север, туда, где за горизонтом ждали свои.

Келл и Рен замыкали отряд, держась друг от друга на расстоянии двадцати шагов, чтобы не подставить обоих под случайный выстрел с флангов. Келл, тяжеловесный и медлительный на вид, двигался с удивительной бесшумностью, его автомат был направлен в сторону, откуда они пришли, а его глаза, маленькие и цепкие, сканировали горизонт с хирургической внимательностью. Рен, напротив, шёл лёгкой, почти танцующей походкой, его голова постоянно поворачивалась из стороны в сторону, фиксируя каждое движение, каждую тень, каждое изменение ветра. Он то и дело поднимал руку, останавливая отряд на мгновение, чтобы прислушаться к далёким звукам пустоши, и после короткой паузы снова давал сигнал продолжать движение. Они не говорили ни слова - воцарившаяся тишина была нарушена только хрустом гравия под подошвами, свистом ветра и их собственным прерывистым дыханием. Язык жестов и взглядов заменил им речь: Келл кивал, когда видел безопасный участок; Рен махал рукой, когда слышал подозрительный шум; Айрис показывала направление, коротко и резко, как удар хлыста.

Они знали, что должны успеть. Должны доставить информацию до того, как «Фронтир» начнёт своё наступление, до того, как Арбитр завершит ритуал и пробудит «Сердце». Айрис на ходу развернула карту - старую, помятую, испещрённую карандашными пометками, - и её глаза пробежали по изогнутым линиям рек и пунктирам троп. До границы обитаемых земель, до первых постов Союза, ещё два дня пути, если они будут двигаться с этой скоростью без привалов. Два дня открытой пустоши, без укрытий, без воды, без защиты, кроме их собственной выносливости и удачи. Два дня, которые могли решить всё - судьбу столицы, судьбу Союза, судьбу каждого, кто ещё не пал под натиском «Фронтира». Она сложила карту и прибавила шаг, чувствуя, как каждый новый шаг приближает их к цели, но каждый новый шаг также отдаляет их от возможности остановиться и передохнуть.

Пустошь простиралась перед ними, бесконечная и серая, как море, которое никогда не кончается. Ландшафт был однообразным до тошноты - редкие кусты колючек, торчащие из трещиноватой земли, как скелеты животных; россыпи битого камня, оставшиеся после древних взрывов; далёкие силуэты разрушенных зданий, похожие на зубы вымершего чудовища. Ветер дул в лицо, неся песок и мелкий гравий, которые впивались в кожу, как сотни игл, и холод просачивался сквозь куртки, добираясь до костей. Айрис чувствовала, как усталость

начинает брать своё - мышцы гудели, голова шумела, перед глазами иногда мелькали тёмные пятна, но она не останавливалась. Она не могла остановиться, потому что остановка означала бы признать, что они могут не успеть. Она должна была вернуться к своим, чтобы они знали, что надвигается. Она должна была предупредить их, чтобы они успели подготовиться, выстроить оборону, эвакуировать мирных, поставить всё на карту в одной, последней битве.

Она продолжала идти, переставляя ноги через силу, чувствуя, как каждый новый шаг приближает её к цели, но каждый новый шаг также стирает последние остатки её сил. Она не знала, сколько ещё смогла бы идти - может, час, может, два, может, до самого утра, если понадобится. Но она знала, что должна. Что выбора у неё нет. Она взглянула на Элиаса - его лицо было серым от боли и усталости, но в глазах горел всё тот же ровный, нестигаемый огонь, который она видела на холме. Он встретил её взгляд и едва заметно кивнул, как будто говоря: «Мы справимся. Мы дойдём». И она кивнула в ответ, чувствуя, как этот простой жест придаёт ей силы. Они продолжали идти, оставляя за спиной тень лагеря и приближаясь к границе, которая отделяла их от спасения.

На второй день пути, когда солнце перевалило за зенит и начало медленно клониться к западу, отбрасывая от камней длинные, искривлённые тени, Айрис внезапно замерла. Она подняла руку, сжав пальцы в кулак - сигнал к немедленной остановке, - и отряд мгновенно врос в землю, словно их тела были частью этого серого, выжженного ландшафта. Она прищурилась, вглядываясь в даль, туда, где пустошь сливалась с горизонтом в дрожащей дымке нагретого воздуха. Сначала она подумала, что это миражи - обманчивые игры света, которые часто сбивали с толку уставших путников, заставляя их видеть то, чего нет. Но нет - фигуры были слишком чёткими, слишком реальными, слишком правильными в своих движениях.

Пять силуэтов в серо-чёрной униформе «Фронтيرا» двигались по пустоши с той уверенностью, которая не оставляет сомнений: они знали, куда идут, и знали, что ищут. Их шаги были неторопливыми, но целенаправленными, головы опущены к земле, глаза сканировали песок, примятую траву, сломанные ветки редких кустарников - каждую мелочь, которая могла выдать присутствие отряда. Они шли по следам, которые Айрис и её товарищи оставили на сухой, потрескавшейся глине: вмятины от подошв, свежие царапины на камнях, сбита пыльца с чахлых растений. Следы были едва заметны, но для обученного глаза разведчика они читались как открытая книга.

Айрис почувствовала, как в груди разрастается холодный, липкий ком тревоги. Её преследуют. Разведчики «Фронтيرا» не просто случайно наткнулись на их тропу - они шли целенаправленно, методично, как гончие, взявшие след. И теперь расстояние между ними сокращалось с каждой минутой. Она быстро оценила обстановку: до разведчиков было около двухсот метров, открытая местность, укрытий почти нет - только россыпи крупных камней и редкие впадины в рельефе, оставшиеся после древних бомбардировок. Если разведчики продолжают двигаться с той же скоростью, они настигнут отряд через десять-пятнадцать минут. Если они побегут, то поднимут пыль и привлекут внимание. Если они попытаются спрятаться, то рискнут быть обнаруженными. Выхода не было - нужно было действовать.

Айрис подала сигнал рукой, указывая на укрытия, и отряд мгновенно рассыпался по позициям. Келл, тяжеловесный и медлительный на вид, бесшумно рухнул за крупный валун, его автомат уже был направлен в сторону врага. Рен скользнул в расщелину между скальными обломками, превратившись в тень, невидимую невооружённым глазом. Элиас прижался к земле за чахлым кустом, его дыхание стало поверхностным и бесшумным, а рука сжала рукоятку ножа. Сама Айрис затаилась за выветренной каменной глыбой, чувствуя, как сердце колотится о рёбра, как солёный пот скатывается по вискам и щиплет глаза. Она смотрела на приближающихся разведчиков, считала их шаги, отмечала их расположение, их оружие, их позы. Они не замечали опасности - их внимание было приковано к следам на земле, а не к камням, за которыми затаилась смерть.

Они переговаривались - обрывки фраз долетали до неё, искажённые ветром, но она слышала смех, небрежные комментарии о погоде, о том, как они надеются закончить погоню до темноты. Один из них, коренастый мужчина с нашивкой сержанта на рукаве, нагнулся, чтобы рассмотреть свежий отпечаток сапога на сухой глине, и удовлетворённо хмыкнул, указывая на него своим товарищам. Двое других подошли ближе, и на мгновение они сгрудились, потеряв обзор по флангам. Айрис задержала дыхание. Они не ждали атаки. Они ждали добычу, которую можно будет взять голыми руками. И это была их главная ошибка.

Она повернула голову к Элиасу, её губы почти не двигались, когда она прошептала едва слышно:

- Мы должны убрать их тихо. Ни одного выстрела. Бесшумные ножи, горло, никакой возни. Если они поднимут тревогу, мы не успеем дойти до границы.

Элиас кивнул, коротко и резко, и в его глазах не было ни сомнения, ни страха - только холодная, сосредоточенная готовность. Он бесшумно обогнул камни, двигаясь вдоль линии видимости разведчиков, используя каждую тень, каждую неровность рельефа как прикрытие. Его тело двигалось как единый механизм - он был тенью, скользящей по земле, неслышной и невидимой. Он занял фланговую позицию, скрывшись за высокой глыбой, и замер там, ожидая сигнала. Келл и Рен также приготовились, их ножи были наготове. Отряд затаился, врос в землю, и пустошь затихла в преддверии удара, нарушаемая только свистом ветра и далёким криком одинокой птицы.

Айрис ждала. Она чувствовала, как каждая секунда растягивается в бесконечность, как адреналин наполняет её тело, делая мышцы пружинистыми, а восприятие - обострённым до предела. Разведчики приближались, их шаги становились всё отчётливее, их лица - всё яснее. Она слышала их голоса, видела их лица - обветренные, жёсткие, глаза, прищуренные от солнца, бритоголовые, с короткими щетинистыми затылками. Они были в десяти метрах. В восьми. В пяти. Когда сержант поравнялся с её укрытием, она сжала рукоятку ножа и замерла, ожидая идеального момента. Ещё мгновение. Ещё один шаг. И тогда она даст сигнал.

Она ждала, готовясь к бою, чувствуя, как мир сужается до размеров этого камня, этого ножа, этого дыхания. Она знала - у них есть один шанс. Одна секунда, которая решит всё.

Айрис дала сигнал.

Она выскочила из-за глыбы бесшумно, как тень, её нож описал короткую дугу и вонзился в горло сержанта с хирургической точностью. Тот успел только выдохнуть - хриплый, булькающий звук, и его тело рухнуло на колени, хватаясь руками за воздух. Одновременно Элиас возник из тени, как призрак, его руки обхватили голову второго разведчика - резкий, сухой хруст, и тело обмякло, оседая на песок без единого звука. Келл, не поднимаясь, метнул нож - сталь вошла в спину третьего между лопаток, тот сделал шаг вперед, споткнулся и упал лицом в пыль, не издав ни стога.

Четвёртый, самый молодой из группы, с испуганными глазами, начал разворачиваться, его рука дёрнулась к автомату, но Рен уже был рядом - удар в основание черепа, и тело рухнуло, даже не коснувшись оружия. Пятый, высокий худой стрелок, стоял в отдалении, его взгляд успел скользнуть по падающим товарищам, он открыл рот, чтобы закричать, но Айрис уже была перед ним, её ладонь зажала его челюсть, а нож вошёл под рёбра с коротким, влажным звуком, заглушённым порывом ветра. Он захрипел, его глаза расширились от неверия, и он осел на землю, сжимая рукоятку ножа в предсмертной судороге.

Всё было кончено. Пять тел лежали на песке, их кровь медленно впитывалась в сухую, потрескавшуюся землю.

Айрис вытерла лезвие о куртку мёртвого сержанта, её дыхание было ровным, но внутри всё дрожало от перенапряжения. Она уже хотела подать сигнал к продолжению марша, когда заметила, как Элиас, убирая нож, наступил на округлый, неустойчивый камень. Его нога поскользнулась на мелком гравии, он потерял равновесие на долю секунды, и в тот же миг один

из разведчиков - тот, что лежал у его ног, ещё живой, в предсмертной агонии - дёрнулся, его палец судорожно нажал на спуск. Пуля, выпущенная вслепую, прошла по касательной, вспоров ткань куртки и кожу на левом плече Элиаса. Он дёрнулся от внезапной, горячей боли, его лицо исказила гримаса, и он прижал ладонь к ране, чувствуя, как пальцы мгновенно становятся мокрыми и липкими от крови. Ткань куртки быстро темнела, пропитываясь алым, и по рукаву побежала тонкая струйка.

Айрис рванула к нему, опускаясь на колени рядом, её руки уже разрывали подол его рубашки, чтобы наложить повязку. Она видела рану - рваную, неглубокую, но кровоточащую, пуля прошла по касательной, не задев кость, но повредив мышцы. Элиас стиснул зубы до хруста, его дыхание стало прерывистым, но он не вскрикнул, не застонал, только тяжело выдохнул и посмотрел на неё:

- Перевяжи. Быстро. И идём дальше.

Она наложила повязку, туго затянув её, чувствуя, как он вздрагивает от боли при каждом её движении, но не останавливаясь, чтобы не растягивать время. Её пальцы были перепачканы его кровью, когда она закончила, и она на мгновение задержала взгляд на его лице, ища признаки того, что он может потерять сознание. Но его глаза были ясными - усталыми, но ясными, и в них горела та же несгибаемая воля, которая вела их через пустошь.

Он поднялся, опираясь на здоровую руку, и, не говоря ни слова, двинулся вперёд, оставляя позади тела разведчиков и своё запёкшееся пятно крови на песке. Келл и Рен уже осматривали горизонт, готовые прикрывать. Айрис сжала кулаки, чувствуя, как адреналин медленно отпускает, оставляя после себя холодную, пустую усталость. Она посмотрела на окровавленную повязку на его плече, и в груди у неё что-то сжалось. Но она не позволила себе остановиться. Она последовала за ним, догоняя его через несколько шагов, и взяла под руку, чтобы поддержать, чувствуя, как он слегка опирается на неё, не позволяя себе замедлить шаг.

Они прошли ещё около часа, прежде чем Айрис приняла решение. Солнце уже начало клониться к горизонту, окрашивая пустошь в рыжие, багровые тона, и её тени становились всё длиннее, давая укрытие. Впереди показалась небольшая впадина - остатки старого бункера, наполовину засыпанного песком, с обломанными бетонными стенами, которые могли укрыть их от случайных взглядов. Она подала сигнал остановиться, и отряд мгновенно рассыпался по позициям: Келл занял наблюдательный пост на верхнем краю впадины, его автомат направлен в сторону, откуда они пришли; Рен скользнул в тень, охраняя противоположный фланг. Айрис подвела Элиаса к единственному уцелевшему куску бетона, который мог служить сиденьем, и усадила его на холодный, шершавый камень, чувствуя, как он тяжело опускается на него, как его плечи поникают от усталости и боли.

Она опустила перед ним на колени, не обращая внимания на острые осколки гравия, которые впивались в кожу сквозь ткань штанов. Её руки, ещё не до конца отмытые от его крови, уже снимали старую повязку, аккуратно отматывая пропитанную тёмным, бурым ткань. Повязка присохла к ране, и когда она отдирала её, Элиас дёрнулся, его дыхание стало более частым и поверхностным, но он не издал ни звука, только сжал челюсти так, что на скулах заходили желваки. Айрис видела рану теперь во всей её неприглядной реальности - рваный край, глубокий, но, к счастью, чистый, без осколков, без инфекции, мышцы были повреждены, но кость осталась цела. Кровь сочилась из глубины медленно, но не пульсировала, что говорило о том, что крупные сосуды не задеты. Она выдохнула с облегчением, которое не показала на лице, и её руки уже тянулись к аптечке, висящей на поясе.

Она достала флагу с чистой водой, единственную, которую они берегли для экстренных случаев, и начала промывать рану, поливая её тонкой струёй, чтобы смыть запёкшуюся кровь и мелкие песчинки. Элиас вздрогнул, когда холодная вода коснулась горячей, воспалённой кожи, и его пальцы вцепились в край бетонного блока, побелев от напряжения. Его дыхание прерывалось на мгновение, но он не отводил взгляда, не жаловался, только смотрел куда-то

в пустоту, стиснув зубы, позволяя ей делать своё дело. Айрис работала быстро, но тщательно - она достала антисептик, пропитала им кусок чистой марли и прижала к ране, чувствуя, как мышцы под её пальцами напрягаются, как он сглатывает стон, проглатывая его обратно, не позволяя себе даже тихого выдоха. Она наложила свежую повязку, затягивая её плотно, но не слишком туго, чтобы не перекрыть кровообращение, и закрепила концы узлом.

Закончив, она подняла глаза и встретилась с ним взглядом. Его лицо было бледным, покрытым мелкими каплями пота, но в его глазах не было ни страха, ни слабости - только та же стальная, негибкая воля, которую она видела в нём всегда. Она посмотрела ему прямо в глаза, и её голос прозвучал твёрдо, без тени сомнения:

- Теперь не шевели рукой. Вообще. Не напрягай её, не пытайся носить рюкзак, не помогай нам. Мы дойдём до города, и там тебя осмотрят. Всё будет хорошо. Ты меня слышишь?

Элиас кивнул, коротко и резко, без лишних слов. Он не пытался спорить, не пытался доказать, что он может идти дальше - он знал, что она права, и он доверял её суждению. Это доверие было безмолвным, но абсолютным, и оно грело её где-то в груди, давая ей силы продолжать, когда собственные ноги уже начинали дрожать от усталости.

Айрис встала, чувствуя, как затекли колени после долгого стояния на коленях. Она протянула ему руку - ладонью вверх, открыто, без колебаний. Элиас посмотрел на её руку, затем на её лицо, и уголки его губ чуть дрогнули в подобии улыбки, которая была скорее усталой, чем весёлой. Он взял её руку своей - той, здоровой, - и она почувствовала тепло его пальцев, их силу, несмотря на слабость во всём теле. Она потянула его вверх, помогая подняться, и он встал на ноги, покачнувшись на мгновение, но удержавшись, выпрямившись во весь рост. Голос его был хриплым, но в нём звучала та же сталь, что и всегда:

- Я иду с тобой. До конца. Что бы ни случилось.

Айрис кивнула. Просто кивнула, без лишних слов, потому что слова были излишни. Они оба знали, что это не пустая фраза.

- Я знаю. Пошли.

Она развернулась и двинулась вперёд, краем глаза видя, как он идёт рядом, опираясь на здоровую сторону, но не отставая, не замедляя шаг. Келл и Рен бесшумно снялись с позиций и пристроились сзади, прикрывая фланги. Отряд снова двинулся по пустоши, оставляя позади бетонные развалины и свежий запах антисептика, смешанный с запахом крови и пыли.

Айрис чувствовала, как силы покидают её с каждым новым шагом. Мышцы ног гудели, спина ныла от напряжения, плечи были стянуты лямками рюкзака, который казался с каждым часом всё тяжелее. Она чувствовала, как внутренний резервуар энергии постепенно опустошается, как её веки тяжелеют, а перед глазами иногда мелькают чёрные точки, но она не останавливалась. Она не могла остановиться, потому что если она остановится, всё остановится - и движение, и надежда, и они сами, потерянные посреди этой бесконечной серой пустоты. Она должна была идти, даже когда внутри всё кричало о пощаде, даже когда каждая клетка требовала отдыха. Она должна была доставить информацию. Она должна была привести их всех к границе. И она шла, чувствуя, как каждый новый шаг приближает их к цели, и зная, что обратного пути уже нет.

На третий день, когда солнце уже перевалило за зенит и пустошь начала медленно сменяться редкими пятнами зелени, они наконец увидели его. Город вырос из серой земли, как мираж, но на этот раз он был реальным - его стены, сложенные из бетонных блоков и ржавого металла, были высокими и массивными, усеянными наблюдательными вышками. Вокруг города простиралась полоса выжженной земли - минное поле, за которым виднелись ряды колючей проволоки, натянутой в три ряда. Айрис почувствовала, как в груди разливается тепло - первое настоящее облегчение за последние три дня, - но оно смешалось с тревогой, когда она увидела, что главные ворота города закрыты. Массивные створки из бронированной стали

были наглухо заперты, а на стенах она заметила вооружённых людей, которые всматривались в горизонт с тем же напряжением, с каким они сами смотрели на лагерь «Фронттира».

Она подошла к воротам, чувствуя на себе десятки прицелов, и подняла руки вверх, демонстрируя, что не представляет угрозы. Один из часовых крикнул сверху, его голос был хриплым от пыли и напряжения:

- Стой! Кто такие? Откуда идёте?

Айрис вытащила из кармана удостоверение - старую, потёртую пластиковую карточку с голографической печатью Союза, - и подняла её над головой, чтобы её было видно. Она назвала свои позывные, имя, код подразделения. Несколько минут напряжённого ожидания, и затем раздался скрежет механизмов - ворота начали медленно открываться, пропуская их внутрь. Она вошла первой, чувствуя, как тень ворот падает на неё, и за ней - Элиас, бледный, но держащийся на ногах, Келл и Рен, замыкающие отряд.

Внутри город был погружён в лихорадочную суету. Всё, что она видела за последние дни - спокойный, но напряжённый быт маленьких поселений, - сменилось картиной тотальной мобилизации. Улицы были перекопаны, люди строили баррикады из мешков с песком, ржавых автомобилей и бетонных плит, наспех сколачивая укрепления на каждом перекрёстке. Женщины и старики таскали ящики с патронами, подростки подносили бутылки с зажигательной смесью, мужчины всех возрастов проверяли оружие, чистили стволы, пересчитывали заряды. Дети - маленькие, испуганные, с большими глазами - сидели в глубине зданий, прижавшись друг к другу, или стояли в очередях у грузовиков, готовых вывезти их в более безопасные районы. В воздухе витал запах горелого масла, металла и страха, который смешивался с решимостью, витающей в каждом взгляде, в каждом жесте. Айрис видела, как мать прижимает к себе ребёнка, пока отец заколачивает досками окно, и её сердце сжималось от этой картины - но в то же время она чувствовала гордость, что эти люди не сдаются, что они готовы стоять до последнего.

Она направилась к административному зданию - старому, обшарпанному зданию с колоннами, которое служило штабом обороны. Внутри было шумно: люди бежали с бумагами, радисты сидели у аппаратов, командиры склонялись над картами. Айрис подошла к группе людей в форме - лидерам города, которых она видела на старых фотографиях, - и остановилась перед ними. Её голос был твёрдым, но в нём слышалась усталость, которая копилась три дня пути, три дня без сна, три дня постоянного страха:

- Я принесла информацию. «Фронтир» идёт. Это не слухи, это реальность. У них армия в несколько тысяч солдат, тяжёлая техника, танки. Они не остановятся здесь - они идут через эту границу, чтобы добраться до столицы. Мы должны готовиться. У нас есть координаты их основного лагеря, маршруты патрулей, планы Арбитра. Это всё здесь.

Она вытащила из рюкзака карты и документы, которые они собирали, и положила их на стол перед лидерами. Они склонились над ними, и она видела, как их лица менялись - усталость сменялась пониманием, понимание - тревогой. Один из них, высокий седой мужчина с нашивками генерала, поднял на неё глаза. Он выглядел измождённым, но в его взгляде читалась железная выдержка:

- Мы знаем. Слухи о «Фронтире» дошли до нас ещё месяц назад. Мы готовили оборону, но у нас мало людей. Нас - две сотни солдат, гражданское ополчение, в основном старики и женщины. Мы не сможем долго держаться, если они придут всей армией. Максимум - пару дней. Может быть, неделю, если мы будем умело использовать укрепления. Но против танков и тысяч солдат... - Он покачал головой. - Нам нужна помощь. Нужно время.

Айрис смотрела на него, и внутри неё что-то выпрямлялось, обретая форму и ясность. Она не позволила себе дрогнуть, не позволила усталости взять верх. Она встретила его взгляд и сказала, и голос её был ровным, как сталь клинка:

- Я свяжусь со столицей. У них есть резервы, есть подкрепление, есть оружие. Они отправят его сюда, если я смогу донести до них, как важна эта точка. Если мы удержим этот город, мы дадим Союзу время собраться. Если мы его потеряем, путь к столице будет открыт. Держите оборону. Я сделаю всё, что от меня зависит.

Она развернулась и направилась в комнату связи - маленькое помещение с облупленными стенами и старым передатчиком, который гудел, как раздражённое насекомое. Айрис села за аппарат, её руки легли на холодный металл клавиш, и она перевела дыхание, собираясь с мыслями. Она знала, что это сообщение может стать последним шансом. Она начала передавать, её пальцы нажимали на клавиши, превращая слова в электрические сигналы, которые должны были пересечь пустошь и достигнуть столицы:

«Это Айрис, позывной «Компас». Город Торн - граница. «Фронтир» идёт. Несколько тысяч солдат, техника, танки. Арбитр планирует активировать «Сердце». Координаты лагеря прилагаются. Прошу подкрепление. Повторяю - прошу подкрепление. Время до прибытия врага - неизвестно. Город готовится к обороне. Мы будем держаться, сколько сможем. Компас, конец связи».

Она отправила сообщение и замерла, ожидая ответа. Тишина. Только шипение статики и гул вентиляторов. Она ждала, чувствуя, как каждая секунда растягивается в вечность, как внутри неё всё сжимается в тугий узел. И когда в динамике раздался голос, хриплый и далёкий, она выдохнула, не веря своему облегчению: «Сообщение принято. Подкрепление готовится к выдвижению. Держитесь. Мы идём». Айрис закрыла глаза на мгновение, чувствуя, как первый лучик надежды проникает в её сердце. Она не остановилась. Она сделала то, что должна была сделать. И теперь они не одни.

Айрис вышла из здания связи и остановилась на крыльце, вглядываясь в улицы города, которые за время её короткого отсутствия стали почти неузнаваемыми. Суэта, которую она видела при входе, теперь превратилась в слаженный, отлаженный механизм общей мобилизации. Каждый житель города - от седых стариков до подростков - делал своё дело, и в этом единстве чувствовалась та самая сила, которую невозможно сломать плазмой и дронами. Улицы, ещё утром бывшие обычными городскими артериями, теперь превращались в укреплённые позиции: поперёк главных проспектов вырастали баррикады из композитных блоков и армированных мешков с песком, уложенных рядами, с узкими бойницами для стрельбы. Остовы сгоревших транспортеров, согнанные с окраин, стояли на колёсах, опрокинутые на бок, создавая дополнительные преграды, за которыми прятались огневые точки. Люди копали окопы и траншеи вдоль стен, углубляли рвы, натягивали колючую проволоку на подступах к главным воротам, и воздух звенел от стука компрессоров, шипения сварочных аппаратов и команд, которые раздавались отовсюду.

Айрис видела, как на каждом углу устанавливаются огневые точки - лёгкие плазменные турели на треногах, старые, но надёжные рельсовые ускорители, которые люди бережно выносили из городских арсеналов, протирали маслом и настраивали под руководством тех немногих, кто умел с ними обращаться. В соседнем переулке группа мужчин проверяла энергетические блоки и термобатареи к оружию, пересчитывая зарядные капсулы, чтобы не ошибиться в запасах. Кто-то калибровал оптику на штурмовых винтовках, кто-то точил боевые клинки из карбидной стали, кто-то разбирал и собирал автоматы с закрытыми глазами, настолько привычными были эти движения - даже в настоящее время технологии не отменяли необходимости знать своё оружие как продолжение руки. На крышах зданий виднелись силуэты снайперов и наблюдателей, которые уже заняли свои позиции, всматриваясь в пустошь за стенами через тепловизоры и голографические прицелы, ожидая первых признаков наступления.

Но больше всего её поразили женщины и дети. Они не прятались в подвалах, не сидели в бункерах, сложа руки. Они тоже были частью этой обороны - молчаливой, терпеливой, но не менее важной. Женщины в старых термокуртках и перепачканных комбинезонах носили воду

к баррикадам, раздавали сухие пайки работникам, помогали поднимать тяжёлые композитные плиты, когда мужчины выбивались из сил. Они перевязывали раненым руки и ноги, успокаивали испуганных детей, находили для них место в старых подземных убежищах, где было хоть немного безопаснее. Дети постарше - подростки, чьи лица ещё не потеряли детской мягкости, но в чьих глазах уже горел взрослый огонь, - подносили ящики с энергокапсулами, помогали натягивать проволоку, учились управлять оружием на тренажёрах, готовясь к тому, что им, возможно, придётся стрелять. Айрис смотрела на них и чувствовала, как что-то внутри неё переворачивается - не от жалости, а от гордости, от ощущения, что эти люди не сдадутся. Они не побегут. Они будут стоять до конца, потому что у них нет другого выбора. Потому что это их дом, и они не отдадут его врагам.

Она подошла к одному из мужчин, который пытался поднять тяжёлый армированный блок, и, не говоря ни слова, взялась за другой конец. Вместе они подняли его и уложили в ряд, выравнивая край, и блок с глухим стуком опустился на место. Мужчина вытер пот с лица и посмотрел на неё с удивлением и благодарностью. Он был невысоким, коренастым, с обветренным лицом и сильными, покрытыми шрамами руками, которые явно привыкли к тяжёлой работе. На шее у него висел старый, потёртый амулет - символ Союза, вырезанный из переплавленного металла. Айрис посмотрела на него, и её голос прозвучал тихо, но искренне:

- Вы храбрые. Все вы. Я видела много поселений, которые сдавались без боя, которые бежали при первых слухах о «Фронтире». Но вы остаётесь. Вы готовитесь. Это... это стоит многого.

Мужчина улыбнулся - широкой, открытой улыбкой, которая осветила его усталое, покрытое пылью лицо. Он посмотрел на неё, потом на баррикады, на людей, которые суеились вокруг, и ответил без тени сомнения, просто, как говорят о чём-то само собой разумеющемся:

- Мы защищаем свой дом. Здесь выросла моя дочь, здесь живёт моя мать, здесь я строил своё будущее, когда мы пришли сюда двадцать лет назад. Я не отдам это врагам. Пусть приходят - мы встретим их с плазмой и сталью. Каждый камень в этом городе станет крепостью, каждая щель - огневой точкой. Мы не отступим, пока мы живы. У нас есть старые зенитные установки с окраины - мы переделали их в наземные турели. У нас есть мины, которые мы соберём за ночь. Мы не профессионалы, но мы будем драться.

Айрис смотрела на него, и в груди у неё разливалось то самое чувство, которое она почти забыла - чувство веры. Не в стратегию, не в оружие, не в подкрепление, которое шло из столицы по старым коммуникационным линиям. А в людей. В простых, усталых, перепачканных в песке и поту людей, которые не ждали спасения от кого-то, а сами брали в руки оружие и говорили: «Мы будем стоять». Она видела в их глазах отражение той же искры, которую чувствовала в себе - искру сопротивления, которая не гаснет даже под самыми сильными ветрами отчаяния. Она верила, что они могут выстоять. Она верила, что эта стена из композита и человеческих сердец продержится ровно столько, сколько понадобится. Она верила, что даже перед лицом тысяч солдат, боевых дронов и танков на гравитационной тяге есть место для надежды.

Айрис кивнула ему, схватила следующий блок и потащила его к баррикаде, чувствуя, как боль в спине и руках становится не помехой, а частью общей работы. Она работала вместе с ними, как равная, как одна из них, потому что в этот момент она была одной из них - защитницей этого города, этой земли, этого дома. Она не знала, сколько у них времени, не знала, успеет ли подойти подкрепление, не знала, сколько из этих людей увидят завтрашнее утро. Но она знала, что они готовы сражаться. И этого было достаточно, чтобы продолжать. Она подняла следующий блок, чувствуя, как его тяжесть отдаёт в руки, и уложила его на место, рядом с другими, строя стену против тьмы, которая надвигалась с востока. Где-то вдалеке зазвучал сигнал тревоги - короткий, пронзительный вой сирены, который пробежал по городу, как электрический разряд. Враги приближались.

Айрис вошла в здание штаба и на мгновение остановилась у порога, позволяя глазам привыкнуть к полумраку. Это было небольшое, но крепкое строение из серого камня, которое служило центром обороны города - старый административный блок, переживший не одну осаду и помнивший ещё те времена, когда Союз только строился. Стены были сложены из грубо обработанного гранита, на них висели старые голографические карты региона, наполовину стёртые временем, а в воздухе витал запах машинного масла, сухой бумаги и сырости, которая просачивалась сквозь трещины в бетонном полу. Внутри было тепло - в углу гудела старая термопечь, отбрасывая на стены оранжевые отблески пламени, - и несколько человек в форме Союза сидели за массивным деревянным столом, склонившись над картами и планшетами. Масляные лампы, установленные по периметру комнаты, освещали их лица - усталые, серьёзные, с глубокими морщинами и тенями под глазами, которые выдавали бессонные ночи. Когда она вошла, они подняли головы, и она увидела, как напряжение в их взглядах сменяется узнаванием - они ждали её, они знали, что она принесёт не просто новости, а ключ к их выживанию.

Айрис подошла к столу, и её рука автоматически потянулась к карману, где лежала карта, которую она носила с собой последние дни, бережно складывая и разворачивая, помня каждую линию, каждую отметку, каждую координату. Она развернула её на столе, придавив края какими-то металлическими блоками, и её пальцы, всё ещё грязные от песка и крови, начали двигаться быстро и уверенно, указывая на ключевые точки, которые она запомнила до мельчайших деталей. Её голос был хриплым от усталости, но в нём слышалась сталь, которую невозможно было не услышать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.